

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1907.

№ VIII.

АПРѢЛЬ.—КНИЖКА ВТОРАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

Стр.

Къ двадцатипятилѣтію архіерейскаго служенія Арсенія, Архіепископа Харьковскаго. (Окончаніе). *К. Е. Н.* . . . . . 143—175

Уроки первой Французской революціи (Изъ переписки друзей). *Сообщеніе Прот. Т. Буткевича.* . . . . . 176—193

Союзъ между церковію земною и небесною. (Догматическій очеркъ). *Прот. Н. Малиновскаго* . . . . . 194—215

За права жизни и личности. (Ученіе Фр. Ницше и моральная оцѣнка этого ученія). (Окончаніе). *Священника П. Фомина* . . . . . 216—224

Нравственныя начала (принципы) новѣйшей русской художественной литературы. (Окончаніе). *П. Красина* . . . . . 225—230

II. ОТДѢЛЪ ИЗВѢСТІЙ И ЗАМѢТОКЪ по ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:

Содержаніе. I. Списокъ лицамъ, кои Всемилостивѣйше пожалованы за заслуги по духовному вѣдомству, къ 22-му апрѣля 1907 года, ко дню св. Пасхи, медалями, съ надписью „за усердіе“.—Отъ Московской школы почтительства Государини Императрицы Маріи Теодоровны о глухонѣмыхъ.—II. Христова Воскресѣ.—*Е. Баласникова.*—Воскресеніе Христова и Пасхальныя пожеланія. *Сельскаго Священника Г. Горина.*—Откликъ сельскаго протоіерей по поводу статьи „Гнусная ложь“. *Протоіерей Николая Теодоровскаго.*—Противъ выборнаго начала духовенства. *Священника Леонида Оружинскаго.*—Къ вопросу о реформѣ духовно-учебныхъ заведеній. *П. С.*—Миссіонерскій листокъ. Русскіе караймы. *И. Айвазова.*—Изъ общественной жизни Россіи. (Окончаніе). Епархіальная хроника.—Иноепархіальный отдѣлъ.—Разныя пзвѣстія и замѣтки.—Объявленія.—(Стр. 231—284).

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія, Соборная пл., въ ад. Присут. мѣстѣ
1907.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ДВУХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ богословско философскій. Въ который входитъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзорныя замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни,—однимъ словомъ все, составляющее обширную программу собственно духовныхъ журналовъ. Сюда же съ апологетическою цѣлію будутъ входить изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе и менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко въ природѣ человѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

2. Такъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлію замѣнить для Харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“, то въ немъ, въ видѣ особаго приложенія, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ „Извѣстія и замѣтки по Харьковской епархіи“, въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти, церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по девяти и болѣе листовъ въ каждомъ №. Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 рублей, а за границу 12 руб. съ пересылкою.

РАЗРОЧКА ВЪ УПЛАТУ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» при Харьковской духовной Семинаріи, при свѣчной лавкѣ Харьковскаго Покровскаго монастыря, въ Харьковской конторѣ «Новаго Времени», во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова и въ конторѣ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей»; въ Москвѣ: въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія ланя, въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Гостиный дв., № 45. Въ остальныхъ городахъ Имперіи подписка на журналъ принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ конторахъ «Новаго Времени». Въ редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» можно получать полныя экземпляры ея изданія за прошлые 1884—1889 годы включительно по уменьшенной цѣнѣ, именно по 5 р. 50 к. за каждый годъ; по 6 р. за 1890—1897 г., по 7 р. за 1897—1902 годы. За 1903 г.—9 р. и 1904 г. 8 р., за 1905 г. 9 р. и 1906 г. 10 р.

Лицамъ же, выписывающимъ журналъ за всѣ означенные годы, журналъ можетъ быть уступленъ за 140 р. съ пересылкою.

Кромѣ того, въ Редакціи продаются слѣдующія книги:

1. „Древніе и современные софисты“. Сочиненіе Т. Ф. Brentano. Съ французскаго перевелъ Яковъ Новицкій. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкою.

2. „Оправедливы ли обвиненія, вводимыя графомъ Львомъ Толстымъ на православную Церковь въ его сочиненіи „Церковь и государство?““ Сочиненіе А. Рождественна. Цѣна 60 к. съ пересылкою.

3. БЕСѢДЫ Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, съ о.о. Благочинными Харьковскою епархіи. 1903 г. Цѣна 25 к. съ пересылкою.

Πίστει νοοῦμεν.

Вѣрою разумѣаемъ.

Евр. XI.

КЪ ДВАДЦАТИПЯТИЛѢТІЮ

АРХІЕРЕЙСКАГО СЛУЖЕНІЯ

АРСЕНІЯ, АРХІЕПИСКОПА ХАРЬКОВСКАГО.

(Окончаніе *).

IV. Служеніе Преосвященнаго Арсенія въ должности ректора С.-Петербургской духовной академіи.

1) Для Преосвященнаго Арсенія назначеніе его ректоромъ Академіи было совершенно неожиданно. Въ сентябрѣ 1883 года, послѣ обычнаго доклада дѣль митрополиту Исидору, — старецъ — Архипастыръ предложилъ Его Преосвященству занять должность ректора С.-Петербургской духовной академіи. При этомъ пояснилъ, что Св. Синоду желательно на этомъ мѣстѣ имѣть Епископа и возстановить ученое монашество въ Академіи. Дѣйствительно, болѣе 20 лѣтъ въ Академіи не было монаховъ. Смущенный предложеніемъ Владыки — митрополита Преосвященный отвѣтилъ ему: „Если Вамъ угодно — Владыко, я согласенъ; но при этомъ я объ одномъ просилъ бы Ваше Высочайшее священство, чтобы меня оставили и въ должности 1-го викарія... Если я не справлюсь съ Академіей, или почему либо въ ней пойдутъ нестроенія, я могъ бы остаться при настоящемъ своемъ положеніи“... Митрополитъ отвѣтилъ: „Это можно сдѣлать“... Времени довольно прошло пока Онъ сдѣлалъ докладъ Св. Синоду, пока состоялось опредѣленіе Синода и заготовлено было представленіе Государю Императору. Только 23 октября 1883 года послѣдовало Высочайшее утвержденіе быть Епископу Арсенію ректоромъ С.-Петербургской духовной Ака-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1907 г. № 7.

деміи съ званіемъ 1-го викарія и съ сохраненіемъ викаріатскаго жалованья.

2) 8 ноября 1883 года Преосвященный Арсеній вступилъ въ должность ректора. Въ этотъ день онъ совершилъ въ первый разъ божественную литургію въ академическомъ храмѣ и сказалъ проповѣдь на слова Свящ. Писанія: *Стойте въ вѣрѣ, мужайтесь, утверждайтесь* (1 Кор. 16, 19), противъ современнаго упадка вѣры и нравственности въ обществѣ и противъ проникновенія въ ограду церковную и въ духовно-учебныя заведенія духа цевѣрія, либерализма и свободы нравственности. Изъ церкви Преосвященный ректоръ пошелъ въ актовъ залъ, куда собраны были всѣ студенты. Здѣсь въ своемъ обращеніи къ студентамъ онъ намѣтилъ главную задачу своего служенія въ Академіи. Слова Преосвященнаго ректора примѣчательны: „Благодареніе Господу, говоряъ онъ, что Онъ удостоилъ меня начать служеніе въ Академіи совершеніемъ богослуженія въ храмѣ Божіемъ—приношеніемъ безкровной жертвы, нашею общею молитвою. Да услышитъ Онъ нашу молитву и пошлетъ намъ все доброе въ нелегкомъ дѣлѣ моего новаго служенія и вашего ученія и воспитанія. Отъ престола Божія я преподаль вамъ г.г. свое благословеніе и съ кафедръ церковной я высказалъ вамъ, какъ служитель церкви Божіей, совершитель таинъ Божіихъ и проповѣдникъ вѣры и благочестія, какова должна быть ваша вѣра. Сюда же я пожелалъ собрать васъ для того, чтобы преподать вамъ благословеніе и высказать вамъ свои благожеланія, какъ новый ректоръ вашъ. Примите же, г.г. мое благословеніе, приносимое вамъ отъ чистаго сердца, съ искреннимъ желаніемъ вамъ всего добраго, начиная съ тѣлеснаго здоровья, хорошихъ успѣховъ и кончая душевнымъ вашимъ спасеніемъ. Господь да поможетъ вамъ совершить ваше ученіе и воспитаніе въ академіи съ полнымъ успѣхомъ въ духѣ вѣры и благочестія.

Миѣ весьма пріятно будетъ служить въ академіи и трудиться для васъ, г.г., если я увижу въ васъ, кромѣ прилежнаго занятія науками, развитіе религіознаго чувства, усердіе къ храму Божію, любовь къ церковному пѣнію и чтенію, расположеніе къ служенію церкви Божіей въ священномъ санѣ и

соотвѣтственно сему во всей вашей жизни—благоприличіе и благоповеденіе. Если кому, то особенно это необходимо вамъ, какъ воспитанникамъ высшаго духовно-учебнаго заведенія, труженникамъ на нивѣ богословской науки, будущимъ наставникамъ и руководителямъ духовнаго юношества нашихъ семинарій и училищъ и, еще болѣе того, служителямъ православной церкви. Да будутъ, г. г., эти свойства вашимъ украшеніемъ!..

Это мое желаніе само—собой понятно будетъ, когда мы припомнимъ, что въ нынѣшнее время въ области науки легко встрѣтить несогласіе между наукою и религіей, знаніемъ и вѣрой, и въ жизни—между ея требованіями и требованіями церкви. А въ нынѣшней учащейся молодежи то и дѣло встрѣчаются, вмѣсто развитія религіознаго чувства и благочестивой жизни, невѣріе, неуваженіе къ священнымъ лицамъ, къ священнымъ предметамъ, шаткость нравственныхъ началъ и даже безнравственность. И при этомъ отличительными свойствами учащихся и ученыхъ молодыхъ людей бываютъ: ложная самоувѣренность, гордость, кичливость своимъ образованіемъ и недоувѣріе, неуваженіе и даже презрѣніе къ дѣйствительнымъ авторитетамъ, стоящимъ на почвѣ вѣры и благочестія, несогласіе съ ихъ воззрѣніями и неподчиненіе ихъ требованіямъ. Духъ времени силенъ, зараза прилипчива; они пропикаютъ и въ ограду церкви и въ наши духовно-учебныя заведенія. Да хранитъ васъ Господь Богъ отъ этихъ недуговъ.

При такомъ состояніи науки въ отношеніи къ вѣрѣ и при такомъ направленіи учащагося юношества промыслу Божию угодно было поставить меня на служеніе въ академіи въ то время, когда я поставленъ на служеніе въ церкви въ высшемъ духовномъ санѣ—Епископа. Я смотрю на это, какъ на указаніе Божіе мнѣ на то, что я болѣе всего долженъ заботиться о предохраненіи васъ отъ болѣзненнаго духа времени, о развитіи въ васъ религіознаго чувства, о расположеніи васъ къ служенію церкви въ духовномъ и мірскомъ званіи, словомъ и дѣломъ,—чтобы вы, по выходѣ изъ этого святилища науки, какъ приобрѣтшіе достаточный запасъ свѣдѣній, при значительной силѣ ума и воли, направленной къ добру, проникнутые чувствомъ вѣры и благочестія, являлись добрыми сѣяте-

ляци слова Божія и надежнымъ оплотомъ церкви Христовой. На это будетъ обращено мною особенное вниманіе. И во всемъ прочемъ, касающемся вашей жизни и вашихъ нуждъ, вы всегда встрѣтите во мнѣ полное сочувствіе, заботливость и попеченіе о васъ. Но долгомъ считаю предупредить васъ: въ этомъ отношеніи я буду стоять на почвѣ справедливости и законности.

Благословеніе Господне на васъ, Того благодатію и человеколюбіемъ, всегда, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ.

Попрощавшись съ студентами, Преосвященный ректоръ изъ актовъ залы перешелъ въ залу Совѣтскихъ засѣданій, гдѣ собрались всѣ профессора Академіи. Старѣйшій изъ профессоровъ Е. И. Ловягинъ привѣтствовалъ Преосвященнаго Арсенія съ вступленіемъ въ должность ректора и пожелалъ отъ лица своихъ сослуживцевъ добраго успѣха на пользу Академіи отъ управленія ею новаго ректора, высказавъ надежду, что подъ освѣщеніемъ благодати Божіей, присущей архіерейскому сану, такъ и будетъ. Поблагодаривъ профессора Ловягина за благожеланіе и поздравствовавшись со всѣми профессорами, Преосвященный Арсеній сказалъ имъ слѣдующее: „Доселѣ жизнь и служба моя слагались такъ, что я не имѣлъ близкаго отношенія къ Академіи и при настоящемъ своемъ положеніи не думалъ, чтобы мнѣ пришлось служить въ академіи. Я принялъ должность ректора академіи съ покорностью, но не безъ смущенія. Чуждый самонадѣянности, я буду считать себя счастливымъ, если хоть немного оправдаю надежды, возложенныя на меня высшею духовною властью. На васъ, г.г., я смотрю, какъ на мужей, владѣющихъ въ совершенствѣ академическою наукою, вполне знающихъ всѣ академическіе порядки, добросовѣстно и неуклонно стремящихся къ выполненію высшихъ цѣлей академіи, какъ высшаго духовно-учебнаго и ученаго учрежденія нашей православной церкви. Въ этомъ отношеніи я позволю себѣ надѣяться имѣть въ лицѣ васъ усердныхъ помощниковъ, добрыхъ совѣтниковъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, и особенно на первыхъ порахъ, и руководителей. Во взаимныхъ нашихъ отношеніяхъ, служебныхъ или частныхъ, я болѣе всего желалъ бы видѣть искренности и доброжелательности, чуждыхъ

самолюбія и личныхъ расчетовъ, и затѣмъ согласія и единства въ нашихъ академическихъ дѣлахъ. Думаю, при такихъ условіяхъ они будутъ имѣть хорошій успѣхъ. Съ своей стороны, насколько Богъ мнѣ поможетъ, я буду стараться осуществлять въ своей академической дѣятельности, высказанныя мною желанія".—Съ 9 января новый ректоръ вступилъ въ управление Академіею, начавъ свои занятія въ оной повѣркою академическихъ суммъ.

3) Управление дѣлами Академіи сосредоточивается въ академическомъ *Совѣтѣ* профессоровъ и въ *Правленіи* Академіи. Первый вѣдаетъ дѣла ученые, учебныя и воспитательныя; второе—хозяйственныя—экономическія. Тѣми и другими дѣлами Преосвященный Арсеній занимался весьма тщательно. Почти ежедневно съ 9 ч. утра до 12 дня онъ проводилъ время въ залѣ засѣданій, занимаясь дѣлами академическими съ секретаремъ и экономомъ. Сюда же приходили къ нему профессора Академіи по своимъ дѣламъ. Засѣданія *Совѣта* происходили разъ въ мѣсяць, а иногда чаще, а засѣданія *Правленія*—еженедѣльно. Въ засѣданіяхъ Преосвященный Арсеній самъ докладывалъ дѣла съ полною отчетливостію и ясностію: каждое дѣло онъ, напередъ подготовляя къ докладу, докладывалъ его на память и дѣлалъ надлежащія разъясненія. Дѣла шли плавно и засѣданія не затягивались. Засѣданія *Правленія* происходили утромъ, а засѣданія *Совѣта* вечеромъ. На *Совѣтахъ* ученые дебаты профессоровъ не усложнялись; когда возникали горячіе споры, Преосвященный ректоръ на нѣсколько минутъ прерывалъ засѣданіе; волненія утихали; вопросы, не приводимые къ согласію, рѣшались по голосамъ. При такого рода веденія дѣлъ, Преосвященный Арсеній, при оставленіи Академіи, прощаясь съ профессорами, говорилъ имъ: „въ продолженіе своего управления Академіею (3½ г.), ни разу нога моя не переступала порога залы *Совѣтскихъ* и *Правленскихъ* собраній съ неприятымъ чувствомъ“. Въ 1884 году вводился въ Академіи новый уставъ; введеніе оного прошло тихо и спокойно; никто не остался обиженнымъ. Для академическихъ наукъ Преосвященный Арсеній сдѣлалъ весьма цѣнное приобрѣтеніе въ Академіи: приобрѣлъ обширную бібліотеку протоіерея Сидонскаго.

4) Лѣтъ за десять до прибытія въ Петербургъ Преосвященнаго Арсенія скончался протоіерей Казанскаго собора Оед. Оед. Сидонскій—профессоръ С.-Петербургскаго университета, богословъ-философъ, ученый и всесторонне образованный. Онъ любилъ собирать книги по разнымъ наукамъ, отыскивая ихъ въ разныхъ мѣстахъ, особенно у букинистовъ и скупаль. Библіотека его возросла до 30 тысячъ томовъ. Покупателя всей бібліотеки въ совокупности не находилось, но продавались книги отдѣльно—по выбору. Преосвященный Арсеній пригласилъ къ себѣ наслѣдниковъ покойнаго протоіерея Сидонскаго и просилъ ихъ, для сохраненія имени его, пожертвовать бібліотеку духовной Академіи, гдѣ онъ получилъ высшее образованіе, обѣщавъ имъ выхлопотать изъ Св. Синода денежное пособіе. Наслѣдники согласились, пособіе было выдано. Въ Академической бібліотекѣ для книгъ протоіерея Сидонскаго выдѣлено было особое мѣсто съ отдѣльными шкафами; при участіи студентовъ, бібліотека была разобрана, книги поставлены на мѣста и напечатанъ отдѣльный каталогъ подъ названіемъ бібліотека прот. О. О. Сидонскаго. Такъ было сохранено отъ растраты драгоценное книжное сокровище, приобрѣтено для Академіи и увѣковѣчено имя владѣльца.

5) По уставу Академическому, ректоръ Академіи считался ординарнымъ профессоромъ, и долженъ читать лекціи по какому-либо богословскому предмету. Преосвященный Арсеній просилъ Митрополита Исидора освободить его отъ этого заповздалаго для него занятія. Митрополитъ не согласился. Его Преосвященство избралъ для своихъ чтеній очеркъ нравственныхъ обязанностей; и дабы не страдала съ научной стороны кафедра по нравственному богословію, онъ открылъ по сему предмету доцентуру. Чтеніе Преосвященнаго Арсенія по нравственному богословію скорѣе и правильнѣе можно было назвать религіозно-нравственными собесѣдованіями съ студентами. Тогдашнее безрелигіозное и либеральное время давало обильный матеріалъ для собесѣдованій. Студенты охотно посѣщали лекціи Преосвященнаго Арсенія; для нихъ былъ живой интересъ въ нихъ; они сами принимали участіе въ сужденіяхъ о

религіозно-нравственныхъ предметахъ; имъ дана была свобода, и между ними въ присутствіи ректора происходили цѣлыя дебаты.

Во время ректорства Преосвященнаго Арсенія въ Академіи было нѣсколько коллоквиумовъ на степень магистра; ищущіе сей ученой степени получали таковую. А два преподавателя Академіи за сочиненія по Св. Писанію (проф. Елеонскій), по Византійской Исторіи (проф. Скабалоновичъ) получили степень доктора—первый богословія, а второй Церковной Исторіи.

Когда досточтимый профессоръ по предмету Русскаго раскола, нынѣ почившій И. Θ. Нильскій, оставилъ должность инспектора Академіи, Преосвященный Арсеній пожелалъ имѣть инспектора въ иноческомъ санѣ. Но таковыхъ лицъ въ самой Петербургской Академіи не было; только Казанская Академія имѣла такое лицо: инспектора архимандрита Антонія. Преосвященный Арсеній употребилъ все свое стараніе и даже нѣкотораго рода хитрость для того, чтобы перемѣститъ о. архим. Антонія изъ Казани въ Петербургскую Академію. Онъ употребилъ для этого содѣйствіе Митрополита Исидора, Оберъ-Прокурора Св. Синода К. П. Побѣдоносцева и товарища его В. К. Саблера. Желаніе Преосвященнаго Арсенія было исполнено: инспекторъ Казанской Академіи архимандритъ Антоній былъ перемѣщенъ на ту-же должность въ Петербургскую Академію. Въ этомъ пельзя не видѣть особеннаго дѣйствія Промысла Божія о Своей Церкви. Послѣ Преосвященнаго Арсенія о. архимандритъ Антоній былъ достойнѣйшій ректоръ Академіи въ санѣ святительскомъ. А потомъ, по недолгомъ времени, свѣтильникъ сей ярко засвѣтилъ всей Русской Церкви: Преосвященный Антоній сдѣлался перво-іерархомъ ея и первенствующимъ членомъ Св. Синода въ санѣ Митрополита С.-Петербургскаго.

6) Съ особенною заботливостію Преосвященный Арсеній занимался хозяйственною и экономическою частью Академіи. Ни одна отрасль хозяйства не ускользнула отъ его глазъ. При немъ академическій корпусъ былъ обновенъ снаружи и внутри; всѣ шторы и занавѣси въ окнахъ были замѣнены новыми; вся студенческая мебель въ занятныхъ комнатахъ и классахъ была

передѣлана заново, а въ залы засѣданій и актовъ—пріобрѣтена новая; кровати студентскія были перекрашены, постельныя принадлежности обновлены; больница была обновлена внутри и снаружи, больничное бѣлье и столовыя принадлежности обновлены и дополнены; больничныя халаты сшиты новыя. Въ академическомъ саду всѣ бесѣдки были отремонтированы; поставлено нѣсколько десятковъ лавочекъ; сухо-подстойныя деревья были вырублены и вмѣсто нихъ посажено до 700 деревъ, въ томъ числѣ около сотни кедровъ, привезенныхъ съ о. Валаама; послѣдніе впрочемъ туго принимаются въ академическомъ саду; многіе засохли.

Еще съ большимъ вниманіемъ относился Преосвященный Арсеній къ студенческому столу. Во избѣжаніе недоразумѣній и для большей наблюдательности въ доброкачественности провизіи для стола онъ привлекалъ самихъ студентовъ въ качествѣ кухонныхъ и столовыхъ дежурныхъ. Преосвященный ректоръ строго высчитывалъ, чтобы вся сумма, ассигнуемая на пищу, шла по своему прямому назначенію. Мало того, онъ находилъ возможнымъ увеличивать суточную сумму (съ 28 к. до 30—35 к. въ сутки на одно лицо), дѣлая для сего строгій учетъ отсутствовавшихъ студентовъ по болѣзни, въ отпускахъ, командировкахъ и т. п. Студенты сначала сего не понимали, потомъ уразумѣли и оцѣнили заботливость ректора настолько, что признали свои дежурства по кухнѣ и столу излишними. Экономъ—свящ. Лавровъ былъ заботливый человѣкъ, понимающій свое дѣло; Преосвященный Арсеній держалъ его строго, но и довѣрялъ ему. Точно такъ же и по другимъ статьямъ на содержаніе студентовъ Преосвященный ректоръ не только обращалъ должное вниманіе, но и привлекалъ самихъ студентовъ. Они непосредственно сами наблюдали и понимали, во что ихъ одѣвали и обували; зная ассигновки на нихъ, они переоцѣнивали матеріалъ, справлялись и узнавали, что лучшаго за ассигнованную сумму нельзя пріобрѣсти. И мы не помнимъ случаевъ размолвокъ и недоразумѣній, а тѣмъ болѣе недовольства и волненій между студентами изъ-за содержанія ихъ.

Смерть есть неизбѣжное событіе въ жизни человѣка. Нисколько не удивительно и не странно, если Преосвященный

Арсеній позаботился и о тѣхъ студентахъ, которымъ судиль Богъ и судить умереть въ стѣнахъ академіи. Прежде умершихъ въ академіи студентовъ хоронили на Лаврскомъ кладбищѣ—въ разныхъ мѣстахъ; но Преосвященный Арсеній пожелалъ, чтобы ихъ хоронили въ одномъ мѣстѣ. Для этой цѣли онъ, съ благословенія митрополита Исидора, вошелъ въ соглашеніе съ членами Лаврскаго собора и за полцѣны купилъ у Лавры на томъ же (Николаевскомъ) кладбищѣ мѣсто для погребенія студентовъ, чтобы ихъ погребали въ порядкѣ—въ одномъ мѣстѣ; мѣсто приобрѣтено было на 30 покойниковъ по расчету на пятьдесятъ лѣтъ, по прошествіи коихъ въ первомъ ряду дозвоительно снова начать погребеніе студентовъ. Конечно, этотъ расчетъ можетъ осуществиться, если будетъ присмотръ и соблюдаться порядокъ.

7) Вступивши въ должность ректора академіи, Преосвященный Арсеній рѣшилъ на первыхъ порахъ не дѣлать никакихъ переменъ въ жизни студентовъ до конца учебнаго года, падающаяся за это время присмотрѣться къ ихъ жизни, пересмотрѣть, исправить и дополнить правила, опредѣлявшія жизнь студентовъ. Свои требованія онъ немедленно предъявилъ къ студентамъ только относительно неуклоннаго посѣщенія утреннихъ и вечернихъ молитвъ и богослуженія. И только съ сентября 1884 года академическая жизнь пошла по новому порядку. Съ предубѣжденіемъ встрѣтили студенты ректора—архіерея и даже говорили, что если онъ предъявитъ строгія требованія относительно образа ихъ жизни, то они исполнять ихъ не будутъ и даже сдѣлаютъ ему непріятность. Это стало извѣстно Преосвященному Арсенію. Онъ собралъ студентовъ въ залу, и одинъ безъ инспекціи бесѣдовалъ съ ними, что дѣлалъ онъ не разъ. Эти бесѣды взаимно сблизили студентовъ съ ректоромъ, выяснили благонамѣренность и благожелательность ихъ начальника и вызвали студентовъ на довѣріе къ нему. Были случаи, которые увѣряли студентовъ въ совершенно отеческомъ отношеніи къ нимъ Преосвященнаго ректора. Они увидѣли и глубоко оцѣнили, что во время ректорства Преосвященнаго Арсенія ни одинъ студентъ не только не погибъ, но и не былъ удаленъ изъ Академіи. Преосвящен-

наго ректора они видѣли ежедневно—то въ столовой, то въ занятныхъ комнатахъ, то въ спальняхъ и вездѣ онъ стучалъ и кричалъ, не умѣя тихо говорить и молча дѣлать. Сердиться и злиться на него нельзя было. Самые сговоры студентовъ кончались комизмомъ, (возложенія вѣнка на могилу писателя Добролюбова и неприсутствія на годовичныхъ актахъ).

Къ архіерейскому богослуженію въ академическомъ храмѣ студенты привыкали постепенно и потомъ полюбили оное. Иподіаконы, книгодержцы, жезлоносцы, свѣщеносцы, облаченные въ стихари—всѣ были студенты. Были торжества, напр. обнесеніе плащаницы вокругъ академическаго корпуса, когда до тридцати студентовъ справляли обязанность крестнаго хода въ стихаряхъ. Какое великое утѣшеніе было для Преосвященнаго ректора, который главною своею задачею поставлялъ,—развитіе церковности въ академіи. Въ этомъ святомъ дѣлѣ великую службу ему сослужили нѣкоторые благочестивые и, надо правду сказать, самые лучшіе, и въ средѣ товарищей авторитетные, студенты. Съ какою радостію онъ бесѣдовалъ съ ними о церковно-религіозныхъ предметахъ. Съ слезами на глазахъ и съ трепетнымъ сердцемъ онъ услышалъ отъ своихъ друзей—студентовъ, что въ академіи среди студентовъ начались дебаты о монашествѣ—за оное и противъ него, и что нѣкоторые студенты склонны принять монашество.

8) Давно не было въ стѣнахъ академіи постриженія въ иночество. Въ ректорство Преосвященнаго Арсенія монашество возстановилось въ Петербургской Академіи во всей силѣ; событіе это повліяло благотворно и на другія Академіи, и въ другихъ Академіяхъ вслѣдъ за Петербургской стали совершаться постриженія студентовъ въ иночество. Девять постриженій совершилъ Преосвященный Арсеній въ Академіи; затѣмъ постриженія повторялись и послѣ него и теперь повторяются. Когда лучший студентъ старшаго курса Мих. Грибановскій и съ нимъ одинъ діаконъ—студентъ Грузовъ объявили, что они принимаютъ монашество, то это было просто—событіемъ въ Академіи... Преосвященный Арсеній торжественно и трогательно обставлялъ обряды постриженія. Онъ пазначалъ постриженія наканунѣ воскресныхъ дней, или праздниковъ,

въ концѣ всеобщаго бдѣнія—послѣ *великаго славословія*. Съ какимъ стараніемъ студенты пѣли это всеобщее бдѣніе, и особенно великое славословіе Кіевскаго распѣва. Но вотъ на минуту пѣвчіе—студенты смолкали, и съ особеннымъ благоговѣніемъ начинали пѣть: *Объятія отчи отверсти ми потщися...* Въ дверяхъ академическаго храма показывалась вереница Лаврскихъ монаховъ съ возженными въ рукахъ свѣчами: это вели къ царскимъ вратамъ студента, пожелавшаго принять иночество. Водворялось въ храмѣ гробовое молчаніе: громко и изъ глубины души Преосвященный ректоръ начиналъ предлагать вопросы постригаемому, стоящему на колѣнахъ предъ свв. Крестомъ и Евангеліемъ; съ сознаніемъ и твердою рѣшимостію отвѣчаетъ молодой ученый: „*ей Богу содѣйствующу*“... По совершеніи обряда постриженія каждаго новаго инока Преосвященный Арсеній привѣтствовалъ рѣчью. Мы приведемъ здѣсь нѣсколько рѣчей, сказанныхъ новопостриженнымъ инокамъ—студентамъ.

Рѣчь при постриженіи въ монашество студентовъ С.-Петербургской дух. Академіи 2 курса діакона Петра Грузова ¹⁾ и 4 курса Михаила Грабановскаго ²⁾ (14 янв. 1884 г.).

„Привѣтствую васъ, возлюбленные братіе—новопостриженные инокъ Михаилъ и священноинокъ Платонъ, съ принятіемъ монашескаго званія. Господь да поможетъ вамъ вести монашескую жизнь, какъ требуетъ того св. церковь. Въ обрядѣ постриженія, который только что совершенъ надъ вами,—въ молитвахъ, которыя были читаны при совершеніи сего обряда и въ обѣтахъ, которые сейчасъ вы дали предъ св. крестомъ и Евангеліемъ, достаточно изображена трудность монашеской жизни. Между тѣмъ, монахъ и по постриженіи въ монашество остается съ тѣми немощами природы человѣческой, какія онъ имѣлъ до постриженія въ монашество; не закрыты для него и соблазны міра сего, особенно для монаха проходящаго свое поприще монашескаго житія и служенія церкви не въ тѣсной келіи и монастырской оградѣ, а въ болѣе близкомъ отношеніи

¹⁾ Скончался въ санѣ Епископа Муромскаго.

²⁾ Скончался въ санѣ Епископа Таврическаго.

къ міру—на общественномъ служеніи, къ каковому, если угодно будетъ Богу, и вы готовитесь, а инокенный врагъ рода человѣческаго—дѣволъ еще болѣе употребляетъ старанія, коварства и ухищреній по отношеніи къ людямъ, обрѣкшимъ себя на доброе дѣло... Такъ, возлюбленные братіе, много трудовъ и подвиговъ предстоитъ вамъ на поприщѣ монашеской жизни, борьба со своею склонною ко грѣху природою, съ міромъ и дѣволою, борьба продолжительная—до гробовой доски...

Но успокойтесь, возлюбленные, истинно христіанская жизнь и въ мірѣ не совершается безъ подвиговъ и трудовъ; *сила Божія въ немощихъ совершается*. Въ трудной вашей монашеской жизни Самъ Господь Богъ будетъ вамъ помощникомъ, а также Заступница рода христіанскаго и помощница всѣмъ къ Ней прибѣгающимъ, Пресвятая Богородица, Дѣва Марія, св. Ангелы, въ обѣтахъ монашеской жизни которыми вы уподобляетесь, и всѣ святые угодники Божіи и особенно тѣ, которые совершили теченіе жизни своей въ томъ званіи, которое вы приняли. Только знайте, возлюбленные, и, конечно, вы уже знаете, кому помогаетъ Богъ? Онъ помогаетъ тому, кто имѣетъ твердую и непоколебимую вѣру въ Него ожевленную добрыми дѣлами, кто ради имени Божія готовъ на всякія жертвы, на всякаго рода лишенія, страданія и даже самую смерть. Вступая въ монашескую жизнь, вы конечно твердо рѣшились, при помощи Божіей, на всѣ подвиги монашеской жизни, приготовились къ борьбѣ со врагами ея, да не озираются же назадъ—къ міру ваши духовныя и тѣлесныя очи; да не явятся въ васъ раскаяніе въ вашемъ благомъ, но трудномъ дѣлѣ, малодушіе, уныніе и изнеможеніе. А при всякомъ случаѣ малодушія, искушенія и соблазна становитесь на молитву, въ ней вы всегда найдете подкрѣпленіе, истинное утѣшеніе, и успокоеніе, и чаще—чаще изображайте на себѣ крестное знаменіе: это наше огражденіе отъ всѣхъ видимыхъ и невидимыхъ враговъ. Въ обычной же вашей жизни избѣгайте праздности, которая есть мать пороковъ, старайтесь соблюдать во всемъ умѣренность и избѣгайте неподходящихъ вашему званію обществъ: тогда и трудная монашеская жизнь будетъ для васъ легка и пріятна. При этомъ скажу вамъ въ утѣшеніе: при

въсѣхъ трудностяхъ монашеской жизни она имѣеть въ себѣ то, что весьма трудно пріобрѣтается въ мірской жизни, именно съ пріяніемъ монашества вы вступили на болѣе вѣрный и благонадежный путь для прохожденія истинной, самотверженной христіанской жизни, для совершенія собственнаго спасенія и болѣе удобный и безпрепятственный путь, а слѣдовательно могущій болѣе принести пользы для служенія церкви Христовой на землѣ. А то и другое дороже всего для христіанина и и весьма важно, особенно въ нынѣшнее маловѣрующее время; когда по словамъ псалмопѣвца—*„оскудѣ преподобный“*. Да будетъ же, возлюбленные, примѣръ вашъ дѣйствень и поучителенъ для другихъ.

Спасайтесь о Господѣ! Господь да хранитъ васъ; и да направитъ вашу жизнь ко благу церкви своей на земли и къ послѣдію вами царства небеснаго въ будущей жизни!“

Рѣчь при постриженіи въ монашество студента С.-Петербургской Духовной Академіи 3-го курса Николая Надеждина ¹⁾ (4 апрѣля 1884 г.).

„Привѣтствую тебя, возлюбленный братъ, инокъ Никаноръ съ пріяніемъ монашескаго званія.

Да возрадуется душа твоя о Господѣ, облече бо ты въ ризу спасенія! Исполнилось твое давнее желаніе всецѣло посвятить себя на служеніе церкви Христовой въ иноческомъ званіи. Да поможетъ тебѣ Господь Богъ въ семъ званіи до конца жизни твоей неуклонно и свято потрудиться для церкви Божіей и для спасенія души своей! Можно, возлюбленный братъ, и не въ монашескомъ званіи принести пользу церкви Божіей на землѣ; можно и въ мірѣ спасти свою душу. Но чтобы служеніе церкви Божіей было плодотворнѣе и совершалось безпрепятственно, и чтобы путь ко спасенію былъ вѣрный и благонадежный, для этого необходимо отрѣшиться отъ мірскихъ обязанностей, житейскихъ заботъ и попеченій, необходимо, если не совершенно удалиться отъ міра, то по крайней мѣрѣ поставить себя въ такое положеніе, чтобы не увлечься прелестями его и соблазнами. А такое положеніе есть монашеское.

---

¹⁾ Нынѣ Епископъ Пермскій. .

Я не буду приводить тебѣ, возлюбленный братъ, ученія изъ священнаго писанія и твореній святыхъ отцевъ церкви о высотѣ дѣвственной жизни сравнительно съ брачнымъ состояніемъ и о преимуществахъ монашеской жизни предъ мірской; тебѣ, какъ получающему высшее богословское образованіе, она болѣе или менѣе извѣстна. Скажу только, что мірская жизнь исполнена безчисленныхъ заботъ и попеченій, бѣдствій, нуждъ и скорбей не за себя только, но и за присныхъ своихъ; по истинѣ нелегко человѣку-мірянину среди всѣхъ житейскихъ тревоженій исполнять всѣ свои христіанскія религіозно-нравственныя обязанности и созидать свое спасеніе. Напротивъ, для того, кто сумѣетъ овладѣть собой,—тиха и безмятежна монашеская жизнь: въ ней только можно безпрепятственно, легко и удобно совершать свое спасеніе: служить Богу и людямъ.

Правда, не легко овладѣть собой, человѣческія страсти все равно, что дикіе звѣри; трудно бороться съ ними и не легко укрощать ихъ. Великіе подвижники благочестія—и тѣ иногда изнемогали въ борьбѣ съ ними. Но не надо быть самонадѣяннымъ, надобно съ самаго начала не позволять развиваться въ себѣ худымъ наклонностямъ и привычкамъ, а тѣмъ болѣе—превращаться имъ въ страсти. На *то*, что другіе могутъ считать въ тебѣ, возлюбленный братъ, опаснымъ для монашеской жизни, я позволю себѣ посмотрѣть—какъ на полезное и благонадежное въ твоемъ новомъ положеніи: ты еще юнъ, жизнь еще не успѣла оказать на тебя своего тлетворнаго вліянія; ты еще не успѣлъ познакомиться со всѣми житейскими тревоженіями: и тѣ или другія худыя наклонности и привычки не успѣли еще проявиться въ тебѣ. Поэтому, принявши иноческое званіе, тебѣ нужно только беречь себя: быть на стражѣ по отношенію къ себѣ, къ своему внутреннему состоянію, и ко всему окружающему тебя со—внѣ, чтобы не предаться и не подчиниться ничему худому. Еще болѣе года ты будешь находиться въ стѣнахъ сего храма науки. Здѣсь въ знакомой тебѣ средѣ ты найдешь и братскую любовь, и отеческое попеченіе, и духовную поддержку, столь необходимыя тебѣ на первыхъ порахъ въ твоемъ новомъ положеніи,—укрѣпиться въ

духовной жизни и приготовиться къ служенію церкви въ монашескомъ званіи, когда пойдешь изъ стѣнъ сего заведенія на желанный путь.

Будь вѣренъ своимъ монашескимъ обѣтамъ до конца жизни твоей и Господь все устроитъ тебѣ во благое“.

Рѣчь при постриженіи въ монашество студента С.-Петербургской Духовн. Академіи IV курса Іакова Мещерякова ¹⁾ (18 октября 1884 г.).

„Привѣтствую тебя, возлюбленный братъ, инокъ Серафимъ, съ принятіемъ монашескаго званія.

Радуюсь, что Господь Богъ привелъ въ исполненіе благое твое намѣреніе и избралъ тебя на служеніе церкви Своей въ иноческомъ званіи. Молю Бога, чтобы Онъ укрѣпилъ тебя въ духовной жизни, сохранилъ тебя отъ всѣхъ искушеній и соблазновъ, и направилъ твою волю, жизнь и дѣятельность согласно цѣли принятаго тобою новаго званія. Питаю надежду, что ты, возлюбленный братъ, по окончаніи курса высшаго богословскаго образованія, если Господу угодно будетъ пролить твою жизнь, съ честью послужишь церкви Божіей въ монашескомъ званіи, припесешь пользу ей и своей душѣ. Въ твоей жизни и въ твоёмъ постриженіи въ монашество есть нѣчто особенное.

Ты изъ крестьянскаго сословія, изъ среды котораго очень рѣдко выходятъ на служеніе церкви лица, получившія высшее образованіе и еще рѣже ученые монахи. Но за то это сословіе богато твердою вѣрою, строгою нравственностью и благочестивою жизнью. Ты наслѣдовалъ вѣру и благочестіе своего сословія, своихъ простыхъ родителей; эту вѣру и благочестіе не умалило въ тебѣ и твое образованіе, первоначально, повидимому, клонившееся не на служеніе церкви. Путемъ самостоятельнаго труда, уча и учась, ты съ честью окончилъ курсъ свѣтскаго средняго учебнаго заведенія и, задумавъ посвятить себя на служеніе церкви, измѣнилъ путь свой, посту-

¹⁾ Ншѣ Епископъ Полоцкій.

пиль въ это святилище высшей богословской науки и наконецъ, когда ты уже сталъ приближаться къ концу своего образованія, дабы стать ближе къ цѣли своего призванія,—ты принялъ монашество. Такъ, возлюбленный, есть нѣчто особенное въ твоей жизни. И съ утѣшеніемъ можно сказать, не безъ особеннаго призванія ты посвящаешь себя на служеніе церкви и приимаешь монашество.

Еще съ большею увѣренностью я могу это сказать потому, что когда я спрашивалъ тебя, обдумалъ ли ты хорошо свое новое положеніе, приготовился ли достаточно къ тому, къ чему призываетъ тебя монашеское званіе, то на эти вопросы всегда отвѣчалъ мнѣ утвердительно. Въ откровенной бесѣдѣ своей ты говорилъ мнѣ, что уже шесть лѣтъ назадъ у тебя явилось желаніе посвятить себя на служеніе церкви, и въ продолженіе этого времени ты готовился къ монашескому званію. Конечно, въ продолженіе столь долгаго времени можно достаточно обдумать свое намѣреніе, испытать себя и приготовиться къ исполненію его, дабы послѣ не озираться назадъ и не раскаиваться. И на твое вступленіе въ монашество можно смотрѣть не какъ на скорый шагъ, совершившійся подъ минутнымъ увлеченіемъ, а какъ на дѣло довольно зрѣлое и обдуманное. Можно поэтому надѣяться, что ты съ честью послужишь церкви Божіей въ монашескомъ званіи и принесешь пользу ей и своей душѣ.

Да не будетъ эта надежда обманчивою! Не будь самонадѣяннымъ, мнящимъ себя вполне подготовленнымъ къ прохожденію подвиговъ монашеской жизни и борьбы съ врагами нашего спасенія. Помни, не легкое дѣло предстоить тебѣ; для совершенія его недостаточно однихъ сихъ человѣческихъ. Молись Богу, чтобы Онъ тебя не оставилъ своею помощію. Будь внимателенъ къ себѣ, къ своимъ помысламъ и ко всему окружающему. Все худое уничтожай въ его зародышѣ. Сохрани вѣру и благочестіе своихъ родителей и будь вѣренъ своему повому ипоческому званію даже до смерти.

Благодать Господа нашего Иисуса Христа и любви Бога и Отца и причастіе Св. Духа, молитвами Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы и всѣхъ святыхъ, да будетъ съ тобою!

Рѣчь при постриженіи въ монашество студента С.-Петербургской Духовной Академіи IV курса Алексѣя Храповицкаго ¹⁾ (18 мая 1885 г.).

„Привѣтствуя тебя, возлюбленный братъ, инокъ Антоній, съ принятіемъ монашескаго званія.

Исполнилось твое давнее, сильное и искреннее желаніе послужить Господу Богу и Его святой церкви въ иноческомъ чинѣ. Да возрадуется душа твоя о Господѣ: облече бо ты Господь въ ризу спасенія и одежду радованія! Теперь тебѣ слѣдуетъ приложить все стараніе—вести жизнь свою соотвѣтственно новому твоему званію. А это подвигъ великій и продолжительный. Господь да поможетъ тебѣ!

Не разъ присутствовалъ ты при совершеніи обряда постриженія въ монашество,—не разъ, слѣдовательно, слышалъ монашескіе обѣты, думалъ о нихъ и, вѣроятно, переносилъ ихъ на себя. Нынѣ, возлюбленный братъ, ты уже не изъ устъ другого лица, принимающаго монашество, слышалъ эти обѣты, а самъ давалъ ихъ, давалъ предъ Св. Крестомъ и Евангеліемъ, и этимъ самымъ добровольно возложилъ на себя обязанность исполнять ихъ. Не сомнѣваюсь, что ты съ глубокимъ сознаниемъ и искреннею готовностію исполнить, давалъ монашескіе обѣты. Но все таки на предлагаемые тебѣ вопросы ты отвѣчалъ: ей, Господу содѣйствующу, т. е. ты далъ согласіе исполнять принятые тобою обѣты при Божіей помощи, не надѣясь исключительно на свои силы. Значить, трудна монашеская жизнь! Да, возлюбленный братъ, изнемогали иногда въ монашескихъ подвигахъ и великіе подвижники и подвергались искушеніямъ. Что же касается тебя, то юность твоя и неопытность въ монашеской жизни заставляютъ опасаться за тебя. Въ предостереженіе отъ преткновеній я не лишнимъ нахожу сказать тебѣ нѣсколько словъ.

Безбоязненно вступай на путь монашеской жизни. И мірская жизнь истиннаго христіанина не чужда подвиговъ, а часто она исполнена бываетъ еще большихъ трудовъ, заботъ и скорбей, чѣмъ жизнь монашеская. Отличительныя черты монашества: одиночество, отреченіе отъ семьи и воздержаніе. Но для того,

---

¹⁾ Нынѣ Архіепископъ Волыскій.

кто не пристрастился къ удовольствіямъ міра, кто обрекъ себя на эти подвиги и болѣе или менѣе свыкъся съ ними, — для того они не составляютъ непосильнаго труда. Правда, добродѣтель у монаха должна быть выше, чище и свѣтлѣе, чѣмъ добродѣтель мірянина, а равнымъ образомъ и всякій грѣхъ, сдѣланный монахомъ, тяжелѣе и отвѣтственнѣе предъ Господомъ Богомъ, чѣмъ грѣхъ мірянина. Ежедневная молитва, постоянные труды и воздержаніе должны наполнять твою жизнь. Тогда не будетъ у тебя праздности, которая есть мать пороковъ: скука не найдетъ въ тебѣ мѣста, монашескіе подвиги сдѣлаются посильными и даже легкими, и занятія, свойственныя монаху, пріятными. А для того, чтобы грѣхъ былъ уничтоженъ въ самомъ началѣ или лучше, чтобы не было и повода ко грѣху, — я посоветую тебѣ слѣдующее.

Внемли себѣ: будь внимателенъ къ своему внутреннему состоянію и не позволяй зарождаться въ душѣ твоей грѣховнымъ мыслямъ: отъ мыслей являются грѣховныя желанія, а отъ желанія — и самый грѣхъ. Предварившіе насъ подвижники христіанскаго благочестія опытно дознали, что грѣхъ невозможенъ безъ пожеланій, а пожеланія въ нашемъ сердцѣ не возникаютъ, если человекъ не любитъ мысли о желаемомъ предметѣ. Кто отсѣкъ приразившуюся грѣховную мысль, тотъ тѣмъ самымъ устранилъ и пожеланіе и самый грѣхъ. Такимъ образомъ весь трудъ духовной брани состоитъ во вниманіи къ движенію мыслей и расположеніямъ сердца. Здѣсь — въ сердцѣ, въ его движеніяхъ — исходище живота; отсюда возникаютъ помысленія злая, которыя зачинаютъ грѣхъ и рождаютъ беззаконіе. Всяцѣмъ храненіемъ блюди сердце твое.

Преподобный Іоаннъ Лѣствичникъ на этотъ случай дастъ монахамъ такой совѣтъ: стань въ дверяхъ сердца твоего и именемъ Іисуса бій супостаты (грѣховныя мысли); ни на землѣ, ни на небѣ нѣтъ оружія крѣпчайша! Такъ, возлюбленный братъ, какъ скоро замѣтишь возникновеніе грѣховной мысли, тотчасъ же разбивай ее о камень, который, по апостолу, есть Христосъ (1 Коринѣ. X. 14); иначе, если дать ей время усилиться, перейти въ чувство, свить гнѣздо въ сердцѣ — грѣхъ неизбеженъ и блаженство чистыхъ сердцемъ исчезнетъ.

Молитва Іисусова да будетъ неотступно въ твоемъ умѣ, сердцѣ и устахъ. Господь да поможетъ тебѣ на пути новой жизни твоей въ несеніи монашескихъ подвиговъ; да защититъ и сохранитъ Онъ тебя отъ пскушеній и соблазновъ. Возмогай о Господѣ!

Рѣчь при постриженіи въ монашеество преподавателя С.-Петербургской духовной еееминаріи Николая Налимова ¹⁾. (8 іюня 1885 г.).

„Привѣтствую тебя, возлюбленный братъ, инокъ Николай, съ принятіемъ монашескаго званія! При этомъ, столь важномъ событіи въ твоей жизни, я нахожу приличныя подѣлиться съ тобою тѣми мыслями и чувствами, которыя наполняютъ мою душу по поводу твоего постриженія въ монашеество, и пожелать тебѣ тѣхъ благъ, которыхъ выравѣ ожидать отъ тебя наша православная церковь въ новомъ твоемъ званіи и которыя, если ты осуществишь въ своей жизни, послужатъ ко спасенію души твоей.

Весьма обрадовался я, когда услышалъ о твоемъ намѣреніи послужить церкви Божіей въ монашескомъ званіи, съ полною христіанскою любовію я принялъ участіе въ твоемъ приготовленіи къ постриженію въ монашеество и съ глубокимъ молитвеннымъ чувствомъ совершилъ оное.

Да и какъ не радоваться, когда въ принятіи монашеества людьми, получившими высшее духовное образованіе, видишь лицъ, посвящающихъ себя всецѣло на служеніе церкви Божіей, въ отреченіи отъ всѣхъ мірскихъ привязанностей,—когда видишь лицъ, принимающихъ монашеество, имѣющихъ въ себѣ богатый запасъ духовныхъ дарованій, могущихъ приносить пользу церкви не въ священнодѣйствіи только ея, но и въ ея ученіи и управленіи.—лицъ, стоящихъ и имѣющихъ стать въ самое близкое отношеніе къ духовному юношеству, надеждѣ нашей церкви и въ качествѣ учителей и руководителей его?

Какъ не радоваться, когда видишь нѣсколько примѣровъ принятія монашеества и здѣсь, и въ другихъ мѣстахъ людьми, разумно смотрящими на жизнь, правильно понимающими ея

¹⁾ Иныя архіеиесковыя Владимірскаія

задачи и служеніе Богу, и спасеніе души ставящими выше всего на свѣтѣ? Не есть ли это знаменіе появленія лучшаго направленія въ нынѣшнее скудное благочестіемъ время? Не есть ли это фактическое опроверженіе матеріалистическихъ взглядовъ нынѣшняго времени на настоящую жизнь, не признающихъ ничего духовнаго и полагающихъ всю цѣль жизни только въ земномъ счастіи? Словомъ, не есть ли это знаменіе поворота къ лучшему въ религіозно-нравственномъ отношеніи? Дай Богъ! И если это такъ, то есть чему порадоваться.

Въ отношеніи же къ тебѣ, въ принятіи тобою монашества, возлюбленный братъ, есть еще особыя причины радоваться. Ты принялъ монашество въ зрѣломъ возрастѣ; восемь лѣтъ прошло съ того времени, какъ ты окончилъ свое высшее духовное образованіе; восемь лѣтъ ты уже состоишь учителемъ духовныхъ юношей, будущихъ пастырей церкви, учителемъ не только словомъ, но и своимъ добрымъ примѣромъ. Въ продолженіе этого времени ты свободно могъ познакомиться съ жизнью; двери ея на разные пути для тебя были не закрыты. Но и столичная жизнь, со всеми ея мірскими удовольствіями, не плѣнила тебя. Съ опытностью зрѣлаго мужа, твердо и обдуманно ты вступаешь на служеніе церкви въ иноческомъ чинѣ. Въ этомъ отношеніи ты представляешь поучительный примѣръ для подобныхъ тебѣ лицъ. Въ нынѣшнее время, когда если совершенно не оскудѣли преподобные, то очень и очень уменьшилось число ученаго монашества,—является особенная потребность въ служителяхъ церкви въ иноческомъ званіи, владеющихъ богатствомъ духовныхъ дарованій, какъ для воспитанія юношества, такъ и для другихъ нуждъ церковныхъ.

Судя по тѣмъ обстоятельствамъ, при которыхъ ты принялъ монашество, т. е. принимая во вниманіе твой возрастъ, твои духовныя дарованія и твое восьмилѣтнее служеніе воспитанію и обученію духовнаго юношества, нельзя не питать надежды на то, что ты принсешь пользу церкви Божіей своимъ служеніемъ въ иноческомъ чинѣ,—нельзя не быть увѣреннымъ, что тѣ религіозно-нравственныя качества, которыя послужили побужденіемъ для принятія тобою монашества, не только останутся твердыми и неизмѣнными, но еще болѣе разовьются

и будутъ отражаться и на другихъ лицахъ, и особенно вѣр-
ренныхъ твоему поученію. Тако да просвѣтитъ свѣтъ твой
предъ челоуѣки, яко да видятъ добрыя дѣла твоя и прославятъ
Отца, иже есть на небесѣхъ!...

Господь да поможетъ тебѣ въ несеніи подвиговъ монаше-
ской жизни и сохранитъ тебя отъ искушеній. Ты же всяцѣмъ
храненіемъ блюди свое сердце. Будь внимателенъ къ себѣ и
не будь самонадѣянъ. Не полагайся чрезмѣрно ни на зрѣлость
своихъ лѣтъ, ни на крѣпость своей воли, ни на силу своихъ
духовныхъ дарованій и опытность въ жизни: врагъ рода чело-
вѣческаго, съ которымъ приходится вести борьбу воину Хри-
стову, силенъ и коваренъ: онъ поражаетъ насъ не въ откры-
томъ бою, а всего чаще непредвидѣнно и неожиданно для насъ,
и притомъ тамъ, гдѣ мы и не видимъ опасности. Уповай на
Бога и моли всѣмъ сердцемъ, да будетъ помощь Его всегда
съ тобою. Благодать Господа нашего Іисуса Христа и любви
Бога и Отца и причастіе Св. Духа для огражденія тебя отъ
всего худого, наставленія и укрѣпленія тебя въ добрѣ да бу-
детъ съ тобою во всѣ дни жизни твоея.

Для духовной же бесѣды, для укрѣпленія тебя въ подвигахъ
монашеской жизни, я вручаю тебя твоему духовному отцу и
окружающей тебя монашествующей братіи; будь внимателенъ
къ ихъ добрымъ совѣтамъ и послушенъ ихъ благимъ настав-
леніямъ“.

Рѣчь при постриженіи въ монашество студента
С.-Петербургской Духовной Академіи III курса
Ильи Алексѣева ¹⁾. (21 декабря 1885 г.).

„Привѣтствую тебя, возлюбленный братъ, инокъ Іоаннъ, съ
принятіемъ монашескаго званія. Исполнилъ Господь Богъ твое
доброе намѣреніе—принять духовный санъ и стать на прямой,
вѣрный и безпрепятственный путь служенія церкви Божіей;
удалены тѣ небольшія препятствія, которыя волновали твою
душу и отдаляли время постриженія тебя въ монашество. *Да
возрадуется душа твоя о Господь, облече бо тя Господь въ
ризу спасенія и одежду нетлѣнія!* Отъ всей души желаю,

¹⁾ Скончался въ санѣ Епископа Пермскаго.

молилъ и молю Господа Бога, да сохранить Онъ тебя твердо и непоколебимо на избранномъ тобою пути, и да направитъ всѣ твои силы духовныя и тѣлесныя къ достиженію и осуществленію тѣхъ цѣлей и надеждъ, которыя предназначаются и возлагаются на тебя новымъ твоимъ званіемъ и которыхъ вправѣ ожидать отъ тебя церковь. Но это будетъ зависѣть не отъ одной помощи Божіей, но и твоей воли.

Ты желалъ принять монашество подѣ великій праздникъ Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы; думалъ и я объ этомъ и находилъ весьма приличнымъ подѣ этотъ праздникъ ввести тебя въ этотъ храмъ для посвященія Богу, чрезъ постриженіе въ монашество. При этомъ думалъ сказать тебѣ въ наставленіе: Пресвятая Дѣва послѣ посвященія своего Богу, во время пребыванія при храмѣ и во храмѣ, проводила время въ молитвѣ, чтеніи слова Божія и трудѣ. Эти занятія, при особенно содѣйствующей благодати Божіей, укрѣпили Пресвятую Дѣву въ добрѣ и возвысили Ее до святости безъ сравненія выше ангеловъ. Человѣку, посвятившему себя на служеніе Богу, и тѣмъ болѣе—монаху, и особенно молодому, для сохраненія себя въ святости эти три рода занятій особенно необходимы: молитва наполнить его душу чувствами любви къ Богу и ближнему, преданности, покорности и благоговѣнія предѣ Богомъ, чтеніе слова Божія и другихъ душеспасительныхъ книгъ наполнить его умъ предметами вѣры, просвѣтитъ его взглядъ на предметы знанія и вообще умудритъ его жизнь; труды могутъ наполнить остатокъ свободнаго его времени и предостерегутъ отъ праздности, которая есть мать пороковъ. А все это въ совокупности содѣлаетъ жизнь его цѣломудреною по душѣ и тѣлу, укрѣпитъ его волю въ добрѣ, и вообще вырабатывается въ немъ твердый аскетическій характеръ, какимъ отличались св. отцы и учителя церкви, подвижники вѣры и благочестія. Вотъ что я желалъ сказать тебѣ, предполагая совершить постриженіе тебя въ монашество подѣ праздникъ Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы. Но существо дѣла не измѣнилось; говорю это тебѣ теперь. Потомъ, желали ты, желали и другіе, думалъ и я совершить твое постриженіе наканунѣ дня празднованія великому угодику Божію святителю

Николаю Чудотворцу. Тогда я желалъ указать тебѣ въ примѣръ и назиданіе на нѣкоторыя свойства святителя; указать не только на то, что онъ для всѣхъ насъ есть *правило вѣры, образецъ кротости, учитель воздержанія, ревнитель православія*, что онъ *стяжалъ смиреніемъ высокая и нищетою богатая*, но главнымъ образомъ—на тѣ свойства, которыя идутъ болѣе къ твоему возрасту: Святитель Николай съ юныхъ лѣтъ посвятилъ себя на служеніе Богу; любовь къ храму Божию и посѣщеніе богослуженія въ молодыхъ лѣтахъ было его *на-сущною потребностью*; высокая христіанская благочестивая жизнь была причиною тому, что онъ рано былъ удостоенъ священнаго сана. Я желалъ сказать тебѣ, чтобы и твоя юность была подобна юности Святителя Николая Чудотворца, чтобы съ молодыхъ лѣтъ она закалилась въ христіанскихъ подвигахъ и послужила закваскою и твердымъ основаніемъ для всего добраго на все послѣдующее время жизни твоей—даже до гроба,—чтобы видящіе тебя не назвали поспѣшнымъ твое посвященіе на служеніе Богу въ ипоческомъ чинѣ, чтобы знающіе твою жизнь на дѣлѣ видѣли, что юность и старость исчисляются не числомъ только лѣтъ, что бываютъ и зрѣлые юноши и юные старцы, что лучший возрастъ человѣка—*житіе нескаерное* и, что въ юности посѣешь, то въ старости можнешь. Вотъ что я желалъ сказать тебѣ, возлюбленный братъ, когда думалъ постричь тебя въ монашество подъ праздникъ святителя Николая Чудотворца. Существо дѣла не измѣнилось; говорю это тебѣ теперь.

Но вотъ за три дня до великаго праздника христіанской радости—явленія въ мірѣ Богочеловѣка, ты прыгнулъ, по выраженію церковному, ангельскій чинъ; этимъ самымъ ты достойно срѣтаешь грядущаго въ мірѣ Спасителя, по неизреченной любви Своей принявшаго на себя грѣхи всего міра и испившаго оныя безконечною жертвою Своею чрезъ воплощеніе, земную жизнь, страданія, смерть и воскресеніе. Своимъ новымъ званіемъ ты всецѣло посвящаешь себя на служеніе Ему и Его святой церкви и, отрекшись отъ міра, начнешь приносить первые подвиги монашеской жизни въ жертву Богу въ святыя дни Рождества Христова. Съ великою духовною радо-

стію и съ благодарнымъ сердцемъ ты будешь пѣть въ эти дни радостную ангельскую пѣснь: *Слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ, въ челоуцѣхъ благоволеніе...*, *Слава въ вышнихъ Богу!* да будетъ миръ и въ душѣ твоей!...

Приклонись съ благоговѣйною покорностью предъ неисповѣдимымъ Промысломъ Божиимъ, мудро управляющимъ жизнью людей и ведущимъ ее ко благу, и возблагодари Господа Бога за Его особое попеченіе о тебѣ, взыскавшаго тебя своими милостями отъ дней отрочества твоего и приведшаго тебя въ это святилище высшей богословской науки, подъ сѣнь сего святого храма и призвавшаго тебя на служеніе Его церкви въ иноческомъ званіи. Поистинѣ дивны пути Промысла Божія! Будь вѣренъ твоему новому званію даже до смерти. Усматривай въ призваніи тебя къ нему особенное дѣйствіе Промысла Божія о тебѣ. Будь благодаренъ призвавшему тебя и оправдай призваніе твое твоею жизнью и дѣлами.

Еще, возлюбленный, два слова: въ мірѣ ты носилъ имя св. славнаго пророка Іліи, въ монашествѣ принялъ имя св. славнаго пророка и предтечи крестителя Господня Іоанна. Оба эти великіе праведника отличались глубокою вѣрою въ Бога, подвижничествомъ и ревностью о славѣ Божіей.

Въ новомъ твоёмъ званіи тебѣ особенно необходимо подражать этимъ свойствамъ святыхъ, имена которыхъ ты принялъ, дабы не напрасно было ношеніе тобою именъ сихъ великихъ праведниковъ.

Съ принятіемъ монашества ты вступаешь въ новую среду теперь окружающихъ тебя лицъ и съ братскою любовію принимающихъ тебя. Будь довѣрчивъ имъ, какъ братъ и какъ сынъ твоему духовному отцу. Въ нихъ ты всегда найдешь себѣ добрый совѣтъ и духовную помощь...

Зная вашу любовь, возлюбленные братіе, къ новопостриженному брату и сыну, я увѣренъ, что на новомъ пути въ жизни поруководите его; но согласно правиламъ церкви, я долгомъ своимъ считаю напомнить особенно тебѣ, отецъ духовный: блюди сего духовнаго твоего сына, *яко зеницу ока*; въ случаѣ его прегрковеній Господь взыщетъ съ тебя за его грѣхи“.

V. Назначеніе Преосвященнаго Арсенія на Рижскую кафедру, прощаніе съ Петербургомъ и отбытіе въ Ригу.

1) Ровно пять лѣтъ Преосвященный Арсеній находился въ должности Викарія С.-Петербургской Епархіи. Наступило время, когда онъ долженъ былъ получить другое назначеніе. Въ Петербургѣ начала носиться молва о назначеніи его на самостоятельную епархію. Предъ назначеніемъ его въ Ригу была свободна кафедра Курская. Онъ думалъ, что его назначать въ Курскъ. Но Господь судилъ иначе. Въ зимнюю сессию 1887 года въ Св. Синодѣ присутствовалъ экзархъ Грузіи — Архіепископъ Павелъ; онъ жилъ въ Академіи въ ректорской квартирѣ съ Преосвященнымъ Арсеніемъ. Въ Четвергъ 26 марта на шестой недѣли великаго поста возвратился изъ Синода Высокопреосвященный Павелъ и поздравилъ его *епископомъ Рижскимъ*. Въ этотъ день въ Св. Синодѣ совершилось перемѣщеніе архіерея: Каменецъ-Подольскаго Преосвященнаго Іустина — въ Курскъ, Рижскаго Доната — въ Каменецъ-Подольскъ, а Преосвященнаго Арсенія — въ Ригу. 28 марта это перемѣщеніе утвердилъ Государь, но въ виду приближенія страстной недѣли и праздника пасхи сдѣлано было распоряженіе о томъ, чтобы до Фоминой недѣли не объявлять архіереямъ этого перемѣщенія. Со скорбію принялъ Преосвященный Арсеній привѣтствіе Архіепископа Павла; потому что Рижская епархія считалась трудною, но прибавилъ *да будетъ воля Божія!*... На другой день ему уже присланы были дѣла изъ Св. Синода для ознакомленія съ рижской епархіей. Но до полученія указа онъ продолжалъ управлять Академіей и заниматься дѣлами Петербургской епархіи. Страстную и Святую седмицы, онъ обычно провелъ въ богослуженіяхъ; на Христовъ день служилъ литургію въ Лаврскомъ соборѣ вмѣстѣ съ митрополитомъ. На Фоминой недѣлѣ объявленъ былъ указъ, и Преосвященный Арсеній началъ готовиться къ отъѣзду и прощаться съ тѣми учрежденіями и лицами, съ которыми онъ имѣлъ соприкосновеніе.

2) Прежде всего преосвященный Арсеній пожелалъ исполнить религіозно-церковныя обязанности. Онъ отслужилъ ли-

тургію въ Исаакіевскомъ соборѣ и Александро-Невской лаврѣ, отслужилъ молебенъ предъ чудотворнымъ образомъ Казанской Божіей Матери, въ Казанскомъ соборѣ, поклонился чудотворному образу Нерукотвореннаго Спаса въ домикѣ Петра Великаго, чудотворному образу Скорбящей Божіей Матери, что въ храмѣ на Шпалерной улицѣ; 3 мая онъ участвовалъ въ Хиротоніи новаго ректора Академіи—Преосвященнаго Антонія 1-го викарія С.-Петербургской Епархіи, а 9-го въ Хиротоніи 2-го викарія той же епархіи, Преосвященнаго Владиміра. Съ институтами благородныхъ дѣвицъ Преосвященный Арсеній прощался во время экзаменовъ. Но нѣкоторые институты пожелали прощаться съ Преосвященнымъ Арсеніемъ особо и поднесли ему диванныя подушки и ковры. Смольный институтъ, гдѣ училась его дочь, провожалъ Рижскаго Владыку напутственнымъ молебномъ; Домъ призрѣнія бѣдныхъ духовнаго званія и при немъ устроенное имъ епархіальное женское училище—молебномъ и поднесеніемъ иконы препод. Арсенія Великаго. Столичное духовенство чествовало Его Преосвященство хлѣбомъ-солью и поднесло ему Панагію съ изображеніемъ Казанской Божіей Матери. Академія чествовала своего бывшаго ректора особо.

3) Какъ не желалъ Преосвященный Арсеній отклонить обѣдъ, предложенный ему корпораціей служащихъ въ Академіи, но настойчивая просьбы ихъ склонили его принять академическую хлѣбъ-соль. Трапеза умныхъ лицъ была (28 апрѣля) обильна, радушна и многорѣчива. Рѣчи открылъ старѣйшій профессоръ Е. Н. Ловягинъ. Онъ говорилъ: „Прежде всего позвольте поздравить Ваше пресвященство съ назначеніемъ Васъ на самостоятельную епископскую кафедру Рижской епархіи. Удаляясь изъ здѣшней духовной академіи, Вы оставляете въ насъ чувство глубокой благодарности за многочисленные труды Ваши на пользу Академіи во всѣхъ ея отношеніяхъ, съ внѣшней и внутренней стороны, въ мірѣ студентовъ и въ кругу наставниковъ академіи. Ваше Преосвященство постоянно желали дѣлать добро живущимъ и служащимъ здѣсь и дѣйствительно оказали добро большинству, почти всѣмъ или лучше сказать всѣмъ намъ, такъ что я не знаю, кто былъ бы обой-

день Вашимъ Архипастырскимъ благорасположеніемъ и кто можетъ быть недоволенъ Вашими распоряженіями; напротивъ, во всѣхъ должна остаться искренняя благодарность къ Вамъ. Если и Ваше Преосвященство съ своей стороны были довольны окружающими Васъ и своимъ положеніемъ въ Академіи, то желаемъ Вамъ найти не меньшее, но еще большее удовлетвореніе въ новомъ мѣстѣ служенія Вашего—въ Рижской епархіи. *Εἰς πολλὰ ἔτη δεσποτα.*

Далѣе говорилъ доцентъ Академіи *Θ. А. Тихомировъ*: „Ваше Преосвященство! Какъ сотрудникъ и помощникъ Вашъ на кафедрѣ Нравственнаго Богословія, считаю своимъ долгомъ выразить свое почтеніе къ Вамъ на этомъ прощальномъ обѣдѣ. Съ уходомъ Вашимъ кафедра Нравственнаго Богословія терпитъ не малый ущербъ. Она лишается въ лицѣ Вашемъ преподавателя-воспитателя. Лекціи Ваши, какъ это мнѣ хорошо пзвѣстно, носили практической характеръ. Вы почерпали матеріаль для нихъ прямо изъ первоисточника, т. е. изъ жизни, а не изъ мертвой книги; почему они изобиловали житеской мудростью, чисто практическими совѣтами. Вы иногда шли на лекціи, какъ сами изволили иногда выражаться, для того, чтобы побѣсѣдовать съ студентами. Благодаря такому отеческому тону своихъ чтеній, Вы имѣли большое вліяніе на своихъ слушателей,—завладѣли ихъ душами. И не отсюда ли происходитъ тотъ сильный подъемъ духа церковности, которымъ столь ясно характеризуется весь общій періодъ Вашего управленія академіей? Не отсюда ли приходитъ тотъ духъ аскетизма, который столь сильно сказался у насъ въ послѣдніе годы? Не отсюда ли отчасти объясняется то обстоятельство, что, когда начали появляться у насъ политическіе каины (о которыхъ можно сказать, что они „отъ насъ изыдоша, но не бѣша отъ насъ“), то академисты отнеслись къ нимъ съ величайшимъ негодованіемъ, съ величайшимъ отвращеніемъ. Да, Ваше Преосвященство, Вы были непосредственнымъ и живымъ носителемъ взглядовъ, исторически сложившихся въ нашей православной іерархіи. А такіе носители всегда полезны для дѣятелей православно-богословской науки, какъ компасы для путешественниковъ. Такимъ компасомъ Вы были въ частности

для меня. Пусть же сѣмена, посѣянные Вами, зрѣютъ и спѣютъ на академической почвѣ, и тотъ обильный плодъ, какой они дадутъ, да будетъ всегдашнимъ нерукотвореннымъ памятникомъ Вашей полезной дѣятельности для академій.

Достопочтенный—въ Бозѣ почившій профессоръ М. О. Кояловичъ говорилъ пространную рѣчь, погрузился въ глубину исторіи западно-русской церкви и изъ оной выскивалъ урокъ назиданія для рижскаго архіерея, отъѣзжавшаго тоже въ западную страну, много выстрадавшей нашей православно-русской церкви.—Преосвященный ректоръ Академіи Епископъ Антоній въ своей рѣчи съ любовью вспомнулъ Казань и Казанскую Академію, съ которыми ему тяжело было расставаться. Но и въ столицѣ—въ Петербургской Академіи онъ встрѣтилъ ту же любовь и расположеніе къ себѣ, которыя согрѣли и успокоили его. И онъ выразилъ свою благодарность Преосвященному Арсенію, употребившему стараніе къ перемѣщенію его въ Петербургъ. На всѣ рѣчи Преосвященный Арсеній отвѣтствовалъ, что онъ приноситъ глубокую благодарность Академіи за то высокое духовное утѣшеніе, которое онъ всегда получалъ въ общеніи и служеніи съ людьми умными и благородными въ Академіи. Въ продолженіе своего служенія въ Академіи онъ никогда не испытывалъ скорбнаго чувства и не имѣлъ никакой неприятности, и пожелалъ процвѣтанія С.-Петербургской духовной Академіи и здравія и всякаго благополучія профессорамъ, студентамъ и всѣмъ служащимъ въ Академіи.

8 мая—день памяти препод. Арсенія Великаго—день ангела Преосвященнаго Арсенія—онъ назначилъ днемъ прощанія съ Академіею. Въ этотъ день онъ совершилъ послѣднюю литургію въ академической церкви; съ нимъ служилъ новый ректоръ академіи, Преосвященный Антоній. Студенты отнеслись къ этому торжеству съ полнымъ вниманіемъ. Пѣвчіе встрѣтили отъѣзжавшаго Владыку въ нижнемъ корпусѣ у входа въ Академію, и при пѣніи тропаря преподобному Арсенію онъ вошелъ въ храмъ. Литургію и молебенъ они пропѣли отлично; сослужащими были академическіе монахи и профессора, носящіе священный санъ. Къ концу богослуженія собралось градское

столичное духовенство, не много, но тѣ лица, которымъ поручено было поднести Владыкѣ Арсенію панагію. Изъ среды собравшагося духовенства выдѣлился достопочтенный, почти 80 лѣтній старецъ (нынѣ покойный) протоіерей К. Ив. Боголюбовъ, и при задушевныхъ словахъ, въ присутствіи студентовъ и всего народа въ церкви поднесъ Преосвященному панагію, которую Владыка здѣсь же возложилъ на себя.

Послѣ богослуженія онъ прошелъ въ академическую залу, куда собрались всѣ студенты. Послѣ молитвы, пропѣтой всѣми студентами, одинъ изъ студентовъ ¹⁾, отъ лица всѣхъ своихъ товарищей, сказалъ рѣчь и поднесъ въ трехъ томахъ, въ отличномъ переплетѣ, біблію вольфовскаго изданія, съ картинами Дора. На первомъ листѣ сего подарка золотыми буквами написано слѣдующее: Преосвященнѣйшему Арсенію, ректору Санктпетербургской Духовной Академіи, отъ признательныхъ студентовъ. 8 мая 1887 года. Преосвященный отвѣтилъ студентамъ задушевною, какъ и всегда онъ бесѣдовалъ, рѣчью: „Прощайте возлюбленные! Слово „возлюбленные“ произношу не въ силу обычая, не изъ любезности и приличія, а по искреннему влеченію моего сердца. Чуждый личнаго угожденія тому или другому изъ васъ, я дѣйствительно съ любовью относился ко всѣмъ вамъ. Не было между вами по отношенію ко мнѣ особенно близкихъ или дальнихъ; но всѣ вы были равны для меня. Близки мнѣ были ваши нужды и дорога мнѣ была ваша честь. Особенно я заботился о томъ, чтобы ваша, дорогая для меня, Академія вполнѣ соответствовала своему наименованію—высшаго духовнаго училища, и чтобы она вполнѣ выражала жизнь, какая свойственна ея питомцамъ, готовящимся быть учителями и проповѣдниками Слова Божія, воспитателями духовнаго юношества и священнослужителями въ церкви Христовой. Вотъ почему, ставши ректоромъ Академіи, я все свое вниманіе обратилъ на внутреннюю и внѣшнюю жизнь студентовъ въ религіозномъ отношеніи и особенное приложилъ стараніе къ развитію въ Академіи *церковности*. При этомъ понятно вамъ, возлюбленные, почему я сталъ заботиться о развитіи и водвореніи монашества въ Академіи. Ахъ, какъ нужно все это въ нынѣшнее

¹⁾ 8 курса Изразцевъ.

время!.. Не легка была моя задача; вы хорошо видѣли это и понимали. На вашихъ глазахъ были мои постоянные труды и заботы въ Академіи; рѣдкій день вы меня не видѣли среди васъ, въ томъ или другомъ мѣстѣ Академіи, и рѣдкій день вы не слышали въ той или другой сторонѣ Академическаго зданія мой открытый голосъ: тихо то я не умѣлъ говорить... Приходилось мнѣ иногда на васъ покричать, но за дѣло; но не умѣлъ я гнѣваться на васъ, и никогда не помнилъ зла. Не помню, чтобы я кого-нибудь изъ васъ обидѣлъ; но быть можетъ и были такіе случаи: простите!.. Не насилывалъ я вашей совѣсти своими убѣжденіями, но всегда бесѣдовалъ съ вами непринужденно, въ простой формѣ, отечески и даже по-братски. Благодареніе Богу за добрые плоды моихъ трудовъ!.. Благодарю васъ, возлюбленные, за все то добро, которое вы являли при мнѣ въ Академіи; особенно благодарю васъ за участіе ваше въ богослуженіи и церковномъ пѣніи. Торжественныя богослуженія, прекрасное пѣніе и религіозно-нравственныя торжества въ Академіи составляли ея украшеніе, честь, и славу, и радовали меня. Благодарю васъ, дорогіе мои, за св. Библію, которую вы поднесли мнѣ на прощаніе. Это самый лучший и дорогой для меня С.-Петербургской Духовной Академіи и ея студентахъ. Будемъ, возлюбленные, со всею любовію и усердіемъ читать и изучать эту св. книгу и вдохновляться ею во благовременной жизни и искать спасенія душъ нашихъ—въ будущей. Отъ всей души желаю вамъ отъ Господа всѣхъ благъ въ жизни; а здѣсь желаю вамъ съ честью и съ успѣхомъ окончить курсъ вашего ученія и послужить потомъ на пользу Церкви Христовой и во славу Имени Божія. Призываю на васъ благословеніе Божіе: *Благословеніе Господне на васъ Того благодатію и человеколюбіемъ всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ.* Прощайте возлюбленные“!..

Попрощавшись съ студентами, Преосвященный отправился въ свою квартиру, куда собралось не малое число посѣтителей и гдѣ гостямъ была предложена краткая трапеза. Въ этотъ день многіе приходили къ нему съ поздравленіями и попроситься. Въ числѣ посѣтителей были: Высокопреосвященный

Павель—Экзархъ Грузіи, Высокопреосвященный Веніаминъ Архіепископъ Иркутскій, Преосвященный Сергій и Антоній, Вл. К. Саблеръ и многіе другіе. Вечеромъ отъѣзжавшій Владыка былъ у Оберъ-Прокурора Св. Синода К. П. Побѣдоносцева.

9-го мая Преосвященный Арсеній предполагалъ выѣхать изъ Петербурга въ Ригу, но Митрополитъ Исидоръ отклонилъ его отъѣздъ въ этотъ день (была суббота) и пригласилъ его участвовать въ хиротоніи во епископа второго викарія Петербургскаго, архимандрита Владиміра, который кстати былъ товарищемъ Владыки Арсенія по Кіевской академіи, а послѣ богослуженія Высокопреосвященный Митрополитъ пригласилъ его на обѣдъ къ себѣ. На обѣдѣ были все архіереи, бывшіе въ то время въ Петербургѣ. (Митрополитъ Московскій, Экзархъ Грузіи, Архіепископъ Иркутскій,—епископы: Выборгскій, Нарвскій, бывшій Кавказскій Германъ. Во время обѣда Владыка Митрополитъ провозласилъ здоровье Преосвященнаго Арсенія и высказалъ добрыя пожеланія ему.

10-го мая (воскресенье) Преосвященный Арсеній отслушалъ литургію въ академической церкви, послѣ литургіи Преосвященнымъ Ректоромъ и сослужащими былъ отслуженъ напутственный отъѣзжавшему Владыкѣ молебенъ. Потомъ онъ отправился въ Лаврскій соборъ, гдѣ поклонился мощамъ св. Благовѣрнаго Князя Александра Невскаго и приложился къ его иконѣ. Изъ собора Владыка Арсеній пошелъ къ Митрополиту Исидору попрощаться. Мститый старецъ благословилъ его иконой преподобнаго Арсенія Коневскаго чудотворца. Затѣмъ до самаго отъѣзда онъ уже не выходилъ изъ своей квартиры, готовился въ путь и принималъ посѣтителей. Въ 12 часовъ дня Преосвященный Арсеній оставилъ навсегда Академію, а въ $\frac{1}{2}$ 2 часа пополудни—Петербургъ. На пути изъ Академіи чрезъ Лавру его встрѣтилъ Преосвященный Сергій, бывшій сослуживецъ, съ которымъ онъ еще попрощался, недалеко отъ Лавры по Невскому Проспекту зашелъ въ училищную часовню и поклонился Иконѣ Боголюбской Божіей Матери.

На вокзалѣ встрѣтили Преосвященнаго Арсенія не малое

число лицъ, пришедшихъ проводить его, въ числѣ которыхъ были: министр Народнаго Просвѣщенія И. Д. Деяновъ, главноуправляющій учрежденіями Императрицы Маріи И. Н. Дурново, ректора и инспектора академіи и семинаріи, студенты и многіе почитатели его. Одинъ изъ таковыхъ, поэтъ, достопочтенный старецъ, дѣйств. ст. сов. Л. И. Бутовскій на вокзалѣ поднесъ ему слѣдующіе стихи:

1.

Судебъ таинственная книга
Отверзлась вдругъ передъ тобой...
И на твоей дороги Рига
Раскинулась, Отець Святой!

2.

Преосвященнѣйшій Владыко,
Съ тобою Промыслитель Богъ!..
Мы молимъ всѣ, чтобъ твой великій
Опъ подвигъ совершить помочь:

3.

На Западной границѣ трудной
Будь православія щитомъ!..
Въ странѣ—Христовой вѣрой скудной—
Запечатлѣй твой слѣдъ во всемъ,

4.

Что будетъ дорогимъ предметомъ
Твоихъ заботъ!.. Иди въ свой путь...
И не гнушайся симъ привѣтомъ,
Тамъ насъ въ молитвахъ не забудь!..

5.

Дай Богъ тебѣ—въ нежданной Ригѣ,
Въ покрытомъ терпиемъ пути!—
Сія тяжелыя вериги
Въ терпѣнны славно понести...

Распрощавшись съ лицами почтившими его своимъ провожаніемъ на вокзалѣ, Преосвященный Арсеній вошелъ въ отдѣльное купэ 1 класса вагона и въ $\frac{1}{2}$ 2 часа пополудни поѣздъ двинулся и понесъ любимаго Архипастыря изъ Петербурга на новое мѣсто его служенія въ Ригу, куда онъ прибылъ въ $\frac{1}{2}$ 12 часа дня въ понедѣльникъ 11 мая ¹⁾.

К. Е. И.

---

¹⁾ Служеніе Преосвященнаго Арсенія въ Ригѣ описано въ книгѣ подъ заглавіемъ: „Высокопреосвященный Арсеній, Архієпископъ Рижскій и Митавскій и десятилѣтнее управленіе его Рижскою епархією“, изд. 1897 г.—А служеніе его въ Казани описано въ книгѣ: „Очеркъ архипаст. дѣятельности Высокопреосвященнаго Арсенія во время его пятилѣтняго управленія Казанскою епархією“ изд. 1905 г.—Служеніе его въ Харьковѣ описано въ книгахъ: Первый, второй, третій и четвертый годы управленія Харьковской епархіей, изд. въ 1904—7 гг.

УРОКИ

ПЕРВОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

(ИЗЪ ПЕРЕПИСКИ ДРУЗЕЙ).

ПИСЬМО I.

.... Мнѣ кажется, что ты составилъ совсѣмъ невѣрное представленіе о прошлогоднихъ лекціяхъ профессора Тарле. Тебѣ, безъ сомнѣнія, кто-то чрезмѣрно расхвалилъ этого профессора и его лекціи. Дѣйствительно, въ прошломъ году онъ съумѣлъ завлечь въ свою аудиторію, въ с. петербургскомъ университетѣ, чрезвычайное множество слушателей. Цѣлыя толпы молодыхъ людей обоихъ половъ и различныхъ національностей— поляковъ, нѣмцевъ, грузинъ, армянъ и евреевъ въ особенности— тѣснились по всѣмъ университетскимъ корридорамъ въ часы его лекцій. Стѣны аудиторіи чуть не трещали. Ясно, что популярность профессора Тарле была обезпечена. Онъ сталъ моднымъ профессоромъ. О немъ заговорилъ весь Петербургъ. Имя его не сходило съ языка у всѣхъ столичныхъ интеллигентовъ... Тѣмъ не менѣе, по моему искреннему убѣжденію, популярность г. Тарле раздута искусственно. Я хорошо знакомъ съ его лекціями и на этомъ основаніи могу положительно утверждать, что г. Тарле вовсе не обладаетъ достоинствами настоящаго ученаго, который бы своими трудами или по крайней мѣрѣ методомъ своего изслѣдованія внесъ нѣчто новое или оригинальное въ свою науку. Своимъ слушателямъ онъ сообщаетъ свѣдѣнія заурядныя, общеизвѣстныя, какія можно встрѣтить въ каждой порядочной монографіи. Его приемы шаблонны; его изложеніе, правда, можно назвать если и не изящнымъ, а тѣмъ болѣе—не художественнымъ, то во всякомъ случаѣ довольно элегантнымъ, а иногда даже и просто слащавымъ, заискивающимъ. На чемъ же основывается петербургская популярность

профессора Тарле?—Слава г. Тарле,—если не имѣть въ виду его политической агитаціонной дѣятельности и казацкой нагайки, оставившей слѣды на его лицѣ,—безъ сомнѣнія—порождена лишь самымъ предметомъ его университетскихъ чтеній, равно какъ и тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ съумѣлъ, такъ сказать, попасть въ тонъ современнаго настроенія петербургскаго общества, заговорилъ въ его духѣ и его языкомъ. Тарле въ прошломъ году читалъ въ петербургскомъ университетѣ лекціи по *исторіи французской революціи*. Этимъ—я думаю—сказано все, ибо что можетъ быть въ наше время интереснѣе и пикантнѣе этого предмета для всѣхъ лицъ, увлекающихся теперешнимъ революціоннымъ движеніемъ у насъ, въ Россіи? И удивительно ли, что интеллигентная молодежь, сбита съ толку различными социалистическими и революціонными теоріями, толпами спѣшитъ въ аудиторію Тарле, надѣясь услышать тамъ хотя нѣчто такое, что могло бы послужить для нея опорой и оправданіемъ дѣйствій явно предосудительныхъ и безнравственныхъ, каковы: бойкоты, забастовки всякаго рода, обструкціи, экспропріаціи, убійства, грабежи, воровства, насилія и т. п.

Никто, конечно, не будетъ отрицать, что исторія французской революціи и сама по себѣ представляетъ много поучительнаго въ разныхъ отношеніяхъ—религіозно-нравственнымъ, политическомъ, социальномъ-бытовомъ, психологическомъ и т. д. и потому она и сама по себѣ заслуживаетъ серьезнаго изученія. Но кромѣ того, есть писатели, которые увѣряютъ, что обстоятельства, предшествовавшія первой французской революціи очень похожи на условія жизни нашего времени; а одинаковыя причины влекутъ—моль—за собою и одинаковыя слѣдствія. Ясно, что предположеніе это интересно было-бы провѣрить научнымъ образомъ, т. е., чрезъ изученіе исторіи первой французской революціи. Къ сожалѣнію,—какъ мы сказали уже, и нашъ университетскій лекторъ не преслѣдовалъ въ своихъ чтеніяхъ научныхъ цѣлей, и его слушатели не требовали отъ него ничего подобнаго: за немногими исключеніями, наука, какъ извѣстно, нашу молодежь не интересуется; наша университетская молодежь сознаетъ въ себѣ призваніе болѣе возвышенное, чѣмъ школьное изученіе эпохи, имѣвшей мѣсто

въ чужомъ государствѣ и при томъ ровно сто лѣтъ тому назадъ; она полагаетъ свое прямое назначеніе въ томъ, чтобы преобразовать, возродить и возсоздать жизнь русскаго народа, указать ему новыя формы его государственной дѣятельности, однимъ словомъ, даровать русскому обществу счастье и благоденствіе...

Я вполне понимаю и тѣ побужденія, по которымъ ты могъ заинтересоваться исторіею французской революціи и я готовъ обмѣняться съ тобою мыслями по этому предмету; жалѣю лишь о томъ, что лишень возможности сдѣлать это въ личной бесѣдѣ: вѣдь въ письмахъ всего не сообщишь, на иное обстоятельство обратишь больше вниманія, чѣмъ нужно, другое совсѣмъ пройдеши молчаніемъ, третье выяснишь лишь съ нѣкоторыхъ сторонъ и т. д. Но за такіе недостатки напередъ прошу извиненія. Впрочемъ, ты можешь дѣлать мнѣ указанія, что тебя больше интересуеть или на какой вопросъ ты желаешь получить отъ меня отвѣтъ. Что буду въ силахъ сдѣлать, сдѣлаю съ большимъ удовольствіемъ. Кромѣ того, я напередъ объявляю, что за лекціями профессора Тарле я слѣпо слѣдовать не буду: онѣ могутъ доставить удовлетвореніе только легкомысленной молодежи, но—не тебѣ. Я ставлю вопросъ шире и буду имѣть въ виду только серьезныя изслѣдованія по исторіи французской революціи XVIII вѣка. Такими изслѣдованіями я считаю ученые труды *Луи Блана*, *Тэна*, *Блоса*, *Токиля*, *Тьера*, *Зибеля*, *Карно*, *Карлейля*, *Мишье*, *Штейна*, *Ф. А. Олара* и т. п. Наконецъ, согласно твоему желанію, я по временамъ буду касаться и революціоннаго движенія, происходящаго у насъ, въ Россіи, чтобы видѣть, есть ли между этими двумя явленіями что либо общее.

И такъ, до слѣдующаго письма.

Твой другъ Стр—евъ.

П И С Ь М О П.

.... Ты пишешь, что, по твоему мнѣнію, причиною французской революціи были тѣ соціальныя нестроенія, которыя угнетали и подавляли общественную жизнь французскаго народа.

Справедливость требует сказать, что *такъ* думаютъ и нѣкоторые писатели; но съ другой стороны—необходимо сейчасъ же отмѣтить также и то, что лучшіе (по учености и безпристрастію) историки первой французской революціи не раздѣляютъ этого мнѣнія.

Конечно, никто не станетъ отвергать, что различныя соціальныя нестроенія, предшествовавшія революціонному движенію во Франціи, а въ особенности, малоземелье крестьянъ-земледѣльцевъ, упадокъ промышленности и тяжелое матеріальное положеніе рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ, равно какъ и матеріальное положеніе разнаго рода мастеровыхъ, обременительность государственныхъ налоговъ, угнетенное положеніе однихъ сословій и привилегированное положеніе другихъ, могли имѣть свое значеніе въ ходѣ революціоннаго французскаго движенія въ концѣ XVIII вѣка; но утверждать, что въ этихъ условіяхъ, т. е., соціальныхъ нестроеніяхъ тогдашняго времени и заключались настоящія причины революціи—нѣтъ совершенно никакихъ основаній, признаваемыхъ безпристрастною исторіею. Впрочемъ, въ этомъ вопросѣ намъ нужно разобратъя обстоятельнѣе.

До начала революціи весь французскій народъ рѣзко дѣлился на три сословія: 1) дворянство, 2) духовенство и 3) весь остальной народъ—горожане, мастеравые, рабочіе и крестьяне. Первые два сословія были привилегированными; они жили на счетъ третьяго, которое, по ихъ традиціонному убѣжденію, какъ увѣряли революціонеры, было и предназначено лишь для того, чтобы добывать средства на ихъ содержаніе.

Мы остановимъ свое вниманіе главнымъ образомъ на соціальному положенію этого третьяго сословія, т. е., крестьянъ и фабричныхъ рабочихъ, такъ какъ на него обыкновенно указываютъ какъ на причину первой французской революціи.

Въ концѣ XVIII вѣка всей земли во Франціи было 51,000,000 гектаровъ (гектаръ только немного меньше нашей десятины)¹⁾; подъ посѣвъ различнаго хлѣба тогда распахивалось только 35,000,000 гектаровъ. „Значительная часть королевства,—говоритъ историкъ первой французской революціи Ф. А. Оларъ

1) Гектаръ=2197 □ саж.; десятина=2400

(Великая Франц. Революція, М. 1906. Стр. 18),—оставалась необработанной ¹⁾; степи и пустоши составляли, можетъ быть, треть всей пригодной для обработки земли, а въ западныхъ провинціяхъ, говорятъ, даже половину. Изъ всѣхъ отраслей сельскаго хозяйства въ хорошемъ состояніи находилось только винодѣліе. Изъ страха навлечь на себя увеличеніе налоговъ (?!) крестьяне избѣгали извѣстныхъ улучшеній, сокращали количество скота и вели убогое хозяйство. Видные агрономы полагали, что общая сумма урожая во Франціи относилась къ урожаю Англій, какъ 3 къ 8⁴.

Католическому духовенству въ то время во Франціи принадлежало свыше 10,000,000 гектаровъ земли; дворянству—24,000,000, а остальное количество земли (17,000,000 гектаровъ) падало уже на долю всего вообще населенія тогдашняго французскаго королевства, численность котораго простиралась до 25,000,000 человѣкъ. При этомъ увѣряютъ, что и указанное незначительное количество земли было весьма неправильно распределено между дѣйствительными земледѣльцами—крестьянами; были, говорятъ, участки надѣльной земли, равнявшіеся лишь нѣсколькимъ сажнямъ. Послѣ этого намъ представляется совершенно непонятнымъ, какимъ образомъ, при такомъ малоземельи, третья часть удобной земли во Франціи (т. е., 17,000,000 гектаровъ) могла оставаться необрабатываемой и лежать въ видѣ степей и пустошей! Какой-то страхъ крестьянъ предъ возможностью увеличенія налоговъ за обрабатываніе этого громаднаго количества земли есть явленіе также нелегко объяснимое.

Почти всѣ историки первой французской революціи весьма мрачными красками изображаютъ положеніе французскихъ крестьянъ. Оказывается, что въ то время во Франціи числилось еще полтора милліона *крепостныхъ* крестьянъ, которые не только уплачивали своимъ господамъ ежегодный оброкъ въ опредѣленномъ размѣрѣ, но и отбывали у нихъ различныя повинности натурою. Вообще социальное положеніе французскихъ крестьянъ въ эпоху революціи намъ представляется очень похожимъ на то, въ какомъ находились и наши крестьяне

¹⁾ То же утверждаетъ и Блос. Срв. Франц. Революц. Слб., 1906, стр. 13.

въ 50-хъ годахъ прошлаго столѣтія, предъ севастопольскою войною. Помѣщикъ былъ ихъ безконтрольнымъ владѣльцемъ и дѣлалъ съ ними, что хотѣлъ. По своему усмотрѣнію, онъ могъ наказывать даже розгами тѣхъ, которые казались ему лѣнивыми или нечестными. Само французское законодательство предоставляло помѣщику право суда надъ его крестьянами-земледѣльцами; безъ его согласія они не могли дѣлать даже духовнаго завѣщанія и вообще свободно распоряжаться своимъ движимымъ имуществомъ. Все, что крестьяне приобрѣтали своимъ тяжелымъ трудомъ, считалось собственностію помѣщика. Мало этого. Помѣщики торговали и самими своими крестьянами, ихъ женами и дѣтьми, какъ англичане торговали своими неграми. Только евреямъ помѣщикъ не могъ продавать своихъ крѣпостныхъ крестьянъ. Безъ воли своего помѣщика крестьянинъ не могъ жениться, не могъ выдать замужъ своей дочери. Къ сожалѣнію, помѣщики-то больше всего содѣйствовали и обѣдненію своихъ крестьянъ. Они жили не по средствамъ; предавались кутежамъ и разврату; громадныя суммы проигрывали въ кости и карты; въ деньгахъ нуждались постоянно. Но чѣмъ больше они бѣднѣли сами, тѣмъ больше они старались выжать доходовъ изъ своихъ имѣній и своихъ крестьянъ.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что въ концѣ XVIII вѣка французскіе крестьяне были чрезмѣрно обременены тяжелыми государственными палогамъ. На первомъ мѣстѣ мы должны, конечно, поставить такъ называемый *земельный налогъ* (taille). По бюджету 1788 года онъ былъ опредѣленъ въ 110,000,000 франковъ. И удивительно, что духовенство, владѣвшее 10,000,000 гектаровъ земли, было совершенно освобождено отъ этого налога; дворянство платило только какую-то незначительную часть, а что касается крестьянъ, то съ нихъ были взыскиваемы государственные сборы съ такою строгостію, которая не допускала снисхожденія. Увѣряютъ, что за невзносъ налоговъ ежегодно было производимо до 3500 арестовъ и, что всѣ арестованные были подвергаемы наказанію плетью или даже ссылкѣ на галеры. На уплату государственнаго земельного налога нерѣдко продавали съ аукціона и движимыя и недвижимыя имущества недоимщиковъ.

Послѣ земельного налога нужно отмѣтить еще налогъ на соль, на цѣлый рядъ пошлинъ съ товаровъ, съѣстныхъ продуктовъ, транспортныхъ дорогъ и т. п. По словамъ *Блоса* (Франц. Революція. Сп. 1906, изд. 3-е, стр. 18), особенно ненавистенъ простому французскому народу былъ налогъ на соль, который, вслѣдствіе отсутствія общегосударственной организаціи въ этомъ отношеніи, въ разныхъ провинціяхъ былъ различенъ, такъ что центнеръ соли въ однѣхъ провинціяхъ стоилъ 8 франковъ, а въ другихъ цѣна его доходила до 62 франковъ. Каждый французъ, старше восьми лѣтъ, долженъ былъ покупать у государства ежегодно семь фунтовъ соли; масса бѣдняковъ не могла исполнять этого требованія, что влекло за собою конфискацію ихъ жалкаго имущества. Налогъ на соль вызывалъ ежегодно около 4000 аукціоновъ. *Оларъ* (стр. 14) присоединяетъ къ этому слѣдующее. „Нѣкоторые регламенты, говоритъ онъ, удивляли даже людей, менѣе всего склонныхъ къ либерализму. Отецъ семейства, принуждаемый покупать больше соли, чѣмъ ему нужно было въ пищу, не имѣлъ права употреблять на соленіе эту лишнюю соль, за которую его заставляли платить. Въ Овернѣ былъ отмежованъ поясъ въ пять миль, въ Бретани—въ двѣ, въ Артуа—въ три, гдѣ указъ воспрещалъ держать болѣе четырнадцати фунтовъ соли на человѣка, мѣра, которая завѣдомо была ниже (?) дѣйствительнаго потребленія“.

Но особенно французскіе крестьяне предъ революціею тяготились, такъ называемыми, *десятинами*, которыя они обязаны были давать и своимъ помѣщикамъ—землевладѣльцамъ и католическому духовенству. Десятиною называли собственно десятую часть всего валового дохода отъ крестьянскаго хозяйства. Но какъ считать эту десятую часть дохода и кто будетъ ее считать? Были такіе помѣщики и духовныя лица, которые подъ видомъ десятины брали съ крестьянъ не только третью часть или половину ихъ заработка, но даже три четверти и болѣе. Кромѣ того, крестьяне, которые занимались воздѣлываніемъ виноградниковъ, отдавали своимъ помѣщикамъ и духовенству седьмую часть добываемаго спирта. Иногда были производимы еще и экстраординарные поборы деньгами, зерномъ, птицами,

свиньями, яйцами, дровами, воскомъ и даже—цвѣтами и фруктами. Съ 23-го апрѣля по 25 іюня помѣщики имѣли право пасти своихъ быковъ на крестьянскихъ лугахъ. Если крестьянинъ допускалъ, такъ сказать, вѣкоторую роскошь и сѣялъ на своемъ полѣ не только рожь, но и пшеницу, то онъ долженъ былъ отдавать своему помѣщику седьмую часть съ каждаго акра засѣянной пшеницею земли.

Тягостно и убыточно для крестьянскаго хозяйства, безъ сомнѣнія, было и „право охоты“, которое принадлежало только землевладѣльцамъ дворянамъ. „Право охоты, говоритъ Оларъ (стр. 22), являлось настоящимъ бичемъ крестьянскаго землевладѣнія. Въ то время, какъ сеньоръ и его люди ломали изгороди и топтали хлѣбъ, охотясь для своего развлечения за дичью, крестьянинъ обязанъ былъ оказывать ему уваженіе. Подъ страхомъ штрафа, тюремнаго заключенія и ссылки на галеры въ случаѣ рецидива, онъ долженъ былъ давать имъ опустошать свое поле, долженъ былъ поддерживать и въ случаѣ надобности пасаждать на немъ кусты терновника, въ которыхъ могла бы держаться птица. Онъ не могъ ни полоть сорной травы, ни жать, ни пахать въ удобное время, ни выпускать на волю свою собаку, развѣ искалѣчивъ ее или привѣсивъ къ ея шеѣ чурбанъ. Онъ не имѣлъ права убить вороны, а на его глазахъ сторожъ сеньора убивалъ кошку, защищавшую его гумно отъ полевыхъ мышей и крысъ. Убытки, которые причиняли крестьянину помѣщичья дичь и голуби, были такъ велики, что жалобы на нихъ почти всегда занимаютъ первое мѣсто въ крестьянскихъ челобитныхъ и иногда наполняютъ ихъ съ начала до конца“. Такое отношеніе помѣщиковъ къ крестьянскому хозяйству, тѣмъ болѣе, представляется неестественнымъ, что именно крестьяне должны были нести на себѣ не только чрезмѣрныя тяготы, которыя налагало на нихъ государство, но и давать средства для содержанія тѣхъ же самыхъ помѣщиковъ, какъ привилегированнаго сословія.

По вычисленію Блоса и другихъ ученыхъ, въ концѣ XVIII вѣка изъ каждыхъ заработанныхъ 100 франковъ, французскій крестьянинъ долженъ былъ платить 53 франка государству въ видѣ земельного, подушнаго и подоходнаго налога, 14 фран-

ковъ—землевладѣльцу и 14—духовенству въ видѣ десятины; изъ остальныхъ же 19 франковъ надо было платить еще налогъ на соль и другіе предметы потребленія.

„Такимъ образомъ, замѣчаетъ одинъ изъ лучшихъ историковъ французской революціи *Блосъ* (стр. 13), ко времени революціи феодальныя тяготы достигли послѣднихъ предѣловъ возможности и вмѣстѣ съ страшными государственными тяготами превратили жизнь сельскаго населенія въ адскую муку, такъ что оно жадно ловило всякій слухъ объ измѣненіи существующаго порядка вещей. Французскому крестьянину передъ революціей приходилось вести такую жизнь, которая мало чѣмъ отличалась отъ жизни животнаго... Крестьяне жили въ жалкихъ глиняныхъ лачугахъ, крытыхъ соломой, изъ которыхъ многія не имѣли оконъ. Они неизбежно должны были пребывать въ грязи, среди грубости и невѣжества, такъ какъ господствующіе слои нисколько не были заинтересованы тѣмъ, чтобы бросить въ эту несчастную массу, погруженную въ безысходный мракъ, спасительный лучъ образованія. Лишь очень немногіе изъ крестьянъ умѣли читать или писать“.

Тягостною представляется также предъ началомъ первой французской революціи и жизнь французскихъ промышленниковъ и фабричныхъ рабочихъ. Въ 1789 году, когда началась революція, въ одномъ Парижѣ было уже 44 цеха; въ Лионѣ только на однихъ фабрикахъ по выдѣлкѣ шелка числилось 50,000 человекъ рабочихъ, 800 мастеровъ и 8000 подмастерьевъ. Къ сожалѣнію, промышленность въ это время находилась уже въ большемъ упадкѣ, потому что влѣдствіе предшествовавшихъ безпрерывныхъ войнъ Франція была обременена неоплатными долгами. Уже въ 1714 году, въ царствованіе Людовика XIV на Франціи числилось долга 3,500,000,000 франковъ,—сумма для того времени чрезвычайно внушительная; въ 1787 году государственный долгъ Франціи простирался уже до 3,000,000,000,000, а послѣ этого, только въ два года, онъ возросъ на 247 милліоновъ, такъ что съ августа 1788 года Франція объявила себя обанкротившеюся и ея государственная казна перестала исполнять свои долговныя обязательства. Вслѣдствіе этого, само собою понятно, заработная плата во Фран-

ціи не могла быть высокою. Въ концѣ XVIII вѣка, т. е., еще до начала первой французской революціи въ среднемъ размѣрѣ она равнялась для мужчинъ 26-ти су въ день т. е., нашимъ 25 копѣйкамъ золотомъ, а для женщинъ—15 су, т. е., 13-ти или 14-ти копѣйкамъ золотомъ. Недовольные такою платою, рабочіе устроили забастовку (первая забастовка была устроена во Франціи еще въ 1744 году); но дѣло кончилось тѣмъ, что въ одномъ Лионѣ 40,000 шелкопрядовъ остались безъ работы, а слѣдовательно, и безъ куска хлѣба. Страна переполнилась нищими, бродягами, ворами.

Чтобы еще яснѣе представить себѣ то тяжелое положеніе, въ которомъ предъ началомъ первой французской революціи находились во Франціи крестьяне и рабочіе, мы должны теперь сказать хотя нѣсколько словъ и о томъ социальномъ положеніи, которое занимали тогда привилегированныя сословія—дворянство и духовенство.

Число дворянъ, проживавшихъ во Франціи въ эпоху революціи, установить невозможно за недостаткомъ точныхъ данныхъ. *Сийесъ* утверждаетъ, что всѣхъ дворянъ во Франціи въ 1788 году было только 110,000 человѣкъ; *Тарже* доводитъ число ихъ до 500,000 человѣкъ, т. е., въ сравненіи съ Сийесомъ увеличивалъ его почти въ пять разъ; *Лаувазье* думаетъ, что дворянъ во Франціи при наступленіи революціи было не болѣе 80,000; *Блосъ* увѣряетъ, что ихъ числилось свыше 140,000 человѣкъ или около 30,000 семействъ; *Мунье* вообще полагалъ, что число членовъ обоихъ привилегированныхъ сословій не превышало 5-ти или 6-ти тысячъ человѣкъ. Шестое бюро собранія нотаблей въ концѣ 1788 года утверждало, что третье сословіе не болѣе, какъ въ десять разъ многочисленнѣе, чѣмъ оба остальныхъ сословія вмѣстѣ. *Оларъ* также говоритъ, что привилегированныя сословія составляли лишь весьма незначительную часть націи, по наиболѣе достовѣрнымъ выкладкамъ—не болѣе 2^о/_о.

Французскіе дворяне раздѣлялись на два вида—служилыхъ и неслужилыхъ. Послѣдніе, отличаясь крайнимъ цѣвѣжествомъ, любили однако-же рисоваться мнимымъ либерализмомъ въ духѣ Вольтера и Руссо, открыто проповѣдывали безбожіе или, по

крайней мѣрѣ, деизмъ и вели весьма развратную и пошлую жизнь. Живя на счетъ крестьянъ, они однако-же, какъ мы видѣли, съ чрезвычайнымъ высокоуміемъ смотрѣли на нихъ, какъ на своихъ рабовъ, не заслуживающихъ никакого уваженія. Объединѣвъ матеріально, прокучивая и безумно расточая все, получаемое отъ трудящагося населенія, они съ презрѣніемъ относились также и къ дворянамъ, находившимся на государственной службѣ, къ такъ называемымъ бюрократамъ, и въ насмѣшку обзывали ихъ „писарями“, „канцелярскими крысами“. Послѣдніе хотя и несли ту или другую государственную службу, но за то получали отъ истощенной казны и чрезвычайно щедрое вознагражденіе. Впрочемъ, подражая родовымъ членамъ своего сословія, они обыкновенно проматывали его или прокучивали въ безнравственныхъ оргіяхъ и другихъ безумныхъ увеселеніяхъ. Рассказываютъ (напр. Блосъ), что одинъ государственный секретарь, получавшій въ правленіе Людовика XVI-го 180,000 франковъ въ годъ жалованья (на наши деньги—75000 рублей золотомъ), подалъ королю просьбу о прибавкѣ, такъ какъ указагнаго годового жалованья ему не хватало на его расходы, и король приказалъ немедленно прибавить ему еще 40,000 франковъ (т. е. 10,000 рублей золотомъ на наши деньги).

Духовенство, какъ мы сказали уже, также находилось въ привилегированномъ положеніи. *Сійесъ* (самъ аббатъ) во Франціи въ третій годъ революціи насчитывалъ 80,000 духовныхъ лицъ; *Тарже*—400,000, *Лавуазье*—110,000, *Этьенъ*—200,000, а *Вильгельмъ Блосъ*—только 130,000, а именно: 2,800 прелатовъ и генеральныхъ викаріевъ, 5,600 канониковъ и 60,000 приходскихъ и викарныхъ священниковъ; въ монастыряхъ было 24,000 монаховъ и 36,000 монахинь. Кромѣ жалованья отъ правительства, духовныя лица получали еще богатый доходъ и отъ своей земли: какъ мы видѣли, они владѣли 10,000,000 гектаровъ земли (пятой частью всей французской территоріи того времени); земля эта приносила имъ до 100,000,000 франковъ ежегоднаго дохода. Наконецъ, и крестьянская десятина давала имъ ежегодно до 23,000,000 франковъ. При этомъ нельзя выпускать изъ виду и того обстоятельства, что католи-

ческое духовенство во Франціи было освобождено отъ всякихъ налоговъ и податей. Чтобы избѣжать упрека за это какъ со стороны правительства, такъ и со стороны народа, оно ссылалось обыкновенно на свое такъ называвшееся „историческое право“—во время особенныхъ историческихъ бѣдствій подвергать себя самообложенію для того, чтобы такимъ образомъ подносить государству въ видѣ подарка добровольный налогъ. Бывали случаи, что иногда духовенство подносило государству и порядочный кушъ, равнявшійся 15 или 16 милліонамъ. Но что значила эта сумма съ тѣми милліонами, которые получало отъ Франціи само духовенство!...

Впрочемъ, нужно сказать правду,—хорошо жилось во Франціи только высшему духовенству—прелатамъ, епископамъ, аббатамъ; они, дѣйствительно, роскошествовали и благоденствовали. Но за то низшій клиръ—этотъ духовный пролетаріатъ—бѣдствовалъ не меньше нашего теперешняго сельскаго духовенства. Во Франціи въ концѣ XVIII вѣка доходъ приходскихъ священниковъ колебался между 500 и 2000 франковъ въ годъ (т. е., между 125 и 500 рублей золотомъ на наши деньги). Изъ этого же дохода приходскіе священники должны были возносить различные обязательные налоги на епархіальныя нужды и до 100 франковъ на указанный нами добровольный даръ церкви. Понятно послѣ этого, отчего низшее католическое духовенство во Франціи всегда было враждебно настроено по отношенію къ высшему...

Но не на благо и высшему духовенству служили его богатые доходы и роскошное содержаніе. Не высоко оно стояло въ нравственномъ отношеніи. Оно подражало французской аристократіи и шло по ея дорогѣ „Среди духовенства,—говоритъ, напр., *Блосъ* (стр. 4),—какъ всегда, процвѣтали богословскіе споры и преслѣдованія „еретическихъ мнѣній“. Но значительное число сановниковъ церкви представляли собой такое явленіе, которое стояло въ самомъ рѣзкомъ противорѣчій съ ученіемъ христіанства. Иные князья церкви на доходы, которые они получали отъ государства, церкви и народа, вели крайне роскошную и развратную жизнь. Зараженные нѣскольکو радикальною философіею восемнадцатаго вѣка, они смѣялись надъ

церковью, папой, религіей, глупостью вѣрующихъ и иногда даже играли въ атеизмъ. О приближающейся революціи они говорили, какъ объ интересномъ приключеніи. Они съ большимъ удовольствіемъ читали сатиры на религію, духовенство и церковь, хотя и дѣлали все, зависѣвшее отъ нихъ, для преслѣдованія вольнодумныхъ писателей. Они раздѣляли старое мнѣніе, встрѣчающееся всегда у защитниковъ привилегій, что религія хороша и необходима для бѣдняковъ, которымъ приходится ожидать награды на небѣ за всѣ земныя бѣдствія; но для человѣка образованнаго и прѣсвѣщеннаго она—лишь внѣшняя форма, а церковь—лишь общественное учрежденіе. Отвращеніе народа къ этимъ своевольнымъ сановникамъ церкви и ихъ лицемѣрью, сказавшееся скоро во всей силѣ, поддерживалось также и духовнымъ пролетаріатомъ“.

Но не одни „сановники“ и „князья церкви“ были предметомъ враждебнаго отношенія со стороны простого народа и „духовнаго пролетаріата“. Нѣкоторые французы (но далеко не всѣ), и приходское духовенство весьма недоброжелательно вели себя по отношенію къ католическимъ монахамъ и манахинямъ и именно—за то, что иногда они захватывали въ свою пользу крестьянскіе дома и земли не безупречнымъ путемъ. У Блоса приведена жалоба сэнъ-клюдскихъ крестьянъ на монаховъ. Въ ней быть можетъ, авторомъ—какимъ—нибудь сельскимъ адвокатомъ—допущены и нѣкоторыя преувеличенія, но, безъ сомнѣнія, она вѣрно воспроизводитъ тотъ духъ враждебности, какой проявлялся часто у французскихъ крестьянъ по отношенію къ монахамъ на почвѣ экономическаго угнетенія. „Мы,—пишутъ сэнъ-клюдскіе крестьяне,—рабы всѣмъ существомъ нашимъ, со всѣмъ нашимъ имуществомъ. Если мы остаемся въ домахъ нашихъ родителей и ведемъ со своими женами самостоятельное хозяйство, то послѣ смерти нашихъ родственниковъ все ихъ имущество принадлежитъ монахамъ. Насъ выгоняютъ изъ отцовскихъ лачугъ и мы должны просить милостыню у дверей того дома, гдѣ мы родились. Намъ не только отказываютъ въ милостынѣ, но господа наши имѣютъ даже право не платить за лѣкарства и пищу, которыя давались нашимъ роднымъ во время болѣзни. Поэтому, если мы заболѣемъ,

ни одинъ торговецъ не дастъ намъ въ кредитъ холста, ни одинъ мясникъ не повѣритъ намъ въ долгъ фунта мяса, аптекаръ не дастъ лѣкарствъ, которыя, можетъ быть, спасли бы намъ жизнь. Мы умираемъ, оставленные всѣми людьми, и уносимъ съ собою въ могилу лишь увѣренность, что мы оставили нашихъ дѣтей въ нищитѣ и рабствѣ. Если какой-нибудь чужеземецъ, не знающій здѣшнихъ (т. е. сэнъ-клюдскихъ) порядковъ, имѣлъ несчастіе прожить въ этомъ варварскомъ закоулкѣ (Сэнъ-Клодѣ) хотя и одинъ день, онъ становится такимъ же рабомъ монаховъ, какъ и мы. Тогда уже, если-бы онъ приобрѣлъ какое-нибудь имущество даже въ иной странѣ, это имущество принадлежало бы сэнъ-клюдскимъ монахамъ; они могутъ объявить объ этомъ по всему свѣту, и это называется „правомъ преслѣдованія“. Если монахи могутъ доказывать, что дѣвушка, вступившая въ бракъ, первую ночь послѣ брака провела не въ домѣ своихъ родителей, а въ домѣ мужа,—она теряетъ право наслѣдованія послѣ своего отца. Свидѣтельскія показанія такого рода часто вынуждаются посредствомъ угрозъ и наслѣдство переходитъ къ монахамъ: все равно, будетъ ли оно равнягся 100 или 100,000 франковъ, они съумѣютъ получить его. Эти монахи безпощадно высасываютъ изъ насъ кровь въ теченіе всей нашей жизни и послѣ нашей смерти они сдираютъ съ насъ шкуру (?), а остальное бросаютъ на живодерню“ (!)

Вотъ какова характеристика соціального положенія всѣхъ трехъ сословій французскаго народа, какимъ оно было въ концѣ XVIII вѣка, т. е., предъ началомъ первой французской революціи. Несомнѣнно, что два сословія—дворянство и духовенство—пользовались рѣдкими привилегіями на счетъ третьяго. Въ матеріальномъ отношеніи имъ не оставалось ничего большаго желать; общественное положеніе ихъ вполне соответствовало тому достоинству, на которое они претендовали, по которымъ они не всегда владѣли. Своимъ положеніемъ могло быть недовольно (и дѣйствительно было недовольно) только одно третье сословіе—рабочіе и крестьяне. Нищета, угнетеніе, непрерывной трудъ, презрѣніе высшихъ, отсутствіе правосудія и защиты въ обидахъ, рабство, неравенство, отсут-

ствіе надежды на лучшее будущее—вотъ ихъ удѣлъ. И, дѣйствительно, французскіе рабочіе и крестьяне нерѣдко проявляли крайнюю враждебность и къ правительству, и къ дворянству, и къ духовенству.

Теперь спрашивается: если социальныя нестроенія были бы истинною причиною первой французской революціи, то какому бы сословію французскаго народа должна была бы принадлежать инициатива революціоннаго движенія и какое бы сословіе выдѣлило изъ себя главныхъ бойцовъ и выдающихся вожаковъ этого движенія? Казалось бы, что главное значеніе въ первой французской революціи должно принадлежать третьему сословію, именно—рабочимъ и крестьянамъ. Однако въ дѣйствительности этого не случилось. Правда, рабочіе были втянуты агитаторами въ революціонное движеніе, но уже послѣ того, какъ революція началась и когда вожаки возстанія вынуждены были искать для себя поддержки въ народной массѣ. Тѣмъ не менѣе участіе рабочихъ въ революціонномъ движеніи было непродолжительно. Равнодушіе скоро перешло въ апатію. Рабочіе съ большею энергіею поддерживали реакцію и содѣйствовали возстановленію имперіи въ лицѣ Наполеона... Вотъ почему, не смотря на то, что социальное положеніе рабочаго класса во Франціи въ концѣ XVIII вѣка было несомнѣнно тягостнымъ, историки не рѣшаются однакоже утверждать, что только именно оно было причиною первой французской революціи. Что же касается крестьянъ, проживавшихъ внѣ Парижа, то они не принимали никакого участія въ произшедшемъ переворотѣ. Они всегда оставались вѣрными своимъ королямъ, не смотря на все усердіе агитаторовъ вызвать въ нихъ чувство недовольства и раздраженія лично противъ Людовика XVI. Крестьяне были недовольны своимъ правительствомъ, своими министрами, но личность короля въ ихъ глазахъ была всегда священною и неприкосновенною. И этимъ объясняется то обстоятельство, что во время первой французской революціи провинціальныя крестьяне не разъ намѣревались толпами въ нѣсколько десятковъ тысячъ человекъ идти въ Парижъ для подавленія возстанія и спасенія своего несчастнаго короля.

„Матеріальныя страданія короля,—говоритъ *Карно* въ своей исторіи французской революціи (стр. 37),—не составляютъ достаточнаго объясненія его волненій“ и на этомъ основаніи онъ не признаетъ причиною первой французской революціи представленное нами выше печальное социальное положеніе французскихъ крестьянъ, рабочихъ и фабричныхъ мастеровыхъ. Въ теченіе всего XVIII столѣтія рабочіе и крестьяне находились въ такомъ же положеніи, въ какомъ застала ихъ и революція. Пятнадцать лѣтъ царствованія Людовика XVI-го прошли совершенно спокойно и революція возгорѣлась только въ концѣ его царствованія.

Мало этого. По свидѣтельству безпристрасной исторіи, теперь оказывается, что и цѣлю революціонныхъ стремленій было все не улучшеніе тяжелаго матеріальнаго положенія французскихъ рабочихъ и крестьянъ, а нѣчто совершенно другое. О крестьянахъ и рабочихъ ораторы—революціонеры говорили только для „отвода глазъ“ отъ своихъ личныхъ эгоистическихъ намѣреній. „Революція стремилась къ завоеванію свободы,—говоритъ тотъ-же историкъ *Карно*, (стр. 38),—а не къ приобрѣтенію матеріальныхъ улучшеній“. Этимъ сказано многое. Французскіе революціонеры были подобны и нашимъ конституціоналистамъ демократамъ. Послѣдніе также постоянно говорятъ о малоземельи крестьянъ и носятся съ своимъ аграрнымъ проактомъ. Подождемъ—увидимъ, о чемъ они собственно хлопчуть. Послѣ сказаннаго видно и то, отчего вожаками французской революціи не были ни крестьяне ни рабочіе.

Инициатива революціоннаго движенія во Франціи принадлежала самому привилегированному, обеспеченному и почетному сословію—дворянству. „Просвѣщенная и образованная часть дворянства, говоритъ Вильгельмъ Блосъ (стр. 6), дала рядъ выдающихся людей, бывшихъ передовыми борцами въ различныя фазы революціи: Мирабо, Лафайетъ, Клермонъ-Тоннеръ, Ларошфуко, Петіонъ, Барреръ и самъ Робеспьеръ вышли изъ рядовъ дворянства“. Эту же мысль высказываетъ и *Карно*. „Аристократія,—говоритъ онъ (стр. 39),—съ своей стороны то-же дала вождей революціи. Въ салонахъ аристократіи отточена была шпага, предвзначавшаяся для закланія сословныхъ привилегій. Въ королевскихъ дворцахъ находили убѣ-

жище писатели, преслѣдовавшіеся за сочиненіе книгъ, направленныхъ противъ престоловъ“.

Далѣе,—кромѣ дворянства, весьма дѣятельное, живое и непосредственное участіе въ французскомъ революціонномъ движеніи принимало католическое духовенство и—не только низшее—въ лицѣ приходскихъ священниковъ, почти нищенствовавшихъ и страдавшихъ подъ тяжкимъ гнетомъ тогдашняго церковнаго режима и гражданскихъ чиновниковъ королевства, но и высшее—въ лицѣ прелатовъ и епископовъ, увлеченныхъ радикальною и атеистическою философіею французскихъ энциклопедистовъ. Побуждаемые честолюбіемъ и тщеславіемъ они открыто, въ своихъ рѣчахъ, церковныхъ проповѣдяхъ и печатныхъ разсужденіяхъ, критиковали дѣйствія королевскаго правительства и пропагандировали идеи революціи, затѣмъ—конституціи и—наконецъ—республики. Свободу, равенство и братство они объявили началами, возвѣщенными Христомъ, но неосуществленными въ жизни только по причинѣ противодействія королей и императоровъ. Революцію они называли дѣломъ безпредѣльной христіанской любви къ ближнему; революціонеровъ провозглашали апостолами и мучениками. Въ то-же время они не стѣснялись бросать грязью и въ свою родную католическую церковь, поносили высшее католическое духовенство и осуждали тѣхъ епископовъ и священниковъ, которые не сочувствовали революціонному движенію и не поддерживали его.

Наконецъ, много усердія проявила въ поддержаніи и развитіи революціоннаго движенія во Франціи въ концѣ XVIII столѣтія и французская буржуазія. Это мнѣніе раздѣляютъ и всѣ лучшіе историки первой французской революціи. Такъ, Карно говоритъ (стр. 38): „Другимъ доказательствомъ (того, что революція стремилась къ завоеванію свободы, а не къ приобрѣтенію матеріальныхъ улучшеній) считаемъ мы то, что дѣло преобразованія націи нашло главныхъ дѣятелей своихъ въ рядахъ буржуазіи—классѣ, наименѣе страдавшимъ отъ бѣдности и отъ развращенности нравовъ“. Послѣ этого Карно приводитъ длинный рядъ доказательствъ въ пользу того, что буржуа—купцы, ремесленники, торговцы и вообще капита-

листы—принимали живое участіе въ дѣлахъ французской революціи.

Даровала ли революція французамъ свободу, къ завоеванію которой они стремились,—это мы увидимъ въ свое время. Но теперь для насъ важно было установить тотъ несомнѣнный историческій фактъ, что не соціальныя нестроенія, въ частности—не малоземелье крестьянъ и не тяжелое матеріальное положеніе фабричныхъ рабочихъ были дѣйствительными причинами первой французской революціи...

Что-же? наивѣрно спросишь ты съ удивленіемъ. Неужели же бѣдственному матеріальному положенію рабочихъ и безземелью или малоземелью крестьянъ не слѣдуетъ приписывать никакого значенія въ исторіи первой французской революціи?—Этого я не говорю. Соціальныя нестроенія, положеніе рабочихъ крестьянъ, имѣли свое значеніе, но только—не первенствующее и не исключительное въ смыслѣ дѣйствительной причины революціоннаго движенія. Тяжелое соціальное и матеріальное положеніе какъ крестьянъ, такъ и рабочихъ могло быть прежде всего тою почвою, на которой могли дѣйствовать революціонныя агитаторы съ цѣлю возбужденія толпы и ея страстей. Кто же бываетъ доволенъ своимъ положеніемъ и кому не хотѣлось бы занять лучшее при всякой возможности къ тому? Кромѣ того, тяжелое соціальное положеніе рабочихъ и крестьянъ во Франціи въ XVIII вѣкѣ могло быть и однимъ изъ побужденій или поводовъ для крестьянъ и рабочихъ—примкнуть къ потоку общей революціи. Но поводъ—не причина. Причины французской революціи были совершенно иныя. Мы ихъ раскроемъ въ одномъ изъ послѣдующихъ писемъ. А пока—прости!

Твой другъ Стр—евъ.

Сообщилъ Прот. Т. Буткевичъ.

(Продолженіе будетъ).

Союзъ между церковію земною и небесною.

(ДОГМАТИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ).

Почитаніе св. иконъ.

Чествуя останки святыхъ, церковь совмѣстно съ этимъ благоговѣйно употребляетъ и чествуетъ и священныя ихъ изображенія или иконы вмѣстѣ съ изображеніями Самаго Господа и Бога. Почитаніе иконъ, какъ и мощей и святыхъ, выражается въ поклоненіи предъ ними, лобызаніи ихъ, возженіи предъ ними свѣтильниковъ, кажденіи, особенныхъ празднествахъ въ дни явленія и обрѣтенія чудотворныхъ иконъ и т. п. Конечно, при этомъ церковь учитъ почитать и чествовать не вещество, изъ котораго онѣ устроены, и не краски, но относить почитаніе къ лицамъ изображеннымъ. Посл. восточ. патр. Приложение. Отвѣтъ на вопр. З. Прав. исп. III ч. Отв. на вопр. 55) ¹⁾.

Священныя изображенія составляютъ необходимую принадлежность всѣхъ православныхъ храмовъ, и вслѣдствіе этого.

---

¹⁾ *Литература.* Стефана Яворскаго. Камень вѣры. Тоже изд. Афон. Пантелеймоновскаго монастыря подъ заглавіемъ: „Догматы о святыхъ икопахъ по Стефану Яворскому“. Москва 1887 года, 3 изданіе. Серія, архіеп. Владим. Правосл. ученіе о почитаніи св. иконъ и другія сопряженные съ нимъ истины прав. вѣры. Первое изд. 1887 г. Лебедева А. П. проф. Исторія четырехъ послѣднихъ вселенскихъ соборовъ. Остроумова Гр. Догматическое значеніе седьмого вселен. собора. Научно-историч. изслѣдованіе о важности и необходимости иконопочитаія. Карlsruэ. 1884 г. Преображенскаго В. свщ. Св. Тарасій, патр. Цареградскій, и VII вселен. соборъ СИБ. 1898 г. (тоже въ Странникѣ за 1892 г.). Андреева И. Д. Св. Тарасій, патр. Константинопольскій (Бог. В. 1899 г. II—III т.). А. Л. Седьмой вселен. соборъ по взгляду англійскаго журнала (Хр. Чт. 1897 г. сент.). Холмогорова М. Уч. I. Дамаскина о почитаніи иконъ (Прав. Соб. 1902 г.) Остроумова Ст. Правосл. почитаніе животворящаго креста и св. икопъ (Вѣра и Раз. 1897 г. № 15).

служать постоянною и понятною для всѣхъ посѣтителей православныхъ храмовъ проповѣдію церкви о единствѣ небесной церкви съ земною. Употребленіе ихъ въ частныхъ домахъ является для вѣрующихъ также постояннымъ напоминаніемъ о живомъ и близкомъ общеніи съ тѣми, кто изображенъ на иконахъ.

I. Въ православной церкви св. иконы двоякаго рода: на однѣхъ изъ нихъ и наибольшей части ихъ изображены лики св. ангеловъ и св. человѣковъ Божіихъ, т. е. существъ, созданныхъ и ограниченныхъ мѣстомъ и временемъ, а на другихъ изображается тріединый Богъ или одно изъ лицъ Пресвятыя Троицы: Отецъ, или Сынъ, или Духъ Святыи.

Въ Св. Писаніи основанія для употребленія и благоговѣйнаго чествованія ангеловъ и святыхъ Божіихъ человѣковъ даются въ примѣрахъ употребленія и чествованія по повелѣнію Божию изображеній херувимовъ. Изображенія херувимовъ были поставлены Моисеемъ въ скинии свидѣнія, или въ переносномъ храмѣ, устроенномъ имъ по указанію божественному—по образу, указанному Богомъ Моисею на горѣ (Исх. 25, 40; Евр. 8, 5). Главною святынею въ скинии свидѣнія былъ окованный золотомъ ковчегъ завѣта, находившійся во Святомъ Святыхъ, (тоже, что алтарь въ христіанскомъ храмѣ). На верхней, сдѣланной изъ чистаго золота крышкѣ, покрывавшей ковчегъ и называвшейся очистилищемъ, были поставлены (по краямъ крышки) и укрѣплены два херувима чеканной работы изъ золота. Они покрывали крышку крыльями, распростертыми вверхъ, а лицами обращены были другъ къ другу и склонены къ крышкѣ. Господь Богъ открывался Моисею и говорилъ съ нимъ надъ крышкою среди двухъ херувимовъ (Исх. 25, 17—22; Евр. 9, 1—5). На завѣсѣ, отдѣлявшей святое святыхъ отъ святилища, сдѣланной изъ разноцвѣтной шерсти и крученаго виссона, искусною работою также были сдѣланы изображенія херувимовъ (Исх. 26, 31). Эта завѣса съ херувимами соответствовала нашему иконостасу. Скинія вмѣсто крыши и стѣнъ имѣла по четыре покрывала, лежавшія одно на другомъ; на виссонномъ внутреннемъ покрывалѣ и на внутренней сторонѣ его сдѣланы были также херувимы искусною работою (Исх. 26,

I; 36, 8). Изображенія ихъ соотвѣтствовали изображеніямъ святыхъ на стѣнахъ и куполахъ христіанскихъ храмовъ.

Въ храмѣ Соломоновомъ, устроенномъ по образцу переносной скинии, изображенія херувимовъ были еще въ большемъ количествѣ. Соломонъ сдѣлалъ и поставилъ въ срединѣ Святаго Святыхъ два кипарисовыя и позлащенные изображенія херувимовъ, которыя одними крыльями своими соприкасались другъ къ другу, другими достигали противоположныхъ сторонъ храма; подъ ихъ крылья во время освященія храма и былъ поставленъ ковчегъ (3 Цар. 6, 23—27; 2 Пар. 3, 10—13). На всѣхъ стѣнахъ храма онъ сдѣлалъ также рѣзныя изображенія херувимовъ (3 Цар. 6, 29; 2 Пар. 3, 7). Разныя же изображенія херувимовъ были сдѣланы на двухъ половинкахъ дверей, чрезъ которыя былъ входъ изъ храма во Святое Святыхъ и которыя соотвѣтствуютъ царскимъ вратамъ православныхъ храмовъ. На дверяхъ изъ притвора въ храмъ или святилище, также находились рѣзныя изображенія херувимовъ (2 Пар. 3, 14; 3 Цар. 6, 29—35; см. Езек. гл. 41). Господь не только не осудилъ Соломона за поставленіе въ храмѣ изображеній херувимовъ, но выразилъ особое благоволеніе и къ строителю храма и къ самому храму (3 Цар. 9, 3, 8, 10—12).

Поставленные Моисеемъ въ скинии и Соломономъ въ храмѣ изображенія херувимовъ не были простымъ лишь украшеніемъ храма, наравнѣ съ находившимися въ томъ же храмѣ разными изображеніями пальмовыхъ деревьевъ и цвѣтовъ, но служили для возбужденія благоговѣнія и являлись предметомъ чествованія. Это слѣдуетъ изъ того, что эти изображенія находились только въ скинии и потомъ въ храмѣ Соломоновомъ, но не было ихъ въ дворцахъ еврейскихъ царей, столь богато украшенныхъ (3 Цар. 7, 1—12, 10, 16—21; 2 Пар. 9, 15—20), и въ другихъ мѣстахъ. Поставлены они были тамъ, куда болѣе направлялось поклоненіе: на вратахъ храма, на завѣсѣ, отдѣляющей Святое Святыхъ и на самомъ ковчегѣ завѣта. Въ словѣ Божіемъ изображенія херувимовъ называются мѣстомъ особеннаго присутствія Божія, подножіемъ ногъ Божіихъ (1 Пар. 28, 2), мѣстомъ, гдѣ возсѣдаетъ Богъ (Пс. 79, 2). Евреи и не могли не придавать религіознаго значенія изображеніямъ херувимовъ,

такъ какъ сообразно съ откровеніемъ смотрѣли на ангеловъ, какъ на высшія существа, посредствующія между Богомъ и людьми, чрезъ которыхъ Богъ охраняетъ или наказываетъ людей (Пс. 33, 8—90, 10—11; 2 Цар. 24, 16; Дан. 6, 22), которые молятся Богу за вѣранныхъ имъ людей (Дан. 10, 13) и наставляя ихъ на правый путь, умилоствляютъ Бога (Іов. 33, 23—24), чрезъ которыхъ данъ на Синаѣ и самый законъ (Дѣян. 7, 53; Гал. 3, 19; Евр. 2, 2). Иисусъ Навинъ оказалъ благоговѣнное почитаніе архангелу подъ стѣнами Іерихона (Нав. 5, 13—15). Поклонялись ли евреи предъ изображеніями херувимовъ, лобызали ли ихъ, объ этомъ не сказано въ св. Писаніи, но несомнѣнно, что къ изображеніямъ ихъ имѣли благоговѣнное чувство (2 Цар. 6, 2; 1 Цар. 4, 4; Дан. 3, 53—54).

Съ этими ветхозавѣтными священными изображеніями имѣютъ точное сходство и христіанскія изображенія сожителей ангеловъ и близкихъ къ Богу святыхъ человѣковъ, какъ молитвенниковъ, руководителей и помощниковъ въ дѣлѣ спасенія. Если изображенія херувимовъ были устроены по повелѣнію Самаго Бога, то не законно ли простирать такое повелѣніе и на употребленіе священныхъ изображеній въ храмахъ христіанскихъ и внѣ храмовъ? Если бы такое употребленіе было негодно Богу, или несогласно съ христіанскою религіею, то несомнѣнно упомянули бы объ этомъ Иисусъ Христосъ и св. апостолы. Между тѣмъ Иисусъ Христосъ, пришедшій не разрушить, а пополнить законъ (Мѡ. 5, 17), никогда не выразилъ Своего порицанія ни храму, ни священнымъ его принадлежностямъ; напротивъ, онъ охранялъ святость храма съ его предметами, какъ дома молитвы и дома Отца Его (Лук. 19, 46; Іоан. 2, 16, 17). Равно и апостолы нерѣдко ходили въ храмъ для проповѣди и молитвы (Дѣян. 2, 46, 3, 1, 5, 20, 21, 26, 22, 17—19, 24—11) и чрезъ это заявили самымъ дѣломъ, что и христіанамъ, когда представится возможность, необходимо будетъ имѣть подобныя же, только болѣе приспособленныя къ потребностямъ христіанскаго богослуженія, храмы, т. е., что и въ христіанскихъ храмахъ умѣстно и позволительно употребленіе священныхъ изображеній, изображе-

ній существъ хотя и созданныхъ и ограниченныхъ временемъ и мѣстомъ, но высшихъ изъ созданныхъ Богомъ, наиболее близкихъ къ Нему, не херувимовъ только, но и вообще ангеловъ и святыхъ челоѣковъ, предстоящихъ съ ангелами престолу Агнца (Апок. 4, 4. 8—10; 7, 9. 11. 15), какъ ветхозавѣтныхъ праведниковъ, возведенныхъ на небеса въ сожительство св. ангеловъ послѣ крестной смерти Иисуса Христа, такъ и всѣхъ новозавѣтныхъ прославленныхъ праведниковъ, особенно Богоматери ¹⁾).

Съ изображеніями ангеловъ и святыхъ людей употребляются въ христіанской церкви изображенія Божества. Богъ Отецъ изображается въ видѣ Ветхаго деньми (Дан. 7, 9; см. Апок. 4, 2—3), Сынъ Божій—въ челоѣческомъ видѣ, какъ младенецъ, отрокъ и мужъ зрѣлаго возраста, Духъ Святый—въ видѣ голубя, а духовныя дары Его въ видѣ огненныхъ языковъ.

Въ ветхомъ завѣтѣ не было изображеній Божества, подобныхъ христіанскимъ изображеніямъ. Богъ не открывался цѣлому еврейскому народу, вслѣдствіе склонности этого народа къ идолослуженію, въ какомъ либо тѣлесномъ образѣ, а потому невозможно было и изображеніе Божества. Тайна о Святой Троицѣ также не была открыта въ ясномъ свѣтѣ. Во время законодательства на Синаѣ Богъ явилъ Свое присутствіе этому народу не въ опредѣленномъ образѣ, а въ пламени, дымѣ, громахъ и молніяхъ, такъ что народъ въ страхѣ отступилъ отъ горы и сталъ вдали (Исх. 19, 16—17; Втор. 4, 10—12). Но и страхъ мало дѣйствовалъ на этотъ чувственный народъ. Вскорѣ послѣ синайскаго богооткровенія евреи слили себѣ золотого тельца и сказали: *вотъ богъ твой, Израильъ который вывелъ тебя изъ земли Египетской* (Исх. 32, 4) и потомъ часто отступали отъ единого Бога. Моисей, напоминая евреямъ о явленіи Бога при дарованіи законовъ, говорилъ имъ: *твердо держите въ душахъ вашихъ, что вы не видѣли*

¹⁾ Изображеній и религіознаго почитанія св. Божіихъ челоѣковъ у евреевъ не могло быть потому, что души ветхозавѣтныхъ праведниковъ еще не были прославлены, но сходили во адъ и возведены на небеса въ сожительство св. ангеловъ только І. Христомъ послѣ крестной смерти Его и сходенія во адъ для проповѣди заключенныхъ въ немъ (І Петр. 3, 19).

никакого образа въ тотъ день, когда говорилъ вамъ Господь на гортъ Хоривъ изъ среды огня, дабы не сдѣлали себѣ изваяній, изображеній какого либо кумира, представляющихъ мужчину или женщину (Втор. 4, 15—16), т. е., чтобы вообще не стали представлять Его подобнымъ человѣку. Въмѣсто изображенія лица Божія дано было евреямъ изображеніе имени Божія (Исх. 28, 36—38; Прит. Сол. 18, 24) ¹⁾. Но во времена новозавѣтныхъ въ лицѣ Иисуса Христа *Богъ явился во плоти* (1 Тим. 3, 16; см. Кол. 2, 9), обитало и жило съ нами, Слово ипостасное, и мы видѣли славу Его, славу какъ Единороднаго отъ Отца (Іоан. 1, 14). Будучи *сіяніемъ славы* и *образомъ ипостаси* Отца (Евр. 1, 3), Онъ показалъ въ Себѣ и образъ Отца, Бога невидимаго (Кор. 1, 15; 2 Кор. 4, 4). *Видѣвый Мене, видѣхъ Отца*, говорилъ Онъ ап. Филиппу (Іоан. 14, 8). Равно и Духъ Святой открылся, когда нисшелъ на Иисуса Христа при крещеніи, тѣлеснымъ образомъ, яко голубь (Лук. 3, 22), и на апостоловъ въ видѣ огненныхъ языковъ (Дѣян. 2, 3).

Такія откровенія и явленія Бога людямъ въ новомъ завѣтѣ самымъ дѣломъ показали, что настало время чтить Его и чрезъ иконы и изображенія, что люди настолько духовно созрѣли, что для нихъ изображеніе Божества въ опредѣленныхъ образахъ, въ какихъ Онъ открылся, не послужитъ поводомъ и основаніемъ къ сближенію единого Бога, троичнаго въ лицахъ, съ богами языческими.

Запрещая еврейскому народу изображать Бога въ опредѣленномъ образѣ, дабы онъ не сравнилъ Его съ богами языче-

¹⁾ Правда, были въ ветхомъ завѣтѣ явленія Бога и въ различныхъ опредѣленныхъ образахъ, и преимущественно человѣка, напр. Аврааму въ видѣ трехъ странниковъ (Быт. 18 гл.), въ видѣ ангела въ человѣческомъ образѣ; о Моисей сказано: *образъ Господа онъ видѣлъ* (Числ. 12, 16—18). Пр. Исаія говорилъ: *око мои видѣли Царя, Господа Саваога* (6, 7). Особыхъ видѣній Божіихъ удостоились пр. Іезекіиль (1—2 гл.) и Давидъ (гл. 7). Но эти откровенія и богоявленія не могли служить поводомъ и основаніемъ для изображенія въ ветхомъ завѣтѣ лица Божія, ибо эти явленія были лишь проявленіемъ особаго благоволенія Божія къ этимъ именно лицамъ и они лишь удостоивались таинственно зрѣть лице Божіе, а весь народъ Израильскій лишенъ былъ такового обшесія и зрѣнія лица Божія. Поэтому причинѣ и невозможно было для народа изображать лице Божіе на основаніи явленія Бога отдѣльными лицамъ.

скими, ветхій завѣтъ однако подготовлялъ людей къ введенію въ храмы Божіи изображеній Божества. Такъ, явленіе Бога и Его славы относительно совершеннымъ членамъ церкви ветхозавѣтной въ образахъ опредѣленныхъ, и по преимуществу въ видѣ человѣка, предъизображая собою будущее боговоплощеніе, приготовляли людей къ пришествію Сына Божія, имѣвшаго явиться въ образѣ человѣка, а чрезъ то и къ введенію въ новомъ завѣтѣ св. иконъ, какъ Сына Божія, такъ и другихъ лицъ Св. Троицы. Мало того, въ ветхомъ завѣтѣ, по повелѣнію Божію, Моисеемъ былъ сдѣланъ вещественный образъ или прообразъ Сына Божія, Иисуса Христа, имѣвшаго висѣть на древѣ крестномъ (Іоан. 3, 14—15). Это былъ *мѣдный змій* въ пустынѣ (Числ. 21, 4—9), взирая на котораго человѣкъ, обращавшійся съ покаяніемъ, исцѣлялся отъ послѣдствій укушенія ядовитыми змѣями, исцѣлялся не тѣмъ, на что взиралъ (т. е. не самымъ змѣемъ), но Спасителемъ всѣхъ Богомъ (Прем. Сол. 16, 7) ¹⁾. Это показываетъ, что заповѣдь ветхаго завѣта о недѣланіи изображеній Божества имѣла значеніе не безусловное и для евреевъ, и подлежала измѣненію (Евр. 7, 12). Былъ въ ветхомъ завѣтѣ и особаго рода образъ Бога вообще. Такъ, *ковчегъ завета*, устроенный Моисеемъ также по повелѣнію Божію и поставленный въ важнѣйшей части ветхозавѣтнаго храма—во Святомъ Святыхъ (Исх. 25, 10 и сл.; Втор. 10, 1—3) былъ не что иное, какъ видимый образъ присутствія Бога невидимаго—образъ, всегда напоминавшій іудеямъ Іегову и возводившій мысль ихъ къ Первообразу. Когда поднимали ковчегъ въ путь, Моисей (обращаясь къ ковчегу) говорилъ: *возстань, Господи, и разсыплются враги Твои, и побѣдутъ отъ лица Твоего ненавидящій Тебя!* А когда останавливался ковчегъ, онъ говорилъ: *возвратись, Господи, къ тысячамъ и тѣмамъ Израилевымъ* (Числ. 10, 35—36)! *Предъ Господемъ плясати буду, ... буду играти и плясати предъ Господемъ*, сказалъ Давидъ въ отвѣтъ на укоръ дочери Сауло-

¹⁾ Змій этотъ былъ уничтоженъ вмѣстѣ съ статуями языческихъ боговъ при Езекиа въ виду того, что евреи стали чтить по язычески этого змія. Они возжигали предъ змѣемъ куренія и кадили тому, что видѣли ихъ глаза, т. е. самому змѣю, не имѣя при этомъ въ мысли Бога, Котораго отвергли и Который спасалъ ужасенныхъ змѣля (4 Цар. 18, 4).

вой-Мелхоль за плясаніе его предъ ковчегомъ завѣта (2 Цар. 6, 21; св. Нав. 6, 5—7; 4 Цар. 18, 22 и др.). Предъ ковчегомъ завѣта, какъ образомъ присутствія Божія, іудеи поклонялись: *возносите Господа Бога нашего и поклоняйтесь подножію нощу Его*, т. е. кивоту завѣта Господня, *яко свято есть*, говорилъ пророкъ Давидъ (Пс. 98, 5; св. 1 Пар. 28, 2), какъ поклонялись и вообще храму Господню съ его святынями и изображеніямъ (2 Цар. 12, 20; Пс. 5, 8). Равно по повелѣнію Господню совершалось каженіе еиміамомъ и возженіе свѣтильниковъ надъ кивотомъ (Исх. 30, 7—8; св. 40, 5).

Въ церкви христіанской употребленіе и почитаніе иконъ получило начало во времена глубокой древности. Такъ, по древне-церковному преданію, первою христіанскою иконою былъ нерукотворенный образъ Спасителя, отпечатлѣнный непосредственно Самимъ Іисусомъ Христомъ на убрूसѣ или полотенцѣ, и посланный имъ къ эдесскому авгарю (князю) ¹⁾. Подобное же преданіе считаетъ однимъ изъ первыхъ иконописцевъ ев. Луку, который писалъ и оставилъ иконы Божіей Матери, съ благоговѣніемъ передававшіяся изъ рода въ родъ (у насъ—Владимірская) ²⁾. У христіанъ священныя изображенія такимъ образомъ стали входить въ употребленіе въ вѣкъ апостольскій.

Несомнѣнно, что употреблялись эти изображенія и во II и III вѣкахъ, не смотря на гоненія и преслѣдованія христіанъ. Въ виду этихъ гоненій употребленіе и почитаніе иконъ, ко-

¹⁾ Свидѣтельства о нерукотворенномъ образѣ Спасителя древни и сплѣсны. Говорятъ объ этомъ: Юлій африканскій, писатель начала III в. (хроника Синкелла 215 г.), историкъ Евсей (Ц. истор. 1, 13), Моисей Хоренскій, армянскій писатель (ок. 460 г.), Евагрій схоластикъ (Церк. ист. IV, 26—27), Г. Дамаскинъ (Точн. яз. прав. в. IV, 16). Во времена иконоборчества на этотъ образъ указывали императорамъ иконоборцамъ не только восточные патріархи, но и западные (Григорій II). См. Дѣян. всел. соб. въ рус. пер. VII т. 80 стр. Особая сочиненія по этому предмету; З. М. (Мсеріанца). Подробное сказаніе о нерукотворенномъ образѣ Господа и Спаса І. Христа. Москва, 1865 г. *Катанскаго А.* проф. Сказанія о нерукотв. образѣ Спасителя восточныя и западныя (Хр. Чт. 1874 г. лек.). *Христофора* еп. Образъ І. Христа (Приб. къ твор. отд. ц. въ рус. пер. 1886 г. 4 кн.).

²⁾ Объ этомъ свидѣтельствуютъ въ своей исторіи Феодоръ чтець (VI в.), Г. Дамаскинъ, Симеонъ Метафрастъ, Никифоръ Каллистъ и др. См. въ ст. преосв. *Христофора*. Прибав. къ твор. отцевъ, 1886 г., VI, 329—327 стр.

нечно, тогда не могло быть широко развитымъ. Опасенія выдать себя и иконы язычникамъ вынуждали христіанъ прямыя и ясныя изображенія замѣнять условными—символическими и аллегорическими, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ многочисленныя и разнообразныя памятники церковной живописи, найденныя въ вырытыхъ подъ землею усыпальницахъ, или катакомбахъ, гдѣ первенствующіе христіане собирались для совершенія богослуженія и погребали своихъ усопшихъ ¹⁾. Наибольше распространенными изъ такихъ изображеній были изображенія Спасителя подъ видомъ добраго пастыря, несущаго овцу на своихъ раменахъ ²⁾, подъ видомъ рыбы, металлическое изображеніе которой носилось на шеѣ вмѣсто креста ³⁾, подъ видомъ агнца, ибо Онъ взялъ на Себя грѣхи міра (Іоан. 1, 29, 36; Ис. 53, 7), а также якоря (символь христіанской надежды,—см. Евр. 6, 18—19), ⁴⁾ лавлина (символь безсмертія), голубя (символь Духа Св., сошедшаго на Іисуса Христа при крещеніи), феникса ⁴⁾, а также монограммы, означающія какъ Христа, такъ и крестъ, на которомъ Онъ распятъ ⁵⁾.

¹⁾ Такихъ катакомбъ найдено доселѣ въ разныхъ мѣстахъ Европы, Азіи и Африки свыше 70-ти, въ томъ числѣ въ Римѣ и его окрестностяхъ до 60-ти. Описаніе и снимки съ найденныхъ въ римскихъ катакомбахъ изображеній см. у проф. *Н. И. Покровскаго*. Очерки памятниковъ христ. иконографіи и искусства. Сиб. 1900 г., а также у *А. фонъ-Фрикена*. Римскія катакомбы и памятники первонач. христ. искусства. I—IV т., Москва, 1872—1880 г.г.

²⁾ Такое изображеніе дѣлалось на стѣнахъ катакомбъ, на гробницахъ, на сосудахъ, на лампахъ, на кольцахъ и другихъ предметахъ. Очевидно, христіане желали постоянно имѣть это изображеніе предъ своими глазами.

³⁾ Рыба служила образомъ Христа потому, что въ греческомъ наименованіи ея ΙΧΘΥΣ заключаются первыя буквы греческихъ пяти словъ, на русскомъ языкѣ означающихъ: *Іисусъ Христосъ, Божій Сынъ, Спаситель*. Она служила символомъ Христа, крещающаго водою и дающаго плоть Свою въ слѣдъ, т. е. была символомъ таинства: крещенія и причащенія.

⁴⁾ Фениксъ служилъ у христіанъ символомъ воскресенія (у язычниковъ—символомъ вѣчности). Основаніе къ употребленію такого символа заключалось въ древнихъ легендарныхъ сказаніяхъ объ этой птицѣ, приводимыхъ и у христіанскихъ писателей, напр. у *Климента* рим. въ I посл. къ Коринто. 25 гл., а также въ *Постан. апост.* V, 7 и у др.

Встрѣчается въ катакомбахъ, между прочимъ, символическое изображеніе І. Христа въ образѣ Орфея, по мифологическимъ преданіямъ своимъ пѣніемъ и игрою на лирѣ, плѣнявшаго будто бы даже самыхъ дикихъ животныхъ. Такимъ символомъ думали пагляднѣе и сильнѣе выразить мысль о чудодѣйственной силѣ проповѣди Христовой, привлекавшей къ себѣ дикихъ людей. См. у *Покровскаго*,

Но кромѣ такихъ изображеній найдены въ катакомбахъ (на стѣнахъ, на гробницахъ и другихъ предметахъ) сохранившіяся изъ II и III вѣка и другія, ясныя, не символическія освященныя изображенія Спасителя и событій изъ Его земной жизни, какъ напр. Его рождества и крещенія, чудеснаго претворенія Имъ воды въ вино, исцѣленія слѣпорожденнаго, чудеснаго насыщенія множества народа, исцѣленія кровоточивой жены, бесѣды съ самарянкою, воскрешенія Лазаря и др. Въ тѣхъ же катакомбахъ открыты изображенія Богоматери съ младенцемъ Іисусомъ и звѣздою вверху и поклоненія Ему волхвовъ, образъ благовѣщенія Божіей Матери, Богоматери съ младенцемъ Іисусомъ и распростертыми руками (напоминаетъ нашу икону Знаменія Божіей Матери), изображеніе Ея съ апостолами Петромъ и Павломъ. Наконецъ, сохранились въ катакомбахъ же, найденныя и тоже древнѣйшія изображенія ветхозавѣтныхъ праведниковъ и библейскихъ событій, напр. Авраама, приносящаго въ жертву Исаака, Моисея, источающаго изъ скалы воду, пр. Іліи, Іоны, извергаемаго изъ китова чрева, пр. Даниїла и трехъ отроковъ, а также и новозавѣтныхъ, напр. Іоанна Предтечи, праведнаго Іосифа, мученицы Агніи¹⁾. Всѣ такія изображенія имѣли у древнихъ христіанъ, несомнѣнно, религіозное значеніе и не были, слѣдовательно, лишь простыми украшеніями, такъ какъ они находились въ такихъ мѣстахъ, куда нервенствующіе христіане собирались не для какаго либо любопытства или эстетическаго наслажденія произведеніями живописи, а для совершенія богослуженія, для

32—36 стр. Здѣсь же и снимокъ съ изображенія Орфея съ лирою въ рукахъ, найденнаго въ катакомбахъ Домитиллы См. еще ст. *Озерскаго*. „Мнеологическіе сюжеты въ христ. археологическихъ памятникахъ“,—въ *Прав.* Об. 1872 г. іюнь.

²⁾ Древнѣйшую изъ такихъ монограммъ представляетъ буква X. Въ III в. она осложнилась присоединеніемъ буквы I въ срединѣ, а въ III—IV в. получила видъ соединенныхъ буквъ X и P. См. рисунки въ указ. кн. проф. *Покровскаго*, 30 стр.

¹⁾ Многія изъ такихъ изображеній были сдѣланы въ стекляннхъ, или точнѣе на стекляннхъ сосудахъ (чашахъ) по золотымъ пластинкамъ или ласткамъ. Стекланные сосуды съ золотыми изображеніями въ значительномъ количествѣ хранятся въ музеяхъ Рима, Лондона, Парижя и др. См. у *Покровскаго*, 68—70 стр., у *Фрикена* IV ч. 82—87 стр.

принесенія безкровной жертвы. Сообразно съ такой цѣлью собраній первенствующихъ христіанъ въ подземныхъ храмахъ или катакомбахъ, и самыя изображенія эти имѣли назначеніе воспитывать въ вѣрующихся религіозныя чувства и возводить ихъ къ главному предмету чаяній—къ церкви небесной.

Объ употребленіи и почитаніи иконъ въ первые три вѣка христіанства свидѣтельствуютъ и церковные учителя и писатели этого времени, правда, не многіе, но это частію потому, что многія писанія этого времени не дошли до насъ и извѣстны намъ только по имени, а частію и потому, что въ виду гоненій на христіанъ, христіанскіе писатели побуждаемы были говорить объ этомъ лишь въ неизбѣжныхъ случаяхъ. Такъ, уже Минуцій Феликсъ ¹⁾, Тертуліанъ ²⁾ и Оригенъ ³⁾ свидѣтельствуютъ, что язычники обвиняли христіанъ за то, что они будто бы боготворили крестъ Христовъ и называли ихъ за это поклонниками или служителями креста. Названные апологеты не отвергая того, что христіане дѣйствительно почитаютъ крестъ, старались лишь разъяснить язычникамъ надлежащій смыслъ этого чествованія, т. е., что христіане, почитая крестъ, относятъ всю честь и поклоненіе къ Тому, Кто былъ распятъ на крестѣ.

Тертуліанъ свидѣтельствуетъ, что въ его время на потирахъ обыкновенно находилось изображеніе Спасителя въ видѣ добраго пастыря и, значить, вошло въ общецерковное управленіе ⁴⁾. *Климентъ александрійскій* говорилъ о истинномъ гностикѣ христіанинѣ: „останавливая взоръ на изящныхъ изображеніяхъ, онъ мысли свои устремляетъ на многихъ, прежде его достигшихъ совершенства, патріарховъ, премногихъ пророковъ, безчисленныхъ ангеловъ и Самаго Господа всѣхъ, поучающаго насъ, что и мы можемъ имѣть жизнь, сообразную съ самыми высокими образами“ ⁵⁾. Св. *Меводій патарскій* (ум. 312 г.) свидѣтельствуетъ объ изображеніяхъ въ его время ангеловъ и сляъ небесныхъ: „устрояемыя изъ золота изображенія анге-

¹⁾ *Минуц. Октавій*, IX, 12—29.

²⁾ *Ориг. Прот. Цельса*, 2 кн.

³⁾ *Тертул. Апол. XVI гл.*

⁴⁾ *Тертул. De pudicitia*, X.

⁵⁾ Изъ VII кн. *Строматъ*. Приводится эти слова и *Дамаскинъ* въ 3 сл. объ иконахъ. Въ русск. перев. проф. *Бронзова* 154 стр

ловъ Его (т. е. Бога), началъ и властей мы устроаемъ въ честь и славу Его“, говоритъ онъ ¹⁾. А *Евсевій Памелъ* упоминаетъ о живописныхъ изображеніяхъ Петра и Павла, а также Самаго Господа, какъ хранящихся съ давняго времени, — съ самыхъ первоначальныхъ временъ христіанства. „Мы уже разсказывали, пишетъ онъ, что посредствомъ красокъ на картинахъ сохранены лики ап. Петра и Павла, да и Самаго Иисуса Христа. Вѣроятно, древніе, слѣдуя обычаю язычниковъ, выражали такимъ образомъ уваженіе ко всѣмъ, безъ различія, благодѣтелямъ“ ²⁾.

Съ IV вѣка, лишь только наступило время торжества церкви, уже вездѣ открыто, не только въ храмахъ и христіанскихъ домахъ, но и на чѣмъ либо, замѣчательныхъ мѣстахъ стали въ значительномъ количествѣ появляться священныя изображенія какъ Господа, такъ и святыхъ Его. Новосоздаемые храмы заботливо были украшаемы священными изображеніями. Особенную славу въ этомъ отношеніи стяжали себѣ на Востокѣ византійскіе императоры—Константинъ Великій съ своею матерію Еленой, и Юстиніанъ, строитель знаменитой константинопольской Софіи—Премудрости Божіей, на Западѣ же любовь къ строенію и благоуукрашенію храмовъ прославился Павлинъ, еп. Ноланскій. Отцы и учителя церкви IV—VI в.в., свидѣтельствуя о повсемѣстномъ почитаніи св. иконъ ³⁾, находили такое почитаніе вполне согласнымъ съ Писаніемъ, важнымъ и полезнымъ въ дѣлѣ христіанскаго воспитанія, опровергали и высказывавшіяся нѣкоторыми возраженія противъ иконопочитанія. Обо всемъ этомъ по тщательномъ обсужденіи и изслѣдованіи вопроса объ иконопочитаніи, засвидѣтельствовали и отцы VII вселенскаго собора, составивъ слѣдующее, обязательное для членовъ церкви всѣхъ временъ, *въроопредѣленіе о почитаніи св. иконъ*: „не вводя ничего но-

1) *Меводій*. О воскресеніи, XXII. См. его твор. въ рус. перев. Е. Довгяна, 244 стр. Приводятся тѣже слова и у Дамаскина. См. 3 сл. объ иконахъ, 168 стр.

2) *Евсев.* Церк. ист. VIII, 18. Свидѣтельство Евсевія тѣмъ болѣе важно, что самъ онъ былъ противъ священныхъ изображеній.

3) Многочисленные свидѣтельства отцевъ церкви объ иконопочитаніи приводятся у I. Дамаскина, въ 3 словахъ объ иконахъ, а также въ „Дѣян. VII всел. собора“, на которомъ была читана и обсуждаемы эти свидѣтельства.

ваго, мы неприкосновенно сохраняемъ всѣ церковныя преданія, утвержденныя письменно или не письменно... Слѣдуя божественному ученію святыхъ отцевъ нашихъ и преданію католической церкви... опредѣляемъ, чтобы св. и честныя иконы предлагались (для поклоненія) точно такъ же, какъ изображеніе честнаго животворящаго креста, будутъ ли онѣ написаны красками или сдѣланы изъ мозаики или какого либо другого вещества, и будутъ ли находиться въ св. церквахъ Божіихъ на освященныхъ сосудахъ и одеждахъ, на стѣнахъ и на дощечкахъ, или въ домахъ и при дорогахъ, а равно будутъ ли эти иконы Господа Иисуса Христа или Владычицы Богородицы или честныхъ ангеловъ и всѣхъ святыхъ и праведныхъ мужей. Чѣмъ чаще они при помощи иконъ дѣлаются предметами нашего созерцанія, тѣмъ болѣе взирающіе на эти иконы возбуждаются къ воспоминанію о самыхъ первообразахъ, приобрѣтаютъ болѣе любви къ нимъ и получаютъ болѣе побужденій воздавать имъ лобзаніе, почитаніе, и поклоненіе, но никакъ не то истинное служеніе, которое, по вѣрѣ нашей, приличествуетъ только божественному естеству ¹⁾. Тотъ же соборъ опредѣлилъ: „обзывающимъ священныя иконы идолами — анаема“ ²⁾.

Иконопочитаніе, такимъ образомъ, имѣетъ для себя твердыя основанія и въ ученіи слова Божія и въ ученіи и примѣрѣ вселенной церкви.

Къ благоговѣйному чествованію св. иконъ побуждаютъ христіанъ и чудеса, совершаемыя Самимъ Богомъ чрезъ св. иконы. Если бы почитаніе св. иконъ было противно волѣ Божіей, то, конечно, Господь не сталъ бы совершать чрезъ нихъ знаменія и чудеса. Сказаніями объ этихъ чудесахъ наполнены лѣтописи какъ церкви вообще, такъ въ особенности церкви нашей ³⁾. Нѣкоторыя иконы Христа Спасителя, Его Пречистой Матери, Святителя Николая и другихъ угодниковъ Божіихъ, по обилію совершавшихся отъ нихъ чудесъ, издревле извѣстны

¹⁾ Дѣян. всел. соб. въ рус. пер. VII т. 592—593 стр.

²⁾ Тамъ же, 610 стр.

³⁾ Много чудесъ отъ св. иконъ, бывшихъ до VII всел. собора, описано у преосв. Сергія. Почитаніе св. иконъ. 94—136 стр. по изд. 1887 г.

подъ именемъ *чудотворныхъ*, и, находясь въ разныхъ мѣстахъ православной церкви, доселѣ не перестаютъ быть какъ бы протоками или проводниками Его спасительной для насъ чудодѣйственной силы. Чудеса отъ св. иконъ весьма многообразны, но болѣе же всего черезъ нихъ совершалось и совершается исцѣленій отъ тяжкихъ неизлѣчимыхъ болѣзней. Въ первые времена церкви даромъ исцѣленія были надѣлены совершенные изъ христіанъ: *иному* даются, говоритъ апостолъ, *дары исцѣленій тѣмъ же Духомъ* (1 Кор. 12, 9). Но въ послѣдующее и въ настоящее время живымъ, болѣе совершеннымъ христіанамъ чаще давался и дается даръ пророчества и прорѣнія мыслей, а даръ исцѣленій сталъ рѣдокъ; напротивъ, даръ исцѣленій болѣе изливается отъ св. иконъ (и мощей).

Наконецъ, естественность и благотворность употребленія и почитанія иконъ ясна изъ слѣдующихъ простыхъ соображеній. Если по естественному влеченію сердца каждому человѣку свойственно желаніе имѣть у себя изображенія любимыхъ и уважаемыхъ лицъ за невозможностію видѣть ихъ лично, то не естественно ли поэтому имѣть христіанамъ у себя изображенія Господа, Его Матери, ангеловъ и святыхъ людей и воздавать имъ надлежащее чествованіе, возвышаясь мыслию отъ изображенія къ первообразу? Возможно-ли, чтобы кто либо истинно почиталъ лице изображенное и въ то же время ругался надъ его изображеніемъ? При томъ же иконы напоминаютъ намъ о безчисленныхъ благодѣяніяхъ къ намъ Господа и святыхъ Его, о тѣхъ отношеніяхъ, которыя должны мы имѣть къ нимъ, о тѣхъ высокихъ подвигахъ, которыми намъ нужно подражать. Отсюда, почитаніе иконъ можетъ возбуждать и воспитывать въ насъ чувства вѣры, надежды и любви. Иконы въ этомъ отношеніи справедливо древніе учителя уподобляли книгамъ, общедоступнымъ и удобопонятнымъ для всѣхъ, образованныхъ и необразованныхъ, написаннымъ вмѣсто буквъ, лицами и вещами ¹⁾.

II. Иконопочитаніе имѣло противниковъ какъ въ древнія времена, такъ имѣетъ ихъ и нынѣ. Въ VIII вѣкѣ греческими императорами иконоборцами было даже воздвигнуто жестокое

¹⁾ Дамаск. Слово объ икон. III, 9. Св. Точн. изд. въ IV, 16.

гоненіе на чтителей св. иконъ, продолжавшееся около 60 лѣтъ (при императорахъ Львѣ III Исаврянинѣ и его преемникахъ—Константинѣ Копронимѣ и Львѣ Хозарѣ), до VII вселен. собора (787 г.), утвердившаго иконопочитаніе. Возобновлялись гоненія противъ иконопочитанія и въ IX вѣкѣ (при Львѣ V армянинѣ и его преемникахъ), пока оно не было восстановлено при императрицѣ Теодорѣ¹⁾. Съ этого времени и до появленія реформациі XVI в. противъ иконопочитанія возставали лишь отпавшіе отъ церкви сектанты (петробрусіане, кабары, павликіане, богомилы и виклефиты). Но въ протестантствѣ отрицаніе почитанія иконъ и доселѣ составляетъ отличительную его особенность отъ другихъ христіанскихъ исповѣданій. Употребленіе священныхъ изображеній въ храмахъ и въ частныхъ домахъ для украшенія оныхъ, для напоминанія о событіяхъ священной и церковной исторіи, по мнѣнію протестантовъ, можетъ быть допускаемо и можетъ быть полезнымъ, но не должно быть религіознаго почитанія иконъ. Разнаго же рода сектанты (штундисты, духоборцы, молокане и проч.) отвергають умѣстность и такого употребленія иконъ. Эти новые иконоборцы, иконопочитаніе прямо называютъ идолопоклонствомъ, иконы—идолами, кумирами, образами звѣря и т. п., къ чтителямъ иконъ относятъ всѣ обличенія древними пророками евреевъ за уклоненіе ихъ въ язычество, а надъ самыми иконами позволяютъ нетерпимыя кощунственныя дѣйствія.

Въ свое оправданіе какъ древніе, такъ и новѣйшіе противники иконопочитанія, главнымъ образомъ, указывали и указываютъ на то, что будто бы употребленіе и почитаніе иконъ запрещается второю заповѣдію Моисеева десятисловія (Исх. 20, 4). Но пониманіе этой заповѣди въ смыслѣ запрещенія иконопочитанія, съ отождествленіемъ при этомъ иконъ съ идолами, неправильно.

Правда, по смыслу этой заповѣди, читаемой въ составѣ рѣчи, Ягова, Богъ завѣта и, откровеній, не долженъ быть ни представляемъ, ни изображаемъ въ видѣ кумира, изваянія (слав. *кумиръ*, евр. *phesel*—изваянный идолъ, истукапъ; см. Втор. 4,

¹⁾ Въ память сего 19 февраля 842 г., установленъ праздникъ православія, донинѣ совершаемый въ первую недѣлю великаго поста.

16, 23; у LXX—*ἰδωλον*) и подъ другими формами, образами („всякое подобіе“) евр. *bekol temuna*; *temuna*—образъ, обликъ, LXX—*ὁμοίωμα*; сн. Втор. 4, 15; Іов. 4, 16; Пс. 16, 15), являющимися воспроизведеніемъ свѣтилъ небесныхъ (*на небеси горѣ*), людей, скота, птицъ, гада (*на земли низу*) и рыбъ (*въ водахъ подъ землею*; сн. Втор. 4, 16—19). Но нарушаютъ ли христіане вторую заповѣдь, почитая иконы? Нѣтъ. Запрещеніе дѣлать изображенія Іеговы въ ветхомъ завѣтѣ основывались на томъ, что Онъ невидимъ, что давая заповѣди еврейскому народу на горѣ, Онъ не являлся имъ въ какомъ либо видимомъ образѣ, дабы евреи, склонные къ чувственности и идолопоклонству, не уподобили Его языческимъ богамъ и не стали представлять Его существомъ тѣлеснымъ и ограниченнымъ (Втор. 4, 11—19). Но въ новомъ завѣтѣ въ лицѣ Іисуса Христа открылась вся полнота Божества тѣлеснѣ; были откровенія тріединого Бога на Іорданѣ, на Фаворѣ, въ день Пятидесятницы, въ видѣніяхъ Іоанна Богослова (Ап. 4 и 5 гл.). Людямъ совершеннымъ Богъ и въ ветхомъ завѣтѣ открывался въ болѣе опредѣленныхъ образахъ, чѣмъ это было при Синаѣ. Все это показываетъ, что вторая заповѣдь о недѣланіи изображеній Божества имѣла значеніе не безусловное и для евреевъ, и подлежала премѣненію (Евр. 7, 12). Это примененіе сдѣлано было Самимъ Богомъ еще въ ветхомъ завѣтѣ по дарованіи этой заповѣди ради грядущаго новаго завѣта (изображеніе мѣднаго змія и ковчегъ завѣта); тѣмъ болѣе она подлежала премѣненію въ новомъ завѣтѣ, когда Богъ явился во плоти. Хорошо разъясняетъ это св. *І. Ламаскинъ*, много подвизавшійся за св. иконы. „Какъ свѣдущій врачъ, пишетъ онъ, не всѣмъ и не всегда даетъ одно и то же лѣкарство, но каждому приличное и полезное, смотря по свойству страны, болѣзни и времени, иное младенцу, иное возрастному, такъ и совершеннѣйшій Врачъ душъ (Богъ) находившимся въ дѣтскомъ еще возрастѣ и изнемогавшимъ отъ болѣзни идолослуженія, и считавшимъ идоловъ богами, и поклонявшимся имъ, какъ богамъ, и отвергавшимъ поклоненіе Богу, и воздававшимъ славу Его твари, запретилъ дѣлать Его изображенія. Ибо невозможно дѣлать изображенія Бога—безтѣлеснаго и невидимаго, и невещественнаго и не имѣющаго

ни внѣшняго вида, ни очертанія, и непостижимаго... *Не сотвориши себѣ кумира, всякаго подобія, не поклонниси имъ, ниже послужиши имъ* (Втор. 5, 7—9)... Такой законъ данъ былъ іудеямъ по причинѣ склонности ихъ къ идолослуженію. Мы же, которымъ дано, избѣжавъ суевѣрнаго блужденія, познавъ истину, находиться въ чистомъ (и святомъ) общеніи съ Богомъ и служить одному только Богу, изобиловать совершенствомъ богопознанія и, по минованіи дѣтскаго возраста, достигнуть въ мужа совершенна,—не находимся болѣе подъ пѣстунномъ, такъ какъ получили отъ Бога способность различать, и знаемъ что можетъ быть изображаемо и что не можетъ быть выражено посредствомъ изображенія... *Образа Его*, говоритъ Писаніе, *не видѣсте*... Бога невидимаго изобразить, конечно, не возможно. А когда увидишь Безтѣлеснаго ради тебя вочеловѣчившимися, тогда дѣлай изображеніе человѣческаго Его вида. Когда Невидимый, облекшись въ плоть, становится видимымъ, тогда изображай подобіе Явившагося. Когда Тотъ, кто будучи, вслѣдствіе превосходства Своей природы, лишенъ количества и качества, и величины, Кто во образъ Божій сый, примъ зракъ раба, чрезъ это сдѣлался ограниченнымъ въ количественномъ и качественномъ отношеніяхъ и облекся въ тѣлесный образъ, тогда начертывай на доскахъ и выставляй для созерцанія Восхотѣвшаго явиться, начертывай неизреченное Его снисхожденіе, рожденіе отъ Дѣвы, крещеніе во Іорданѣ, преображеніе на Ѡаворѣ, страданія, освободившія насъ отъ страстей, чудеса—признаки Божественной Его природы и дѣятельности, совершаемыя при посредствѣ плоти, спасительное погребеніе Избавителя, восшествіе на небо; все рисуй, и словомъ, и красками, и въ книгахъ, и на доскахъ“¹⁾.

Что же касается отождествленія иконъ съ идолами или кумирами, то это намѣренная хула на св. иконы. Кумиры или идолы суть изображенія божествъ языческихъ, но боги язычниковъ не суть боги (Гал. 4, 8), а вымыслы челоуѣка (Дѣян. 17, 29), обоготворившаго тварь вмѣсто Творца (Рим. 1, 21): *отъмы, яко идолъ ничтоже есть въ міръ* (1 Кор. 8, 4; сн. 10, 19; Прем. Сол. 15, 17; Пс. 95, 5). Иконы же суть изобра-

¹⁾ *Дамаск.* Объ иконахъ сл. III, 4, 7 и 8.

женія истиннаго Бога, въ томъ видѣ, въ какомъ Онъ благоволилъ открыться людямъ (явленій Божества, но не существа Его) и святыхъ Его, которые въ свое время жили на землѣ и теперь живутъ на небѣ. Язычество и осуждается не за употребленіе изображеній Божества вообще, а за изображеніе мнимыхъ или ложныхъ боговъ. Мало этого, въ древне-языческомъ мірѣ, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторой его части, тамъ, гдѣ ниспаденіе въ чувственность, духовное объюродѣніе и омраченіе сердца (Рим. 1, 21) достигали до особенно крайней степени, бездушныя золотыя, серебряныя и каменныя изображенія идоловъ и сами по себѣ не только назывались „богами“, но часто и со всѣмъ признавались за боговъ, такъ что и при чествованіи ихъ честь прямо относилась къ самой вещи или фигурѣ идола (Прем. Сол. 13, 10; 14, 8; 15, 15; Ис. 44, 15—17; Пс. 95, 5; Дан. 14, 3—6); поклоняясь имъ, говорили, напр., дереву: „ты мой отецъ“, и камню „ты родилъ меня“ (Іер. 2, 27). Почитаніе иконъ въ такомъ-же смыслѣ, конечно, также было бы своего рода идолопоклонствомъ, но почитаемы иконы должны быть такъ, чтобы честь почитанія относилась не къ вещи (дереву, краскамъ, металлу), а къ лицу изображенному...

Изъ сказаннаго понятно, что вторую заповѣдь закона Моисея о неизображеніи Божества не должно относить въ новомъ завѣтѣ къ изображеніямъ тріипостаснаго Бога, а слѣдуетъ понимать ее въ томъ смыслѣ, что христіане, во первыхъ, не должны поклоняться идоламъ языческимъ, какъ изображеніямъ ложныхъ боговъ, а во вторыхъ, и изображенія истиннаго Бога не должно почитать за самое Божество (Простр. Катих. о 2 запов.).

Противники иконопочитанія указываютъ далѣе, что въ новомъ завѣтѣ нѣтъ заповѣди о почитаніи иконъ, а ветхозавѣтныя узаконенія относительно херувимовъ не имѣютъ значенія, ибо отмѣнена скинія (Евр. 9, 8—10), а храмъ еврейскій разрушенъ. Посему не должно быть въ новомъ завѣтѣ не только изображеній Бога, но и ангеловъ и святыхъ. Правда, нѣтъ въ новомъ завѣтѣ заповѣди о почитаніи иконъ, но нѣтъ въ немъ и запрещенія. Воля же Божія о почитаніи иконъ достаточно выражена въ повелѣніи изобразить херувимовъ. О не-

совмѣстимости съ христіанствомъ этого повеленія не говорить ни Іисусъ Христосъ, ни Его апостолы. Оно и не можетъ быть несомвѣстимымъ, ибо по существу почитаніе изображенія ангеловъ и святыхъ людей является почитаніемъ Бога, дивнаго во святыхъ Своихъ. О томъ же, что отмѣнено и не отмѣнено изъ ветхозавѣтныхъ установленій, должно спросить у вселенской церкви Христовой, которая есть *столпъ и утвержденіе истины* (1 Тим. 3, 15), а не полагаться на собственныя соображенія, памятуя наставленіе апостола: *братіе моя, не многіе дѣлайтесь учителями*, т. е. въ отношеніи вѣры, *зная, что мы подвергаемся большому осужденію* (Іак. 3, 1). Скинія, какъ храмъ Божій, не отмѣнена въ новомъ завѣтѣ, равно какъ не могло быть отмѣненія повелѣнія и о изображеніи херувимовъ, ибо херувимы и доселѣ служатъ престоломъ славы Божіей на небесахъ.

Утверждаютъ, будто первенствующая церковь не знала иконопочитанія, что соборъ эльвирскій (305 г. въ Испаніи) однимъ изъ своихъ правилъ запретилъ употребленіе иконъ въ храмахъ, что учителя первыхъ трехъ вѣковъ, (напримѣръ Іустинъ, Аѣинагоръ, Тертуллианъ, Минуцій Феликсъ, Арновій) на упреки язычниковъ—почему христіане не имѣютъ изображеній? не отрицали справедливости этихъ упрековъ, и порицали за почитаніе изображеній какъ язычниковъ, такъ и еретиковъ, что иконопочитаніе хотя и стало утверждаться особенно съ V вѣка, но многими рассматриваемо было, какъ языческое нововведеніе, а окончательно утвердилось лишь со времени VII вселенскаго собора. Но такія утвержденія произвольны. Возникновеніе иконоборчества показываетъ, что иконопочитаніе тогда было общепринятымъ. Исторія удостовѣряетъ, что оно существовало и въ самые первые вѣка христіанства, хотя вслѣдствіе особыхъ обстоятельствъ церкви не было въ ней ни такъ открыто, ни такъ повсемѣстно, какъ это сдѣлалось въ IV и особенно V вѣкѣ. Не основательна также ссылка на находящіеся будто бы свидѣтельства противъ иконопочитанія у древнѣйшихъ учителей церкви. Правда, они обличали язычниковъ за употребленіе и почитаніе послѣдними идоловъ, и говорили, что у христіанъ нѣтъ языческихъ идо-

браженій, но это не значитъ, что они были противниками и иконопочитанія: осуждали они язычниковъ собственно за идолослуженіе, за боготвореніе кумировъ, а не за употребленіе изображеній вообще. Знакомить же язычниковъ въ своихъ апологіяхъ съ имѣвшимися у христіанъ священными изображеніями, конечно, имъ не было надобности ¹⁾. Точно также если у нѣкоторыхъ древнихъ писателей встрѣчается осужденіе еретиковъ, употреблявшихъ иконы, то они вмѣняли въ преступленіе означеннымъ еретикамъ не употребленіе иконъ, а то, что еретики наравнѣ съ изображеніями Спасителя и ап. Павла чтили изображенія Гомера, Пизагора, Платона, Аристотеля, и притомъ воздавали всѣмъ этимъ изображеніямъ чествованіе божеское, по обрядамъ языческимъ, приносили предъ нимъ жертвы и, слѣдовательно, впадали въ идолопоклонство ²⁾.

Ссылаются еще на опредѣленіе эльвирскаго собора, воспретившаго употребленіе иконъ въ храмахъ ³⁾. Но самымъ этимъ запрещеніемъ предполагается, что иконы тогда были употребляемы въ храмахъ. Отцы этого собора, нужно думать, высказали здѣсь свое личное мнѣніе, имѣвшее значеніе лишь для испанской церкви; на другія церкви, за предѣлами Испаніи, это опредѣленіе не распространялось. Но почему именно послѣдовало это мѣстное и, конечно, временное запрещеніе, это пока не считается точно установленнымъ. Быть можетъ запрещеніе послѣдовало потому, что тогда было время Діоклетіанова гоненія на христіанъ, когда язычники часто вторга-

¹⁾ Для убѣжденія въ томъ, что таковъ смыслъ разсужденій древнихъ апологетовъ по поводу упрековъ въ томъ, что у христіанъ нѣтъ изображеній, см. наприм. у *Минуци. Фел. Октавія*, 28—24, у *Тертуліана* Апол. 12—13. Объ идолоп. 8—4 гл. у *Лактанція*, Бож. наставл. 11, 12, 14, 17—19 гл. Св. *Инокен. Обл. Бог.* §§ 324—325. *Сильвестра* еп. Док. Бог. § 181.

²⁾ *Иринея* (Прот. ерес. I кн. 5) бл. *Августинъ* (*De haeres.* с. 7) и *Епифаній* (ер. 27) обвиняли въ этомъ послѣдователей Карпократа и вообще гностиковъ. Блаж. *Теодоритъ* свидѣтельствуетъ, что послѣдователи Симона волхва воздвигли въ Римѣ статую ему во образъ Юпитера, а его спутницъ—Еленѣ во образъ Минервы, которыхъ и оямятъ воскуряли, и возмнія приносили въ жертву, а какъ богамъ поклонялись (*Haeres. fabul. Lib. VII*). Св. *Епиф.* Евр. XXVII. Показано, что все это и требовало осужденія.

³⁾ „Собору угодно, говорится въ 86 правилѣ этого собора, чтобы живописей въ церквахъ не было; пусть не изображается на стѣнахъ то, что составляетъ предметъ почитанія“.

лись въ христіанскіе храмы и подвергали поруганію священныя изображенія христіанъ (соборъ говоритъ объ изображеніяхъ на стѣнахъ храмовъ, слѣдовательно видимыхъ всѣми, но не касается другихъ изображеній), или, быть можетъ, потому, что въ Испаніи не было хорошихъ художниковъ, которые бы удовлетворительно могли изображать красками священныя событія и лица, а быть можетъ и потому, что иные изъ простодушныхъ христіанъ боготворили иконы, и отцы собора своимъ запрещеніемъ хотѣли предовратить соблазнъ. Вообще же ясно, что запрещеніе эльвирскаго собора имѣетъ частный, а не всеобщій характеръ и вытекаетъ изъ мѣстныхъ причинъ, а не изъ принципиальнаго отрицательнаго воззрѣнія на употребленіе иконъ ¹⁾).

Наконецъ, противники иконопочитанія являются упорно невѣрующими и въ отношеніи къ совершающимся у св. иконъ чудеснымъ исцѣленіемъ и знаменіямъ. Если возможно и существуютъ чудотворныя иконы, то, говорятъ, почему не каждая икона чудотворна? Почему иконы, если священны, портятся отъ времени? Почему даже чудотворныя иконы подвергаются уничтоженію? Но отвергать дѣйствительность чудесъ по молитвѣ предъ св. иконою, когда эти чудеса подтверждены достовѣрными свидѣтельствами, это значитъ относить къ самимъ себѣ слова Господа: *осякій грѣхъ и хула простится челоукамъ, а хула на Духа Святаго не простится* (Мѡ. 12, 31). При вѣрѣ въ чудеса, вообще, нѣтъ основаній сомнѣваться въ возможности чудесъ и чрезъ иконы. По свидѣтельствамъ откровенія, вещественные предметы не разъ служили проводниками чудодѣйственной силы, напр. ковчегъ завѣта при переходѣ евреевъ чрезъ Іорданъ (Нав. 3 и 4 гл.) и во время пребыванія въ землѣ филистимлянъ (1 Цар. 4—6 гл.), мѣдный змій во время укушеній евреевъ ядовитыми змѣями въ пустынѣ (Числ. 21, 8—9), мѣлотъ при Иліи, раздѣлившая воды Іордана (4 Цар. 2 14), сухая кость осла, изъ которой была изведена Богомъ живая вода для Самсона (Суд. 15, 19), главоотяжа и убрисцы ап. Павла и даже тѣнь ап. Петра (Дѣян. 19, 12; 5, 15). Почему

¹⁾ *Покровскаго Н. И.* проф. Очерки памятниковъ христ. иконографіи. 16—17 стр.

же не могутъ быть такими проводниками чудодѣйственной силы Божіей и св. иконы? Не всѣ иконы являются имѣющими чудодѣйственную силу потому, конечно, что такова воля Божія. Если бы отъ всѣхъ иконъ совершались явныя чудеса, то можно было бы подумать, что они совершаются сами собою и самими иконами. Господь творить чудеса тамъ, гдѣ хочетъ и гдѣ находитъ это полезнымъ. Говорятъ, если иконы священны, то почему они подвергаются порчѣ и даже уничтоженію, не исключая и чудотворныхъ? Но законъ разрушенія на всемъ пространствѣ земномъ дѣйствуетъ одинаково и измѣнить его можетъ только Тотъ, Кто его установилъ. Могутъ подвергаться уничтоженію и чудотворныя иконы (кража напр. чудотворной иконы Божіей Матери въ г. Казани, сопровождавшаяся, можетъ быть, и уничтоженіемъ ея), но не нужно забывать, что и Самъ Христосъ Спаситель подвергся заушеніямъ и оплеванію, распятію и пронзенію копіемъ.

Протоіерей Н. Малиновскій.

ЗА ПРАВА ЖИЗНИ И ЛИЧНОСТИ.

(Ученіе Фр. Ницше и моральная оцѣнка этого ученія.)

(Окончаніе *):

И Горькій стоитъ въ такомъ-же антагонизмѣ къ современной жизни, какъ и Ницше. Жизнь—тина, люди—трусы,—таковы приблизительно выводы Горькаго. Критикуя общество, Горькій незамѣтно сближается съ Ницше, иногда прямо совпадаетъ съ нимъ, хотя повидимому, мыслить вполне независимо отъ нѣмецкаго философа. Подобно Ницше, Горькій всюду вноситъ „священный духъ протеста“ противъ застоявшейся рутины. Жизнь представляется ему широкимъ стремящимся впередъ потокомъ. Люди сдѣлали жизнь обузой, проклятіемъ (Шебуевъ въ „Мужикѣ“); они создали бездушное, гнусное прозябаніе, но сама по себѣ жизнь прекрасна и достойна преклоненія: „Сами мы виноваты передъ жизнью“ (Коноваловъ). Въ этихъ рѣчахъ слышатся отзвуки Ницше, его преклоненіе передъ жизнью и кумиромъ, ради котораго стирается съ земли все худое и слабое.

Протестуя противъ всякаго стѣсненія личности, ставя выше всего свободное изволеніе, Горькій—врагъ какого-бы то ни было обузданія страстей. Питая ненависть къ мелкому уму, трусливой осторожности, Горькій превозноситъ смѣлый порывъ страсти, „взрывъ сильной любви, сильной ненависти“. Въ противовѣсъ мелочной расчетливости, онъ требуетъ отъ своихъ героев смѣлыхъ и мужественныхъ поступковъ. Горькій вмѣстѣ съ Ницше призываетъ господство сильныхъ, высшихъ по разуму. Жестокіе эгоисты Пушкина и Лермонтова,—Онѣгинъ

---

*) См. журналъ «Вѣра и Разумъ» за 1907 г. № 7.

и Печоринъ, шѣняютъ у него свои дворянскіе мундиры на красныя рубахи мужиковъ: но крѣпшему они ищутъ приключеній и забываются въ разгулѣ. Воскресаетъ старинная, гордая порода,—тщеславная и разнузданная. Горькій, какъ и Ницше, восторгается силой, красотой. Онъ любитъ „красивыя, сильныя позы“, красивую мощь природы. Онъ требуетъ красивой жизни.

Въ своемъ стремленіи подмѣнить этику эстетикой, Горькій незамѣтно переходитъ къ преклоненію предъ свободной силой, предъ „сверхчеловѣкомъ“. Высшимъ типомъ жизни для него, какъ и для Ницше, является типъ молодого варвара, сильнаго и хищнаго, порочнаго и великодушнаго. Ярмо идеала сброшено. Въмѣсто гуманныхъ теорій люди обратились къ фактамъ исторіи и преклонились предъ силой Борджиа и Наполеона. Что значать всѣ усилія идеаловъ въ сравненіи съ сверхчеловѣческими дѣяніями этихъ мужей! Это они диктуютъ исторію міра. Такова потайная, оборотная сторона философіи силы. Все великое совершалось силою, вопреки нравственности, отсюда слабые—глина въ рукахъ сильныхъ. Цѣль жизни выработать высшій типъ „сверхчеловѣка“. Ради этого типа Ницше и Горькій преклоняются предъ стихійною страстью, стихійною силою: цыганъ Лойко убиваетъ страстно любимую Радду; вотъ она стихія любви и ненависти. Ради этого типа рекомендуется вырвать „зубы совѣсти“ и „когти ума“ (Промитовъ — „Проходимецъ“), потому что всего болѣе изнуряютъ человѣка его думы. Нужно гордо жить и гордо умереть, поучаетъ Ницше; у Горькаго обезсиленный орелъ бросается внизъ и разбивается объ уступы скалъ. Жизнь тли, прозябаніе червяка имъ обоимъ противны...

Въ чемъ-же сила вліянія этихъ писателей на массу читателей, на интеллигенцію? Въ высотѣ-ли и величіи Ницшеанскаго идеала? Нѣтъ! Знамя протеста—вотъ символъ ихъ вліянія! Ихъ вліяніе—въ негодованіи противъ общаго моральнаго измельчанія, противъ мелкаго буржуазнаго строя, гдѣ конѣвка заѣдаетъ жизнь, гдѣ люди задыхаются въ атмосферѣ ханжества, мелкихъ заботъ, будничной повседневнощины, гдѣ личность обращается въ нуль, въ микроскопическую принадлежность

машинны, профессіи, капитала, гдѣ по ихъ мнѣнію нѣтъ мѣста блестящимъ, благороднымъ подвигамъ!...

Усилія Ницше создать взамѣнъ прежнихъ вѣковѣчныхъ религіозно-нравственныхъ идеаловъ жизни—новый положительный идеаль являются попыткой страстной, но и глубоко трагической. Онъ задумалъ создать его совершенно порвавши связь съ богооткровеннымъ христіанствомъ и даже вообще съ религіей и всякою моралью. Стоя на почвѣ матеріалистической, признавая только вѣчную эволюцію, видимаго міра, отвергая бытіе Бога, бытіе сверхчувственнаго, духовно-нравственнаго міра и загробную жизнь, Ницше строилъ свой идеаль жизни и сверхчеловѣка только изъ чертъ ограниченной естественной природы, изъ чертъ конечнаго бытія. Несостоятельность такого идеала лучше всего выясняется знаменитымъ нашимъ философомъ Вл. Соловьевымъ. По его словамъ, ницшеанскій идеаль сверхчеловѣка, идеаль силы и красоты, лишенъ опредѣленнаго содержанія. Онъ не нуждается въ какихъ нибудь внѣшнихъ опроверженіяхъ со стороны. Онъ достаточно опровергаетъ самъ себя на собственной почвѣ. Смысль жизни—въ силѣ и красотѣ. Пусть такъ. Но какъ-бы мы не отдавались ихъ эстетическому культу, мы не найдемъ въ немъ никакой защиты или даже намека на защиту противъ того общаго и неизбѣжнаго факта, который внутренно упраздняетъ эту мнимую божественность силы и красоты, ихъ мнимую безусловность,—разумѣемъ тотъ фактъ, что неизбѣжный конецъ всякой силы есть бессиліе, и конецъ всякой здѣшней красоты есть безобразіе—это роковая и неизбѣжная смерть. Развѣ сила, бессильная предъ смертію, есть въ самомъ дѣла сила? Развѣ разлагающійся трупъ есть красота? Идеаль Ницше умираетъ съ каждымъ покойникомъ и погребается на всѣхъ кладбищахъ. Такимъ образомъ, Ницше вложилъ въ свой идеаль мнимую силу и мнимую красоту. Истинную и безусловную красоту указываетъ только христіанство и указываетъ въ Высочайшемъ Божествѣ, только изъ этого источника можетъ получать свою силу и красоту и истинный идеаль человѣка. Христіанство вовсе не отрицаетъ силы и красоты, оно только не согласно успокоиться на силѣ умирающаго больного и на красотѣ раз-

лагающагося трупа. Вражды или презрѣнія къ силѣ, величію и красотѣ, какъ таковымъ, христіанство никогда не внушало, и всѣ христіанскія души радовались только тому, что имъ открылся безконечный источникъ всего истинно сильнаго и прекраснаго, спасающій ихъ отъ рабства мнимой силѣ и мнимому величію немощныхъ и безобразныхъ стихій міра: „Величитъ душа моя Господа и возрадовася духъ мой о Бозѣ Спасѣ моемъ...“; „Яко сотвори мнѣ величіе Сильный и свято имя Его“; Сотвори державу мышцею Своею, расточи гордыя мыслью сердца ихъ. Низложи сильныя со престоль и вознесе смиренныя, алчущія исполни благъ и боготящіяся отпусти тщи...“ Въ этихъ вдохновенныхъ словахъ Пресвятой Дѣвы очевидно презрѣніе лишь къ мнимой, ложной силѣ и богатству, и ясно также, что для тѣхъ смиренныхъ, которые должны быть вознесены послѣ низложенія сильныхъ со престоль, смиреніе не есть безусловный идеаль или окончательная цѣль, а только необходимый и правый путь къ недоступнымъ для гордыхъ высотамъ ¹⁾. Такимъ образомъ, Ницшеанскій идеаль, оторванный отъ понятія Безконечной силы и красоты, совершенно лишенъ религіознаго значенія и никогда не можетъ удовлетворить неистребимую и живую религіозную потребность въ людяхъ...

По ученію Ницше, его идеаль сверхчеловѣка долженъ осуществляться посредствомъ естественной эволюціи человѣческихъ силъ и способностей въ добра и зла. Но въ существующемъ человѣчествѣ добро и зло настолько опредѣленныя и реальныя силы, живую борьбу ихъ въ самомъ себѣ каждый чувствуетъ такъ непосредственно, что сливать, обезразличивать ихъ, какъ то дѣлаетъ Ницше имморалистъ, невозможно. Сведеніе всѣхъ явленій человѣческой жизни къ одному общему понятію силы или „воли къ власти“ можетъ касаться ихъ количества, но качественное внутреннее ихъ различіе остается неизбѣжнымъ. Ницше чувствуетъ, что внутреннее различіе добра и зла глубоко и существенно, что приискивая для нихъ одинъ общій терминъ, онъ надѣваетъ на нихъ одинаковыя маски,

¹⁾ В. Соловьевъ. Соч. VII, Сиб. 1903 г., 9—11.

связь отверстія которыхъ смотреть, однако, разные глаза совершенно различныхъ ликовъ.

Улучшенная порода человѣка будетъ, это возможно, болѣе сильной, но не произойдетъ-ли еще большее раздѣленіе ада и рая въ душѣ человѣческой? Выпущенныя на свободу страсти не приобретутъ-ли еще болѣе яркой окраски хищниковъ по отношенію къ человѣчеству и въ отношеніи къ ихъ носителю? Какъ установить между ними гармонію, когда ихъ взаимная война ясна и для самого Ницше и послѣ дарованія имъ титула добродѣтелей? Да возможно-ли привести ихъ въ согласіе при крайнемъ напряженіи въ человѣкѣ ихъ интенсивной силы и при развитіи въ немъ зла?! Принимая во вниманіе эту природенную и всегда воющую въ человѣкѣ силу зла, мы вѣривъ ожидать въ естественно развивающемся типѣ сверхчеловѣка—буйную сихійную силу, необузданную мощь этого зла, незнающую никакого удержу и взрывающуюся подобно вулкану.

Ницшеанскій сверхчеловѣкъ, эгоистически стремящійся къ необузданной свободѣ, побѣдѣ и могуществу, будетъ восходить къ высшимъ ступенямъ жизни, устраняя, побѣждая и покоряя себѣ слабыхъ, и на обломкахъ ихъ будетъ создавать свое величіе. Этотъ идеаль, такимъ образомъ, сводится къ грозному лозунгу: „*Vae victis*—горе побѣжденнымъ! Міръ принадлежитъ сильнымъ“;—сводится къ подавленію жизни большинства, ради исключительныхъ и немногихъ личностей сверхчеловѣковъ, сводится къ тому, противъ чего сначала и съ такою страстію возстаетъ самъ-же Ницше.

Слѣдовательно, для нормальнаго развитія совершеннаго человѣка, для выправленія его разстроенныхъ силъ, необходима особенная помощь свыше, и ее-то Ницше и не находитъ. Эта помощь какъ разъ въ отрицаемомъ имъ христіанствѣ: въ его ученіи съ искупленія, благодати и въ возсозданіи въ человѣкѣ „Новой твари о Христѣ“.

Христіанство также ставитъ идеаломъ жизни человѣческой воспитаніе личности. Ибо и каждый человѣкъ въ отдѣльности есть возлюбленное чадо Божіе, призываемое къ вѣчному блаженству,—къ участию въ божественной жизни; каждая лич-

ность со своею богоподобною душою—есть сокровище ни съ чѣмъ несравнимое, ибо „какая польза человѣку, если онъ пріобрѣтетъ весь міръ, а душѣ своей повредитъ? или какой выкупъ дастъ человѣкъ за душу свою?“ (Мѡ. XVI, 26), а потому и призывается эта личность къ непрестанному и вѣчному совершенствованію. Вѣчнымъ и немерцающимъ идеаломъ для совершенствованій личности—должна быть святость Божества: „будьте совершенны, какъ совершенъ Отецъ вашъ небесный“ (Мѡ. V, 48). Такимъ образомъ, совершенствованіе личности складывается изъ беспредѣльнаго развитія высшихъ силъ человѣческихъ и вмѣстѣ съ этимъ усвоенія ею святости божественной. Отсюда идеаль для человѣческой личности заключается въ Богочеловѣчествѣ. Живымъ и исторически-реальнымъ воплощеніемъ сего идеала является Богочеловѣкъ, Христосъ Спаситель и Искупитель рода человѣческаго. Въ этомъ живомъ и осуществленномъ идеалѣ христіанство обрѣтаетъ неотразимую и ничѣмъ не побѣдимую силу вліянія и господства надъ сердцами вѣрующихъ. Богочеловѣкъ Христосъ—это необычайная цѣлостность, гармоничность и полнота совершенства, это идеаль всеобщій и всеобъемлющій, въ высшемъ значеніи слова общечеловѣческой, безусловно совершенный, ни съ кѣмъ и ни съ чѣмъ несравнимый. Христосъ единственная личность, въ отношеніи къ которой не можетъ имѣть никакого примѣненія то, что въ области ораторскаго искусства называется панегирикомъ. Въ похвалахъ Іисусу невозможно никакое преувеличеніе, немыслима никакая гипербала. Никакое человѣческое слово, напротивъ, не въ силахъ, не въ состояніи возвыситься до истиннаго изображенія Его величія. Признаки или отличительныя черты Его величія таковы, что они принадлежатъ исключительно только Ему одному. Это идеаль безпримѣрный по силѣ своего вліянія на человечество. Христосъ въ теченіи тысячелѣтій, протекшихъ со времени Его явленія на землѣ, удерживаетъ Свое могущественное вліяніе и на умы и на жизнь человечества.

Милліоны людей еще въ настоящее время готовы умереть за своего распятаго Друга; и съ другой стороны враги Его до сего дня все еще составляютъ заговоры противъ Него,

какъ противъ живого лица. Изъ-за Него все еще идетъ самая жгучая борьба, самое оживленное движеніе, и въ то время, какъ одни отвергаютъ Его, другіе защищаютъ. Милліоны людей призываютъ Его, какъ Божественнаго Утѣшителя, Помощника и Спасителя, какъ Небеснаго Вождя къ Отцу Небесному. Христосъ донинѣ еще опредѣляетъ судьбу міра, все еще составляетъ главный предметъ всѣхъ вопросовъ и рѣшеній, всѣхъ дружественныхъ и враждебныхъ настроеній человѣчества. Онъ постоянно стоитъ предъ глазами міра; Онъ живетъ въ исторіи, такъ что для Него прошедшее и будущее есть настоящее. Онъ не принадлежитъ къ переходящимъ величинамъ всемірной исторіи, Онъ передовое знамя всѣхъ человѣческихъ споровъ. Онъ вѣчно служитъ тою хоругвью, вокругъ которой все еще идетъ самая пламенная битва. Христосъ составляетъ краеугольный камень человѣчества до такой степени, что вырвать изъ Него имя Его значило-бы тоже, что поколебать весь нравственный міръ въ самомъ его основаніи ¹⁾.

Задача личности заключается въ усвоеніи въ свою внутреннюю жизнь этого идеала, такъ чтобы быть Христовымъ, по Апостолу, „новою тварію во Христѣ“. Но здѣсь, въ виду рожденнаго грѣха, предлежитъ человѣку глубокая и дѣятельная борьба съ самимъ собою, борьба за свое богочеловѣческое призваніе со всѣми злыми силами своей растлѣнной природы,—борьба при помощи божественной благодати, даруемой за искупительныя заслуги Спасителя. Этимъ путемъ воспитывается въ человѣкѣ сила самоотреченія—самообузданія, сила воли на добро, сила отвращенія отъ зла, воспитывается такъ называемая христіанская нравственная свобода, какъ охотное и радостное подчиненіе „благому и легкому игу Христова закона“. Какъ въ естественномъ человѣкѣ, развивающемся внѣ христіанства, движущимъ жизненнымъ мотивамъ служить эгоизмъ, возведенный Ницше въ основную силу сверхчеловѣка, такъ въ христіанинѣ, свободномъ во Христѣ, отрекшемся отъ эгоизма страстей,—движущимъ мотивомъ является божественная сила любви. „Богъ любви есть“, а Богочеловѣкъ Христосъ

¹⁾ Н. Рождественскій. Христіанская Апологетика. Спб. 1893 г., т. 2, стр. 384—388.

явилъ въ себѣ такую любовь, коей широту, долготу, глубину и высоту никто не можетъ измѣрить (Ефес. III, 1, 8). Христосъ возлюбилъ міръ до жертвы за него, до Креста. Проникаясь этою божественною любовью, вдохновляемое любовью, и само сердце человѣческое начинаетъ любить. Отъ этой любви рождается и любовь социальная, облагораживающая и совершенствующая жизнь общественную. Въ христіанской любви—единственное начало для согласованія блага личнаго съ благомъ общественнымъ: только она одна совершенствованіе личности ставитъ основою совершенствованія социальнаго. Въ Ницшеанскомъ идеалѣ жизнь большинства, культура народовъ, служатъ только орудіемъ и подмостками для возвышенія исключительныхъ „сверхчеловѣковъ“. Напротивъ, идеалъ Богочеловѣка Христа, возвышая и возрождая каждую отдѣльную личность, становится живою общечеловѣческою силою.

Нѣтъ возможности сравнивать съ этимъ богооткровеннымъ идеаломъ жизни—пустой и грубой Ницшеанскій идеалъ сверхчеловѣка. Въ немъ мы видимъ только жалкое безсиліе человѣческаго духа самому найти себѣ путь жизни, безъ помощи свыше. Вотъ почему идеалъ сверхчеловѣка для самаго творца его, Ницше, для глубины его чувства, былъ неудовлетворителенъ и вносилъ въ его личное настроеніе еще большій разладъ и трагизмъ. Богато одаренная душа Ницше съ широкими запросами сверхчеловѣчества томила въ тѣсныхъ рамкахъ современной жалкой, по внутреннему содержанію, печальной жизни, рвалась къ свѣтлому простору, искала высшаго. Выхода не видѣлось, просвѣта не было впереди и Ницше крушилъ всѣ преграды, отвергалъ религію, добродѣтель и совѣсть въ человѣкѣ, хотѣлъ перешагнуть по ту сторону добра и зла и тамъ найти свой идеалъ, удовлетворить своимъ запросамъ, но и тамъ не было желанной свободы души, свободы отъ зла. Душѣ было еще душнѣе, и Ницше въ отчаяніи богохульствовалъ, слалъ небу проклятыя...

Въ дѣйствительности, Ницшеанскія проклятія небу были тоской по небу и страшныя богохульства скрывали подъ собою мучительный вопль къ Богу, страстный призывъ Божества, неутолимую жажду живой души слиться съ источникомъ жизни,

подняться до Него. Своими собственными усилями Ницше не удалось достигнуть этого и его совѣсть и свободный духъ мучительно страдалъ, извивался въ страшныхъ корчахъ и, наконецъ трагически погибъ ¹⁾. Въ этомъ не только его личный трагизмъ, но и трагизмъ нашего времени, такъ гордо разрушающаго идеалы вѣры, но и такъ мучающагося и тоскующаго о потерѣ ихъ!..

Священникъ П. Омиль.

---

¹⁾ Г. Петровъ. Овиц. Братья писатели, стр. 92.

Нравственныя начала (принципы) новѣйшей русской художественной литературы

(Окончаніе *).

Прежде чѣмъ закончить свою статью, намъ хотѣлось бы сдѣлать общій экстрактъ изъ сказаннаго объ отношеніи современной художественной литературы къ христіанской морали и, исходя изъ него, предположительно опредѣлить возможный и желательный характеръ ихъ отношеній въ будущемъ.

Первое впечатлѣніе отъ знакомства съ произведеніями новѣйшей художественной литературы для христіанскаго мыслителя даетъ мало отраднаго. Лучшая, наиболѣе популярная и вліятельная часть художественной литературы далеко ушла отъ христіанства и очень замѣтно наклонилась въ сторону язычества. Беспросвѣтный пессимизмъ, отчаянный фатализмъ, ужасъ передъ жизнью, апофеозъ смерти и безумія—съ одной стороны; безграничное и безцѣльное разрушеніе, полная матеріализація идеаловъ, крайній индивидуализмъ и эгоизмъ, обоготвореніе человѣка, культъ сатаны и плоти, принципиальное отрицаніе нравственности—съ другой,—элементы языческаго, а не христіанскаго міросозерцанія. Явились, даже, теоретики такого уклоненія въ сторону язычества, проповѣдники „эллинизировація“ христіанства, старающіеся всячески доказать, что христіанство, а главнымъ образомъ христіанская мораль, отжили свое время, что они слишкомъ безжизненны и должны уступить свое мѣсто, новому, живому, „разовому“ христіанству и новой, легкой, пріятной, веселой морали,—христіанству и морали, въ которыхъ наряду съ Христомъ и Богоматерью

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 7 за 1907 г.

будутъ стоять Діонисъ, Вакхъ, Венера и Астарта, (Мережковскій, Гиппіусъ, Минскій, Розановъ и др. неохристиане). Представляется, какъ будто высокіе, святые и чистые идеалы христіанства, которыми жило и дышало искусство два тысячелѣтія, совершенно не трогаютъ ума и сердца жрецовъ современнаго искусства ¹⁾. У нихъ не возникаетъ, подобно Фаусту, потребности „Въ минуты“ тоски и сомнѣнія когда изнывая въ насъ, сердце болитъ“ обращаться къ евангелію и тамъ „искать неземнаго—искать откровенія“; имъ оно не говоритъ „о тайнахъ великихъ“, для нихъ не „горитъ“ въ немъ „лучъ Откровенія“. Скорбный, страдальческій ликъ Спасителя, изъ любви къ людямъ потерпѣвшаго униженія, насилія, страданія и смерть не возжигаетъ любви къ себѣ у героевъ нашего времени, а вызываетъ ожесточенную, сатанинскую ненависть („Савва“ Л. Андреева). Можно подумать, что религіозныя и моральныя чувства у представителей нашего поколѣнія совершенно атрофированы, что атеизмъ и амморализмъ нашли себѣ въ ихъ лицѣ усерднѣйшихъ исповѣдниковъ, какихъ мало существовало въ самыя темныя періоды религіозной исторіи человѣчества.

Однако первое впечатлѣніе и здѣсь, какъ и вездѣ, не единственно возможное и самое вѣрное. Очень неправы, по нашему мнѣнію, тѣ, которые, останавливаясь на немъ, прихо-

1) Особенно яркіе примѣры могутъ служить современныя пластическія искусства: скульптура и особенно живопись, по крайней мѣрѣ та, которая господствуетъ на картинныхъ выставкахъ, украшаетъ художественныя журналы и изданія всякаго рода, заполняетъ витрины эстампныхъ магазиновъ, въ сотняхъ тысячъ „открытокъ“ пропихиваетъ въ самыя глухіе углы и на которой воспитывается подрастающее поколѣніе. Что тамъ больше всего бросается въ глаза?—Тѣло и только тѣло, по преимуществу женское, нагое тѣло въ самыхъ соблазнительныхъ, сладострастныхъ позахъ,—порокъ въ самыхъ разнообразныхъ и, по преимуществу, пріятельныхъ формахъ, грязь, пошлость, а иногда и прямое уродство (декл. живопись). Чистая, одухотворенная Маловна не привлекаетъ современныхъ художниковъ. И если у великихъ мастеровъ рѣзца и кисти чувственность не такъ рѣзко бросается въ глаза, если они силою своего гения способны одухотворить нагое тѣло, смягчить сладострастіе и порокъ, то у художниковъ рынка и толпы (а ихъ, какъ и всегда большинство) чувственность вычѣмъ не скрапывается, ихъ „художественныя“ произведенія прямо рассчитаны на чувственность. То же можно въ павѣстной мѣрѣ сказать и о современномъ театрѣ, даже не опереткѣ и фарсѣ, а серьезномъ, гдѣ временами не сходятъ со сцены пьесы очень сомнительнаго содержанія.

дять къ заключенію о совершенной негодности современной художественной литературы съ точки зрѣнія христіанской морали и религіи, о полномъ и безнадежномъ разрывѣ между ними. Такое заключеніе, во всякомъ случаѣ, слишкомъ носіѣшно. Къ сожалѣнію, оно очень многими дѣлается и успѣло получить значеніе почти аксіомы. Намъ представляется, напротивъ, что при болѣе внимательномъ, вдумчивомъ и безпристрастномъ отношеніи къ произведеніямъ современной художественной литературы, картина отношеній между нсю и христіанствомъ замѣтно измѣнитъ свой безнадежно-мрачный тонъ, умственному взору откроются новые, на первый взглядъ незамѣтные, свѣтлые оттѣнки, новыя линіи, новыя перспективы, способныя успокоить до извѣстной степени христіански настроеннаго наблюдателя и дать ему возможность придти къ инымъ, болѣе отраднымъ выводамъ на счетъ будущаго.

Въ міросозерцаніи современной художественной литературы, взятой въ ея цѣломъ, приблизительно правильно намѣчаются существенные моменты нравственнаго развитія. Несовершенство и слабость человѣка, ничтожество окружающей жизни (1-й моментъ), необходимость борьбы со зломъ своей и общей жизни (2-й моментъ) во имя будущаго лучшаго человѣка и лучшей жизни (3-й моментъ)—таковы главнѣйшіе этапы, устанавливаемые на жизненномъ пути современнаго человѣка его идейными вождями. И врядъ ли много можно возразить противъ такого пути человѣческаго совершенствованія: формально, курсъ взятъ вѣрный. Но, какъ неопытный, хотя бы и очень самоувѣренный, кормчій, взявши первоначально вѣрный курсъ, въ концѣ концовъ непременно сойдетъ съ пути и доставитъ путешественниковъ совсѣмъ не туда, куда нужно, или погубитъ ихъ вмѣстѣ съ собою и кораблемъ;—такъ и наши писатели, становясь, какъ будто, на настоящую дорогу (ничтожество жизни и слабость человѣка), правильно, повидимому опредѣляя средство движенія по ней (борьба со зломъ жизни), намѣчая, по временамъ, и конечный пунктъ движенія (идеалы), тѣмъ не менѣе не приводятъ довѣрившагося имъ путника ни къ какому берегу, или выбрасываютъ его куда нибудь въ безлюдную пустыню, обитаемую звѣрями и совершенно непри-

годную для людей („звѣриная“ мораль декадентовъ, „свободная“ жизнь босяковъ Горькаго). Причина—та же, что и въ первомъ случаѣ—отсутствіе у вождей нашего времени знацій и качествъ необходимыхъ для того, чтобы быть хорошимъ кормчимъ въ бурномъ жизненномъ океанѣ: односторонне мрачный взглядъ на жизнь и человѣка, неправильная оцѣнка его силъ (или въ ту, или въ другую сторону: Чеховъ и Горькій), сильно развитые разрушительные инстинкты при отсутствіи созидательныхъ, слишкомъ близорукое пониманіе человѣческой природы и, вслѣдствіе этого, неправильное опредѣленіе конечной цѣли его существованія и смысла жизни (матеріализація идеаловъ). Такимъ образомъ, нельзя сказать, чтобы пути современной художественной литературы *совершенно* несходились съ путями христіанской морали, она хочетъ вести человѣчество туда, куда ведетъ и христіанство—къ лучшей жизни; но тогда, какъ христіанство, обладая полнотою средствъ (благодать), опытными кормчими, истиннымъ пониманіемъ жизни и человѣческой природы, яснымъ знаніемъ настоящей ихъ цѣли, дѣйствительно, приводитъ къ ней,—художественная литература, не обладая ни первымъ, ни вторымъ, ни третьимъ, ни послѣднимъ, оставляетъ человѣка на распутьи или заводитъ въ глухія, мрачныя, безлюдныя дебри.

Обнаруживая нѣкоторую близость къ христіанству въ формальномъ опредѣленіи жизнедѣятельности человѣка, современная художественная литература, по мѣстамъ проявляетъ прямо христіанское настроеніе и мысли, и что всего удивительнѣе,—тамъ, гдѣ этого труднѣе всего было бы ждать: у декадентовъ—принципальныхъ противниковъ религіи, попадаются гимны Христу и Богоматери, стихотворенія на библейскіе мотивы, съ религіознымъ содержаніемъ, проникнутые самымъ неподдѣльнымъ, искреннимъ чувствомъ, самымъ горячимъ молитвеннымъ настроеніемъ. Это—непоследовательность, самопротиворѣчіе, но они понятны, естественны: душа по своей сущности религіозна и не можетъ хоть изрѣдка не заявлять объ этомъ (см. напр. у Бальмонта: „Вопросъ“, „Откликъ“, „Библия“, „На мотивъ ис. XVIII“, „На мотивъ Эклезіаста“ и др.). Если декаденты могутъ такъ мыслить и чувствовать, то значитъ, совре-

менная художественная литература не безнадежно потеряна для религии и морали (христианск.); значитъ, есть и въ современныхъ литературныхъ настроеніяхъ здоровые, съ моральной точки зрѣнія, элементы, на почвѣ которыхъ можетъ произойти полное сближеніе ихъ съ христианствомъ; значитъ не литературныя направленія, какъ направленія, атеистичны и аморальны: исходя изъ нихъ можно прийти и къ инымъ выводамъ (не къ отрицанію и разрушенію жизни, а къ утверженію ея, не къ относительному идеалу сытого человѣка, а къ безусловному—совершеннаго человѣка), а такой характеръ имъ сообщаютъ тѣ лица, которыя въ данное время ихъ представляютъ. Лица сходятъ съ литературной и жизненной сцены, а направленія живутъ, въ измѣненномъ и преображенномъ видѣ, въ новыхъ формахъ переходятъ изъ вѣка въ вѣкъ (см. напр. выше о происхожденіи горьковскаго безпокойнаго человѣка). Наступятъ иныя времена, явятся другія лица и принципы, лежащія въ основѣ тѣхъ же направленій дадутъ иные результаты. Дѣло, такимъ образомъ, не столько въ литературныхъ направленіяхъ, сколько въ представляющихъ ихъ писателяхъ. На подготовленіе послѣднихъ и должно направить христианство свою воспитывающую силу. Современные художники не знаютъ Христа, игнорируютъ церковь, чуждаются ея служителей, но въ то же время они вращаются въ насыщенной духомъ Христа атмосферѣ, незамѣтно, бессознательно впитываютъ ее въ себя, проявляютъ въ своей жизни и нзрѣдка отражаютъ въ своихъ произведеніяхъ. Нужно довести ихъ до сознанія: кому они обязаны своими гуманитарными взглядами, своими альтруистическими чувствами, своими порывами къ лучшему, свѣтлому будущему. Нужно показать имъ тотъ небесный свѣтъ, который свѣтится въ христианствѣ; нужно дать почувствовать ту высочайшую красоту, которую оно приносило въ міръ, нужно представить христианскіе идеалы во всемъ ихъ побѣждающемъ величіи, показать и представить въ формахъ близкихъ, дорогихъ и понятныхъ современному интеллигентному человѣку, т. е., въ формахъ художественныхъ. Когда это будетъ достигнуто, когда писатели будутъ христиански просвѣщенными и христиански воспитанными людьми, тогда и литература будетъ

христіанской, тогда и литературныя направленія, подобно современнымъ, заключающія въ себѣ здоровыя зародыши будутъ давать здоровыя плоды. Это—далекая цѣль, но она можетъ и должна быть осуществлена. Христіанство доказало свою жизнеспособность, свою творческую, всепобѣждающую силу двумя тысячами лѣтъ своей славной исторіи. Оно покорило философовъ, поэтовъ, историковъ, политиковъ, правовѣдовъ Греціи и Рима, оно тѣмъ способнѣе покорить (конечно, въ смыслѣ идейнаго подчиненія, а не насильственнаго навязыванія своихъ взглядовъ), дѣйствующую въ христіанскомъ обществѣ литературу. А пока, въ цѣляхъ достиженія этого торжества высочайшей истины и божественной красоты, христіанамъ нужно готовить къ нему почву, проявляя въ отношеніи къ представителямъ язычествующей литературы побольше любви, терпимости, пониманія, уваженія, безпристрастія, христіанской широты и всеобъемлемости, поменьше вражды, ожесточенія, злобы, придирчивости и узости. Только въ такомъ случаѣ можетъ возникнуть тотъ мостъ между враждующими, на которомъ они могутъ сойтись и заключить прочный между собой мѣръ. Къ этому должны въ равной степени стремиться и служители церкви и всѣ, кому дороги задачи христіанства. Дѣло это живое, великое и въ такой степени трудное, что однихъ усилій учащей Церкви недостаточно; необходима воодушевленная, дружная, общая работа всѣхъ, всѣми имѣющимися у каждаго силами и средствами; тогда высокая стѣна, раздѣляющая христіанское общество на два разномыслящихъ и часто враждующихъ лагеря рухнетъ и наступитъ единеніе въ духѣ: желанійхъ, мысляхъ, стремленійхъ и идеалахъ.

П. Красинъ.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ

п о

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ.

30 Апрѣля № 8 1907 года.

Содержаніе. I. Списокъ лицамъ, кои Всеннлостивѣйши пожалованы за заслуги по духовному вѣдомству, къ 22-му апрѣля 1907 года, ко дню св. Пасхи, медалями, съ надписью „за усердіе“.—Отъ Московской школы попечительства Государыни Императрицы Маріи Феодоровны о глуховѣмыхъ.—Объявленіе.

I.

СПИСОКЪ

лицамъ, кои Всеннлостивѣйше пожалованы за заслуги по духовному вѣдомству, къ 22-му апрѣля 1907 года, ко дню св. Пасхи, медалями, съ надписью „за усердіе“.

Для ношенія на шею: золотыми, на Андреевской лентѣ: староста Вознесенской церкви гор. Харькова, 2-й гильдія купецъ Антоній Бѣлашенко, на Александровской лентѣ: попечитель церковно-приходской школы актырской, при Николаевской церкви, личн. поч. гражд. Матвѣй Курило; на Владимірской лентѣ мѣщанинъ гор. Ахтырки Никвфортъ Чижало попечитель мѣщно-сыроватской покровскаго прихода 2-й церк.-прих. школы, Сумскаго уѣзда потомственный поч. гражд. Андрей Люминарскій; старосты церквей: Успенской слоб. Барвнковой, Изюмскаго уѣзда, крестьянинъ Захарій Ищенко, старосты церквей: Пророко-Ильпской гор. Сумъ 2-й гильдія купецъ Ивартъ Куминовъ и Георгіевской с. Гуляй-Поля, Зміевскаго уѣзда, крестьянинъ Феодоръ Гулиусъ, разсылный канцеляріи Харьковской духовной семинаріи, потомственный почетный гражданинъ Иванъ Поповъ. Для ношенія на груди на Аннинской лентѣ попечитель Высочайшей школы грамоты, Ахтырскаго уѣзда 2-й гильдія купецъ Григорій Хоменко, попечитель Нижне-Сорватской, покровскаго прихода. 1-й церк.-прих. школы, Сумскаго уѣзда 2-й гильдія купецъ Павелъ Кононенко, попечительница ольхово-регской церк.-прих. школы, Изюмскаго уѣзда, вдова коллежск. ассес. Анна Иванова, на Станиславской лентѣ Преображенской с. Преображенской, Зміевскаго уѣзда, крестьянинъ Григорій Додровольскій, Троицкой слоб. Черниговки, Старобѣльскаго уѣзда, крестьянинъ Василій Яковлевъ, Иоанно-Предтеченской с. Озерянка, Харьковскаго уѣзда, крестьянинъ Англа Тка-

ченко, п Троицкой слоб. Бѣлолуцка, Старобѣльскаго уѣзда, крест., Тыхонъ *Неумывакинъ*, попечитель лучапской церк.-прих. школы, Сумскаго уѣзда, 2-й гильдіа купецъ Иванъ *Реньенъ*, *серебряными: на Александровской лентѣ*: старосты церквей: крест. Андрей *Яменовъ*, Дмитріевской слоб. Свато-Дмитріевки, Старобѣльскаго уѣзда, крестьянинъ Захарій *Бондаренко*, Петро-Павловской, слоб. Петропавловки, того-же уѣзда, крестьянинъ Степанъ *Гатманъ*, Николаевской, слоб. Бервешки, того же уѣзда, крестьянинъ Алексѣй *Кваленко* п Успенской, слоб. Комаровки, Изюмскаго уѣзда, 2-й гильдіа купецъ Гавріиль *Холодовъ*, попечители церк.-прих. школы: Мало-Писаревской п Мерлянской, Богодуховскаго уѣзда, крестьян. Спиридонъ *Жупинскій* п Ободской, Сумскаго уѣзда, мѣщан., Дмитрій *Рызниковъ*, попечитель Ворожбянской второклассной школы, Лебединскаго уѣзда, 2 й гильдіа купецъ Иванъ *Сусловъ*.

Отъ Московской школы попечительства Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны о глухонѣмыхъ.

Мастерская церковной живописи при Московской школѣ попечительства Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны о глухонѣмыхъ принимаетъ заказы на исполненіе иконъ разныхъ стилей. Цѣны умеренныя. Допускается разсрочка. Смѣты высылаются бесплатно. Мастерская находится подъ наблюденьемъ п руководствомъ художника И. В. Ведяпина. За три года существованія мастерская имѣетъ массу благодарностей. Адресъ мастерской Москва, уголь Петровки п Петровскаго бульвара, д. Петровскаго монастыря. кв. 7.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Е.

Въ книжныхъ магазинахъ В. В. Думнова, подъ фирмою: „Насл. бр. Салаевыхъ“, въ Москвѣ п С.-Петербургѣ, поступило въ продажу седьмое, *исправленное* изданіе книги *В. Пузицаго*:

Отечественная исторія въ разсказахъ

для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Изд. В. Думнова, М. 1907 г., Стр. IX—253. Цѣна 75 коп.

Учебнымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущена въ первомъ изданіи въ качествѣ учебнаго руководства для I и II классовъ среднихъ учебныхъ заведеній Министерства Народнаго Просвѣщенія (Журн. Мин. Нар. Просв., декабрь 1902 г., реценз. январь 1903 г.); — въ третьемъ, четвертомъ п шестомъ изданіяхъ, какъ учебное пособіе для

I и II классовъ среднихъ учебныхъ заведеній и для городскихъ по Положенію 13 мая 1872 г. училищъ, а также въ ученическія бібліотеки начальныхъ училищъ (Журн. М. Н. П., июнь 1904 г., февраль 1905 г. и августъ 1906 г.

Учебнымъ Комитетомъ при Святѣйшемъ Синодѣ „одобрена въ качествѣ учебнаго пособія по русской гражданской исторіи въ мужскихъ духовныхъ и женскихъ епархіальныхъ училищахъ“ (Церковныя Вѣдомости, августъ 1906 г. № 32).

Главнымъ Управленіемъ воено-учебныхъ заведеній „рекомендована кадетскимъ корпусамъ какъ полезное пособіе для кадетъ III класса, при изученіи элементарнаго курса русской исторіи“, (Изв. отъ 6-го октября 1902 г. за № 18467).

Учебнымъ Комитетомъ Министерства Финансовъ допущена въ качествѣ учебнаго пособія и книги для чтенія въ ученическія бібліотеки младшаго возраста среднихъ учебныхъ заведеній. (Изв. отъ 24-го февраля 1904 г. за № 810).

Того-же автора имѣются въ продажѣ: Національное направленіе и религіозное настроеніе въ поэзіи Пушкина. Изданіе 2-е. М. 1903 г. цѣна 15 коп. Жизнь и поэзія Жуковскаго. Изданіе 2-е М. 1903 г. Цѣна 15 к. Замятки о преподаваніи въ народной школѣ (изъ личныхъ наблюденій). Изданіе 2-е М. 1906 г. Цѣна 20 коп

II.

Содержаніе. II. Христосъ Воскресе.—*Е. Баляснкова.*—Воскресеніе Христова и Пасхальныя пожеланія. *Сельскаго Священника І. Горюха.*—Откликъ сельскаго протоіерея по поводу статьи „Глухая ложь“. *Протоіерея Николая Федоровскаго.*—Противъ выборнаго начала духовенства. *Священника Леониды Оружинскаго.*—Къ вопросу о реформѣ духовно-учебныхъ заведеній. *И. С.*—Миссіонерскій ястокъ. Русскіе каранты. *И. Айвазова.*—Изъ общественной жизни Россіи. (Окончаніе).—Епархіальная хроника.—Архіерейскія богослуженія.—Перенесеніе иконы Озерянскія Божіей Матери.—Некрологъ. Миссіонеръ-сотрудникъ Яковъ Θεоктистовичъ Глаголевъ.—Иноепархіальный отдѣлъ.—Воззваніе Преосвященнаго Гаврическаго Алексія по поводу нападковъ на св. Церковь и ея служителей.—Разныя извѣстія и замятки.—Всемирный христіанскій студенческій союзъ.—Вопросъ о сборахъ съ церквей на духовно-учебныя заведенія.—Объявленія.

Христосъ Воскресе!

Христосъ воскресъ! Христосъ воскресъ!—
Вѣщаетъ Ангелъ намъ съ небесъ,
И эта радостная вѣсть,
Повсюду раздается днесъ.

Воскресъ Господь, за насъ распятый
 Великій, Свѣтлый Царь царей.
 Воскресъ для воѣхъ. большихъ и малыхъ,
 Для бѣдняковъ, и богачей,
 Для всѣхъ счастливыхъ, и несчастныхъ,
 Сраженныхъ жизненной грозой.
 Воскресъ для всѣхъ Онъ, угнетенныхъ
 Жестокой мачихой—судьбой.
 Воскресъ для всѣхъ Онъ, преступившихъ
 И честь, и совѣсть, и законъ,
 Дѣлами злыми омрачившихъ
 Лазурный, свѣтлый небосклонъ.
 Воскресъ для всѣхъ Онъ, Сынъ предвѣчный,
 За мѣръ Свою пролившей кровь,
 Отдавшій людямъ многогрѣшнымъ
 Свою безмѣрную любовь.
 Христосъ воскресъ! Христосъ воскресъ!—
 Вѣщаетъ Ангелъ намъ съ небесъ,
 И эта радостная вѣсть,
 Разносится повсюду днесъ *).

Е. Баласникова.

ВОСКРЕСЕНІЕ ХРИСТОВО И ПАСХАЛЬНЫЯ ПОЖЕЛАНІЯ.

...„Воскресе Христосъ и жизнь жительствуетъ“ (пѣть слова Іп. Златоуста).

...„Пасха, избавленіе скорби... радостью другъ другу обьемемъ... простимъ вся Воскресеніемъ“ (пѣть Пасх. стихир.).

Ожила, вновь воскресла природа послѣ зимней спячки; все-оживляющая весна пробудила отъ временной смерти всѣ земныя прозябанія; всюду среди миріадовъ знаковъ и пресмыкающихся пробуждается дѣятельность гармоничная, стройная, правильная, какой не выдумать, ни человѣку ни искусству...; все наслаждается въ мѣру возможности жизнью—этимъ величайшимъ даромъ Божиимъ...

Въ мѣрѣ человѣческомъ, въ необъятномъ поднебесномъ пространствѣ разносится величественная, благодатная, всеожив-

*) „Колок.“

ляющая, звучащая пѣснь, возвышающая о Воскресеніи Христовомъ.—прекрасная, всегда новая и радостная, какъ наступившій свѣтлый весенній день... „Свѣтлыя чувства тѣсняются толпой“, непрерывно врываются въ грудь—чувства и мысли: съ ранняго дѣтства пережитыя, но всегда радостныя, чистыя и неотступныя, до послѣдней минуты жизни. Благоговѣйное волненіе охватываетъ душу всякаго человѣка—вѣрующаго, колеблющагося и заблудшаго; что-то сильное, неотразимо могучее вдохновляетъ ее, проникаетъ въ сокровенныя тайники ея существа и будитъ въ ней возвышеннѣйшіе порывы.

Не внѣшнее убранство людей и жилищъ, не обильныя удовольствія заставляютъ душу человѣка ликовать и пробуждаютъ все ея существо, а сознаніе, хотя и смутно многими чуждое, что душамъ людей даровано навсегда неоцѣннное сокровище—вѣчная блаженная жизнь. Это „торжество изъ торжествъ“ не душъ только живыхъ—но и умершихъ людей. Если хотя-бы на минуту человѣкъ отрѣшился отъ всего земного и погрузился въ мистически—далекій міръ, въ царство загробной жизни, то душа его невольно чувствуетъ сродство съ этимъ міромъ и какъ-бы сорадуется вмѣстѣ съ обитателями его „общему воскресенію“.

Эта всеобъемлющая, сильная и могучая радость, возвышающая и объединяющая миллионы людей въ одномъ чувствѣ—не что иное какъ благодатная вѣра въ побѣду Христа надъ адомъ и сокрушеніе его главы; вмѣстѣ съ тѣмъ и *вѣра въ окончательное торжество съта, добра и правды надъ зломъ*. „Я съ вами во вся дни до скончанія вѣка“—сказалъ Христосъ... (Матѣ. 28, 20).

Чѣмъ большая побѣда совершается въ мірѣ (физическомъ интеллектуальномъ, нравственномъ, тѣмъ большая бываетъ радость. Чѣмъ большее оцѣночное препятствіе, тѣмъ большее удовлетвореніе... А что было предъ Воскресеніемъ Христа? Какое препятствіе и преграды разрушены этимъ величайшимъ событіемъ? Какая побѣда была результатомъ страданій и Воскресенія Христа?

За нарушеніе райской заповѣди люди были отвергнуты Богомъ, обречены на страданіе, несчастія земныя и наказаніе

послѣ смерти. Въ жизни физической и моральной появилась ненормальность: ни жизнь общественная, ни политическая, ни религіозно-нравственная не могли у нихъ течь хотя сколько-нибудь близко къ идеалу правды, добра и справедливости. Зло во всѣхъ видахъ торжествовало надъ подзаконнымъ человѣкомъ. „По исполненіи временъ“ пришелъ тотъ желанный Потомокъ жены, смутно чуемый сознаниемъ лучшихъ людей того времени, и совершилъ величайшее дѣло: „взялъ на себя грѣхи міра“, принесъ Богу то умилоствленіе, котораго никто не могъ дать изъ людей въ отдѣльности, ни всѣ они вмѣстѣ; примирить людей съ Богомъ, сдѣлать себя „единымъ ходатаемъ за всѣхъ“ (I Тим. 3 гл. 5), далъ возможность человѣчеству съ помощью благодати Божіей достигать того блаженства, котораго они сами никогда не могли сподобиться.

Христосъ воскресъ,—„жизнь начала жить“. Весь „міръ видимый и невидимый“ началъ праздновать. Зло сломлено въ самомъ корнѣ; оно не торжествуетъ теперь побѣдно надъ душами людей. Нѣтъ теперь того непреодолимаго препятствія для достиженія блаженства, которое побуждало пророка Давида съ надеждой на помощь Божію воскликнуть: „не оставиши души моей во адѣ“. (Псал. 15, 10); „Жива будетъ душа моя и восхвалитъ Тя: судьбы Твоя (по толкованію I. Златоуста—страданіе, крестная смерть Иисуса Христа) помогутъ мнѣ“ (Пс. 118, 175 ст.).

Въ мірѣ нравственномъ началась новая жизнь, появилась „новая тварь во Христѣ“ (2 Кор. 5, 17), могущая удостоиться того, что Самъ Богъ дѣлаетъ ее своею обителью, („И Отецъ прійдемъ къ нему обитель сотворимъ“ Иоанн. 14, 23); *сосудомъ и храмомъ Духа Святаго* (1 Кор. 6, 15; 6, 19; 3, 16). Христосъ поставилъ и указалъ человѣчеству тотъ путь, по которому оно должно прогрессивно совершенствоваться свою нравственную и духовную природу, стремиться къ той цѣли, какая предначертана въ Его Божественномъ ученіи—„будьте совершенны“ (Матѣ. 5, 48). Христосъ воскресъ, претерпѣвъ мученіе, крестъ и смерть тѣлесную. Онъ тѣмъ самымъ далъ намъ познаніе—какъ должно совершаться и *воскресеніе наше индивидуальное, т. е. обновленіе, самоусовершенствованіе, моральное*

преуспѣаніе и т. д. Не черезъ крестъ вещественный и физическую смерть должно совершаться наше воскресеніе: нашъ крестъ—нравственное самоотреченіе. Воскресеніе Христово призываетъ всѣхъ насъ къ дѣятельной вѣрѣ, къ борьбѣ со зломъ, къ всеобъемлющей любви, самоотверженности, къ гуманности, къ милосердію и т. д. Намъ указанъ путь тернистый и узкій, но вѣрный и спасительный.

Но всегда-ли люди шли по тому пути, который они потерявши, вновь были на него наставлены? Всегда-ли человечество близко предъ собой имѣло требованіе нравственнаго закона, жило по Христу и славу Божию ставило выше славы человеческой? Окинувши мысленнымъ взоромъ религіозно-нравственную жизнь людей, мы увидимъ, что эта жизнь, то какъ-бы замирала, то вновь воскресала, нравственное самосознаніе, то приглушалось, то вновь оживало. Эпохи полного расцвѣта внутренней жизни церкви Христовой смѣнялись оскуденіемъ вѣры и благочестія. Болѣзнь духовная все-же не оканчивалась смертью, а выздоравливаніемъ вѣрующихъ и раскаявающихся, ибо душа человека, „по природѣ христіанка всегда искала Христа...

А что можно подумать о настоящемъ религіозно-нравственномъ состояніи людей? Чему можно уподобить современныхъ христіанъ? Бесплодная засохшая нива, заросшая терніемъ—синонимъ людей, заглушившихъ въ себѣ добрые ростки духа колючими, хотя съ виду и красивыми насажденіями плоти и кичливаго разума—будетъ соответствующимъ уподобленіемъ людей вѣка сего...

Жизнь религіозно-нравственная, хотя и трудно учитывается и вѣдома одному Богу („кто знаетъ отъ человѣка, что въ человѣкѣ“? 1 Кор. 2, 11), но поскольку она обнаруживается въ дѣлахъ—оставляетъ желать многого лучшаго... Въ видѣ какой то эпидеміи распространяется религіозно-нравственное разложеніе...

Говорятъ что жизнь общественная, социальная обновляется „жительствоуетъ“, воскресаетъ...

Но что это за обновленіе, какъ тяжело оно, какъ мучительно..., оно подобно высшему фазису огни. Кровь, мечъ, огонь, смерть... зачѣмъ эти ужаснѣйшія средства взяты ору-

діями обновленія? Зачѣмъ вражда, злоба, ненависть, эгоизмъ, братоубійство рельефно, какъ никогда, выступили впереди людей, желающихъ обновленія? Зачѣмъ низкія средства употребляются людьми для достиженія возвышенныхъ цѣлей.

Зачѣмъ люди дѣлаютъ то, что ненавидимо человѣческимъ духомъ, что противно его высокой природѣ, надъ уничтоженіемъ чего трудится міровой геній? Зачѣмъ люди забыли, что средствомъ побѣды надъ зломъ служить *„вѣра любовно постыжася“* (3 Галат. 5, 6).

Грѣшный міръ не можетъ отрѣшиться отъ огня и меча... Еще въ глубокой древности ветхозавѣтный пророкъ, предносясь въ глубокую даль вѣковъ, и предвидя своимъ пророческимъ взоромъ печальную судьбу царствъ земныхъ, идеализировалъ то состояніе, когда люди перекуютъ мечи свои на серпы и орала... Для него было это искреннимъ только желаніемъ,... онъ не могъ говорить объ этомъ, какъ о чемъ-то конкретномъ...

Христосъ воскресъ и разрушилъ „верси вѣчныя“, державшіе души умершихъ людей въ узахъ діавола...

Если-бы Господь помогъ людямъ порвать тѣ цѣпи, которыя сковываютъ людей во враждебныя другъ ко другу партіи; если-бы люди слились въ одномъ братскомъ чувствѣ, если-бы открылись тѣ врата, которыя ведутъ по пути къ освобожденію отъ эгоизма, вражды и ненависти; если-бы изъ рукъ людей опустилось знамя узко-партійныхъ интересовъ и возвысилось одно общее знамя на которомъ бы девизомъ было: *„отложивъ лжу, малоумъ истину кійдо ко искреннему своему, зине другъ ко другу есмы удже“* (Ефс. 4, 25),—тогда бы наступила свѣтлая, радостная человѣческая весна и нравственное воскресеніе.

Въ свѣтлый радостный день Воскресенія Христова пробудимъ въ себѣ свѣтлыя намѣренія, воскреснемъ, подвигнемся для лучшей жизни нравственной и соціально-политической!

„Любочестивый Владыка“ принимаетъ въ сей великій день трудившихся на аренѣ жизни и нетрудившихся... „упокоеваетъ работавшихъ отъ перваго часа и пришедшихъ во „единодесятый“ часъ; Онъ и „дѣянія почитаетъ, и предложеніе хвалить, и намѣреніе цѣлуетъ“.

Сельскій свящ. І. Гораинъ.

ОТКЛИКЪ СЕЛЬСКАГО ПРОТОІЕРЕЯ ПО ПОВОДУ СТ. „ГНУСНАЯ ЛОЖЬ“,

въ Извѣст. и зам. по Харьк. Еп. (См. ж. В. и Раз. Март. н. г. кн. 2-я, стр. 829—832).

Съ прискорбіемъ мы узнали изъ „Еп. Извѣстій“ о томъ, какъ журн. „Звонарь“ отрезвонилъ свой отзывъ о благостномъ нашемъ Архипастырѣ,—Архіепископѣ Арсеніи: „не заглянувъ въ святцы, да и бухъ въ колоколъ“... Разумѣю гнусную ложь нѣкоего Гайды. И пришло мнѣ на память, по поводу звонарскаго отзыва о нашемъ Архипастырѣ, сказаніе Евангелиста о современникахъ Христа Спасителя и Его Предтечи: „Иисусъ ѣлъ и пилъ съ грѣшниками, и говорили, что Онъ бѣса имать; Предтеча Христовъ Іоаннъ былъ строгій постникъ и отшельникъ, и все же говорили и о немъ, что и онъ бѣса имать“.

Наши современные Гайды не лучше современниковъ Христа и Его Предтечи!

Я помню хорошо самое благородное и любвеобильное обращеніе блаж. пам. Архіепископа Харьк. (Митроп.) Макарія.. А что же,—избѣжалъ ли онъ въ Харьковѣ злорѣчія? Въ 1867 г. въ іюлѣ, послѣ литургіи въ Воскресенскомъ храмѣ слоб. Новой Водолаги, Архіепископъ Макарій отправился въ Старую Водолагу, гдѣ въ домѣ одного вельможи (Графа Ал. Карл. Северсъ) кѣмъ то изъ гостей было передано Владыкѣ Макарію объ одномъ изъ непріятныхъ для него инцидентовъ, основанномъ на лжи. Владыка Макарій, обратившись къ хозяину дома, сказалъ: „да, Графъ,—Харьковъ злорѣчивъ! Но—собаки полаютъ, полаютъ, да и перестанутъ“.

Но Харьковскій ли житель Гайда, или Курскій, растрезвонившій массу лжи,—вопросъ мало интересный. Да и дѣло не столько въ этомъ, сколько въ томъ: изъ за чего возникла у Гайды „буря въ его стаканѣ“, полною мутной—грязной воды, которою онъ, злорѣчивый, хотѣлъ хлеснуть Владыку Арсенія? Видите ли, Гайда тенденціозно возмущается тѣмъ, что будто нашъ „Архіепископъ и Консисторія торгуютъ священническими мѣстами“... Какая злорѣчивая и гнусная клевета! Клеветливая, наскучившая болтовня о взяточничествѣ Консисторіи давно

уже, а теперь еще болѣе, стала анахронизмомъ. И если бы Владыка Арсеній былъ причастенъ такому взводимому на него Гайдами злодѣянію, то какой былъ бы смыслъ входить ему въ торгашескую сдѣлку съ Консистоіей: развѣ лишь для большей Гайдвской гадкой болтовни, напоминающей прилавокъ толкучаго рынка?! Полемизировать за Консистоію и Владыку Арсенія по дѣлу, которое такъ злобно усволяетъ имъ Гайда, излишне,—излишне уже потому, что всѣмъ, кто имѣлъ дѣло съ Консистоіей Харьковской и Канцеляріей Архіепископа, извѣстны порядки, слишкомъ далекіе отъ такихъ пріемовъ, въ коихъ можно было бы добросовѣстному человѣку усмотрѣть то, чего, я увѣренъ, не видѣлъ близорукій Гайда, повѣрившій м. б. на слово клеветѣ подобнаго себѣ легкомысленнаго болтуна.

Кстати скажу нѣсколько словъ о Владыкѣ Макаріѣ. Вѣдь всей Харьк. еп. онъ былъ извѣстенъ своимъ самымъ утопченнѣмъ, деликатнѣмъ обращеніемъ со всѣми, не исключая подчиненныхъ, даже діаконѣвъ, даже семинаристовъ низшихъ классовъ. Но увы! Всѣ мы люди,—всѣ даже вел. люди, не чужды подъ часъ немощей человѣческихъ... Однажды я былъ въ пріемной Владыки Макарія въ числѣ просителей,—былъ съ нами и регентъ Архіерейскаго хора нѣкто Л—й, изъ за чего то не ладившій съ о. ключаремъ,—человѣкомъ практичнымъ, добрымъ, но и оригинальнымъ по своей рѣзкой простотѣ. Проходить этотъ ключарь чрезъ пріемную въ залъ Архіепископа, слышится памъ оттуда только звуки голоса Владыки Макарія; регентъ подходитъ къ зальнымъ дверямъ, прислушивается, и замѣчасмъ—лице его принимаетъ радостное выраженіе... Чрезъ нѣсколько минутъ выходитъ не возмутимый о. ключарь, къ которому обращается регентъ Л. съ такимъ словомъ: „поздравляю!“ Съ чѣмъ? спрашиваетъ ключарь.—„Съ дуракомъ“, отвѣчалъ регентъ. „Эхъ, ты пѣвунья стрекоза! говорятъ на это ключарь,—ты бы за честь считалъ, если бы такое лице назвало тебя дуракомъ“... Мы всѣ не могли удержаться отъ громкаго смѣха такой находчивости о. ключаря, какъ не можетъ теперь не возмущаться, читая массу разнообразной клеветы Гайда, м. б. мстящаго маститому Владыкѣ нашему Арсенію за какое либо справедливое по-

рицаніе *)... Человѣку бросающему камень изъ за угла, посягающему на честь Іерарха изъ за мстительныхъ побужденій и основывающему свои извѣты на безусловной лжи, право, слѣдовало бы эпитетъ дурака принять за честь... Вѣдь такіа печатныя произведенія, какъ памфлетъ Гайды, досужи и приуси только людямъ малоумнымъ!

У г.г. Гайдовъ, какъ видно, самолюбіе и самолюбіе не менѣе того, о которомъ говоритъ извѣстный писатель „ходить спѣсь надувающихся, съ бока на бокъ переваливаясь“ и т. д. Скажите пожалуйста,—мы обижаемся даже за слово — *ты!*.. Но вѣдь съ словомъ *ты* мы обращаемся и къ Богу и къ Царю нашему. Да у великоросовъ всѣ,—и высшіе низшимъ, и низшіе высшимъ говорятъ ты... По этому поводу позволю себѣ прочесть въ слухъ изъ моего житейскаго фоліанта нѣсколько строкъ: одинъ поручикъ конной батареи, въ которой я былъ законоучителемъ, нѣкто Б—нъ, саркастически говорилъ мнѣ: батюшка! я ни за что не согласился бы быть священникомъ. Вотъ вы при встрѣчѣ Архіерея (Еп. Саввы), кланяетесь ему чуть не до земли, цѣлуете его руку; а онъ все только тыкаетъ на васъ (т. е.: говоритъ—ты)... А у насъ военныхъ—другое обращеніе, ужъ не такое. Не прошелъ мѣсяцъ со дня такого разговора, какъ назначается смотръ этой батареи. Я съ полковымъ лекаремъ, на всякій случай, находился за отдѣльно стоявшимъ пороховымъ ящикомъ, при собранной въ полѣ батарее. Вотъ пріѣзжаетъ на смотръ почему-то не начальникъ артиллеріи, а какой-то, не помню, дивизионный генераль съ бригаднымъ. По приѣмѣ отъ командира батареи рапорта, генераль изъ коляски сталъ садиться на верховую лошадь; но, какъ очень грузный, не могъ съ разу попасть въ стремя. Около коляски, какъ нарочно сталъ поручикъ Б—нъ, и вправлялъ въ стремя ногу генерала, который сказалъ ему: „ду, батенька, спасибо тебѣ!“ Вскорѣ я встрѣтился съ поручикомъ и въ свою очередь сказалъ ему: я ни за что теперь не

*) Владыка Арсеній никогда никого не бранитъ „дуракомъ“; это слово приходится слышать иногда ближайшимъ его слугамъ и совершенно не въ гнѣбномъ тонѣ и духѣ, а въ простомъ обращеніи; а его слово „ты“—отеческое, а не начальственное.

захотѣлъ бы быть офицеромъ даже конной батареи: мы священники кланяемся архіереямъ въ поясъ, цѣлуемъ имъ руку; а вы почтительно вправляете въ стремя генеральскія ноги, и за это хотя и получили „спасибо“; однако съ неизбѣжнымъ и для васъ мѣстоимѣніемъ 2-го лица въ единств. числѣ. „Э батюшка! отвѣчалъ поручикъ,—вѣдь это служба, дисциплина; онъ (т. е. генераль) человекъ старый, заслуженный,—дивизіи генераль“!... Полагаю, послѣ сего, что дальнѣйшіе комментаріи излишни.. Но не лишнимъ считаю высказать мое крайнее удивленіе тому, что Гайда называетъ Владыку Арсенія „упитаннымъ“! Это все равно, какъ если бы Гайдѣ сдѣлать укоръ за то, что у него рыжіе, или черные волосы. Позволю себѣ спросить Гайдю: святитель Тихонъ Задонскій какого былъ тѣлосложенія? Этого, по всей вѣроятности, не знаютъ ни Гайда, ни Бѣлковъ, пропустившій къ печати въ своемъ „Звонарѣ“ такую абсурдную ахинею!

Въ этомъ же „Звонарѣ“ называетъ Гайда Архіепископа Арсенія „невѣжественнымъ, хотя онъ и былъ ректоромъ Спб. Дух. Академіи“. Пощадите! Такъ можно значить титуловать и блаж. памяти преосвященнѣйшаго Митрополита Исидора, который, какъ мнѣ положительно извѣстно, долго останавливался въ свое время надъ выборомъ ректора Спб. Дух. Академіи, и орлиный взглядъ его сосредоточился на ректорѣ Таврической Дух. Семинаріи. Интересно знать образовательный цензъ г. Гайды? Увѣренъ, что Митрополитъ Исидоръ не избралъ бы его и на низшія служительскія должности духов. училищъ. Эхъ, г. Гайда! „Чѣмъ другихъ судить трудиться, не лучше ли на себя оборотиться“? Не намъ г. Гайда забираться въ высокую область интеллекта маститаго старца Іерарха—Арсенія, не намъ затрогивать звучныя гармоничныя струны его души... Вѣдь мы съ вами, какъ говоритъ Шекспиръ, не умѣемъ играть на флейтѣ, а беремъ играть душою человека“,—да какого человека,—да какъ играть? возмущать ея чистоту и христіанскій миръ! За что? За то, что *modus vivendi* Архіеп. Арсенія не гармонируетъ съ вашими, такъ называемыми теперь, *кадетскими* взглядами? Нѣтъ, если бы хотя отчасти Владыка Арсеній былъ похожъ на такого Іе-

рарха, какимъ Гайда клеветнически Его изображаетъ, то такое свѣтило, какъ бл. памяти Архіепископъ Амвросій, не сказалъ бы Владыкѣ Арсенію, въ одинъ изъ Его визитовъ,—изъ Риги въ Харьковъ, при своихъ гостяхъ: „Я не пророкъ, но предсказываю Вамъ, что будете моимъ преемникомъ на Харьк. кафедрѣ, и какъ бы я желалъ этого“. Слышавшій непосредственно эти слова, правдивый и всесторонне образованный, проф. Т. Ив. Б—чъ въ свое время передавалъ мнѣ о такой бесѣдѣ іерарховъ: Амвросія и Арсенія. И Промыслъ Божій не безъ благой цѣли даровалъ нашей Харьк. Богоспасаемой паствѣ Архипастыря, по истинѣ, человека Божія. Скажутъ г.г. Гайды и единомысленные съ нимъ: „о, какъ сельскій поппъ подслуживается своему Архіерею,—видно карьеристъ“. Да, говорить все можно: на то у насъ имѣются г.г. Гайды; какъ и переводить на газетную бумагу можно всякую клевету,—бумага вѣдь все терпитъ: на то у насъ нѣтъ недостатка въ о.о. Бѣлковыхъ. Я же принадлежу къ категоріи тѣхъ іереевъ, коимъ, по словамъ Лермонтова, остается сказать: „ужъ не жду отъ жизни ничего я“..., истина дороже мнѣ всего, такъ какъ мнѣ остается ждать единственный орденъ—деревянный крестъ и одно изъ завидныхъ мѣстъ,—въ три аршина земли, Богъ вѣсть на какомъ кладбищѣ.

Протоіерей Николай Федоровскій.

Апр. 7-го дня. 1907 года.

Сл. Ульянова.

ПРОТИВЪ ВЫБОРНАГО НАЧАЛА ДУХОВЕНСТВА.

(По поводу замѣтки священника о. Димитрія Люминарскаго, напечатанной въ журналѣ „Вѣра и Разумъ“, „За выборное начало духовенства“).

Стѣдуетъ только провести въ жизнь выборное начало духовенства, какъ всѣ станутъ любить и уважать своихъ пастырей, стоять за нихъ, идти за ними, подчиняться ихъ авторитету. Такое мнѣніе высказывается въ настоящее время не только многими свѣтскими, но и духовными лицами. Подобную мысль высказалъ въ своей замѣткѣ, напечатанной въ журналѣ „Вѣра и Разумъ“ (см. Вѣра и Разумъ за 1906 г. № 1), и священникъ о. Люминарскій. Тамъ же о. Люминарскій взя-

гаетъ условія, при которыхъ, по его мнѣнію, выборное начало не страшно и при которыхъ въ пастыри могутъ пройти лица достойныя. Эти лица, какъ надѣется онъ, будучи избранниками народа, будутъ уважаемы и любимы послѣднимъ. „А тамъ, гдѣ любовь, тамъ и Богъ, тамъ возможно и горы переставлять“, заканчиваетъ о. Люминарскій свою замѣтку.

Позволимъ себѣ по поводу упомянутой замѣтки священ. Л—скаго сказать нѣсколько словъ. Намъ кажется, еще далеко до того, чтобы „горы переставлять“, если народъ будетъ любить избранныхъ имъ пастырей. Если для переставленія горъ необходима только любовь пасомыхъ къ пастырю, то въ такомъ случаѣ и небезупречный въ нравственномъ отношеніи батюшка можетъ переставлять горы, такъ какъ онъ, по словамъ о. Люминарскаго, можетъ пользоваться любовью прихожанъ,—стоитъ ему только мало брать за требы, быть общительнымъ и негордымъ, исполнительнымъ въ требоисправленіи, имѣть хорошій голосъ, служить истово и громко.

Но—„въ пастыри пойдутъ, говорить о. Л—скій, лица достойныя“. А гдѣ же, спросимъ мы, теперь попрятались тѣ „лица достойныя“, которыя примутъ священство, если увидятъ, что быть священникомъ не только не страшно, но и выгодно? Неужели они увѣрены, что выборное начало обязательно будетъ и оберегаютъ къ тому времени свои таланты? Могутъ ли они считаться лицами достойными пастырскаго служенія и будутъ ли они въ состояніи переставлять горы, если любятъ міръ болѣе, чѣмъ Христа—не хогятъ въ пасторское время принять священства, а остаются въ мірѣ, потому что тамъ для нихъ лучше?.. Смѣемъ думать, что съ введеніемъ выборнаго начала въ среду православнаго духовенства обширнымъ потокомъ можетъ политься тотъ элементъ православнаго общества, который вовсе не желателенъ для св. Церкви въ качествѣ пастырей...

Что касается условій, которыми по мнѣнію о. Люм—го, слѣдовало бы обставить выборное начало, то 1) нѣкоторыя изъ нихъ, мы полагаемъ, не могутъ выдержать критики, если смотрѣть на священника не какъ на чиновника, а какъ на человѣка, по призванію посвятившаго себя служенію Богу, а

2) онѣ дѣлають выборное начало несправедливымъ по отношенію къ паствѣ...

„Въ случаѣ священникъ окажется правымъ, а паства все-же не пожелаетъ его имѣть, она можетъ, говоритъ Л—ій, его удалить, но только уплативъ его годовое содержаніе“. Но мы не вѣримъ, чтобы современное православное духовенство такъ пало въ нравственномъ отношеніи, чтобы согласилось снизить на степень наемника. „И азъ многогрѣшный іерей, властію Богомъ мнѣ данною, прощаю и разрѣшаю“... говоримъ мы своимъ духовнымъ дѣтямъ; и вдругъ эти дѣти безъ всякой причины гнать меня отъ себя не какъ власть имѣющаго, а какъ своего наемника, и въ довершеніе оскорбленія уплачивають мнѣ годовое содержаніе! Если я правъ, то не меня должны гнать прихожане, а я, съ разрѣшенія Епископа, имѣю право оставить ихъ и идти въ другой городъ или весь. Отъ людей, которые, по какой-то прихоти, не желаютъ имѣть у себя оказавшагося правымъ послѣ строгаго судебного слѣдствія священника, гонимому паствѣ даже оскорбительно получать „годовое содержаніе“, такъ какъ это будетъ равносильно неустойкѣ за нарушеніе контракта. На такихъ прихожанъ достойный пастырь долженъ отряхнуть и прахъ отъ ногъ своихъ...

„Современнымъ пастырямъ, говоритъ далѣе о. Л—скій, желающимъ пополнить образованіе, предоставить право поступать во всѣ высшія учебныя заведенія“. А почему еще знать, не скрывается ли у священнослужителей, стремящихся во „всѣ“ высшія учебныя заведенія, подъ желаніемъ „полполнить образованіе“, тяготѣніе къ міру?! Согласится-ли священникъ, поступившій и окончившій курсъ, напр., въ Горномъ институтѣ, снова возвратиться къ пастырскому служенію? Не предпочтетъ ли онъ тогда пристроиться гдѣ-нибудь на шахтахъ въ качествѣ инженера, а вмѣстѣ съ тѣмъ и окунуться въ бездну мірскихъ удовольствій, отъ которыхъ онъ, будучи священникомъ безъ пополненнаго образованія, отрѣзанъ своимъ положеніемъ? Я не противникъ науки, но дѣло въ томъ, что одни изъ современныхъ пастырей желаютъ „только“ пополнить свое образованіе; они обыкновенно и не мечтають о поступленіи въ высшія учебныя заведенія, а путемъ самообразованія,

по мѣрѣ своихъ силъ и способностей, удовлетворяютъ своей любознательности дома; другіе же, напротивъ, желаютъ „именно“ поступить и окончить курсъ въ высшемъ учебномъ заведеніи, т. е. на время или, вѣрнѣе, навсегда оставить паству.

„Избираемые въ священники, продолжаетъ о. Люминарскій, могутъ быть всѣ лица, но непременно имѣющія извѣстный богословскій образовательный цензъ и при томъ ничѣмъ неопороченныя“. Не знаю, что о. Люминарскій разумѣетъ подъ „извѣстнымъ богословскимъ образовательнымъ цензомъ“... Могу только сказать, что подобно тому, какъ теперь епископы бываютъ вынуждены иногда посвящать въ санъ священника лицъ, не имѣющихъ установленнаго богословскаго образовательнаго ценза, такъ будетъ и, вѣроятно гораздо болѣе, и при выборномъ началѣ. Разница только въ томъ, что теперь епископъ посвящаетъ въ санъ священника діаконѣвъ конечно не всегда, т. е. лицъ, еще до принятія сана священника посвятившихъ себя служенію Богу, а при выборномъ началѣ онъ быть можетъ вынужденъ будетъ посвящать—„по желанію паствы“—въ санъ священника грамотѣевъ, не имѣющихъ не только никакого представленія объ обязанностяхъ пастыря, но не знающихъ даже основныхъ истинъ нашей православной религіи или даже и невѣрующихъ въ нихъ. Намъ кажется, что въ городахъ, особенно большихъ, къ выбору приходскаго священника публика въ большинствѣ случаевъ отнесется не какъ церковно-приходская община, а какъ общество мірское, а быть можетъ даже и индефферентно. Что же касается деревни, то кандидатами во священники явятся всѣ тѣ лица, которыя слывутъ въ народѣ за „умныхъ“, „все знающихъ“ людей, которыя постоянно въ качествѣ „кандидатовъ“ присутствуютъ въ приходскомъ храмѣ на выборахъ церковнаго старосты и не болѣе 10—15 разъ въ году показываются въ немъ во время богослуженій.

„Выборное начало, продолжаетъ о. Л—ій, есть логическое слѣдствіе той свободы совѣсти, слова и убѣжденій, которая объявлена послѣднимъ Высочайшимъ Манифестомъ (17 октября)“. А намъ кажется, что выборное начало православнаго духовенства не можетъ быть логическимъ слѣдствіемъ объ-

явленныхъ Высочайшимъ Манифестомъ свободъ, потому что пастырское служеніе само по себѣ свободно и зависитъ отъ нашего призванія, а не отъ согласія общества. Выборное начало духовенства можетъ быть только слѣдствіемъ высокаго религіозно-нравственнаго состоянія общества, т. е. —такого состоянія, когда общество чуждо нетерпимыхъ пороковъ, —когда оно имѣетъ нравственную свободу, а не свободу гражданскую, дарованную Государемъ Императоромъ всѣмъ своимъ подданнымъ.

Чтобы добиться выбора общинами лицъ достойныхъ своему званію, о. Люминарскій считаетъ необходимымъ обставить выборное начало изложенными имъ въ 5 пунктахъ условіями. Правда, такое выборное начало не страшно (особенно для лицъ, желающихъ обезпечить себѣ вѣрный кусокъ хлѣба до конца дней своихъ), но будетъ-ли оно справедливо? Не будетъ ли оно представлять собою, такъ сказать, игры въ жмурки, гдѣ богословъ съ открытыми глазами ловить приходъ, у котораго глаза завязаны? Въ самомъ дѣлѣ, —на сторонѣ богослова: право быть избираемымъ; свобода слова; свобода обличенія порочной и беззаконной жизни; даже свобода наказанія въ видѣ христіанской епитиміи; право поступать во всѣ высшія учебныя завѣдія, или лучше—право когда угодно покончить всѣ счеты съ паствою въ виду своихъ личныхъ интересовъ, хотя даже въ виду желанія пополнить образованіе; опредѣленное жалованье; обезпеченіе пенсіей въ случаѣ болѣзни или старости; право быть удаленнымъ паствою не иначе, какъ послѣ строгаго судебнаго слѣдствія. Остается только поѣхать на смотръ въ приходъ, гдѣ нѣтъ священника, поставить тамъ ведра два-три водки, чтобы показаться человѣкомъ вполне подходящимъ, и—приходъ въ рукахъ... Что же остается на долю прихожанъ?—право вручить въ руки богослова, котораго они, пожалуй, раньше и въ глаза никогда не видали, приговоръ о желаніи имѣть его своимъ священникомъ, да возможность купить за годовой окладъ жалованья священнику право прогнать его, если онъ не понравится имъ впоследствии. Неужели же на такомъ „началѣ“ должна быть построена вообще вся жизнь Церкви, какъ союза абсолютно свободнаго, въ принципѣ совершенно противнаго всякому принужденію? Гдѣ же сво-

бода, если мы желаемъ принудить приходы выбирать въ священники лицъ, „непремѣнно имѣющихъ извѣстный богословскій образовательный цензъ“,—проще сказать: насъ же самихъ; выгораживаемъ для себя матеріальное обезпеченіе, права и свободу, а на долю прихожанъ оставляемъ право возбуждать противъ насъ судебныя слѣдствія (на которыхъ, пожалуй, не всегда и удастся имъ доказать нашу виновность), да безправственное право откупиться отъ насъ годовымъ нашимъ содержаніемъ, если мы, будучи правыми, чѣмъ-нибудь не понравимся прихожанамъ. А вѣдь мы, какъ и самъ о. Люминарскій говоритъ, призваны не для того, чтобы намъ служили, но чтобы самими „послужить“. Церковь „дѣлше вѣка пользовалась выборнымъ началомъ и имѣла пастырей, авторитету которыхъ подчинялись всѣ. Ихъ любили и уважали, за нихъ стояли, за ними шли. По крайней мѣрѣ, объ этомъ сама исторія говоритъ“.

Выборное начало могло быть въ то время, когда Церковь Христова украшалась самоотверженнымъ подвижничествомъ и орошалась драгоценною кровію мучениковъ—пастырей, а—не теперь, когда мы иногда добиваемся только правъ и денегъ. И въ первые вѣка христіанства собственно не выборное начало дало Церкви столько подвижниковъ и мучениковъ—пастырей, а родило ихъ *высокое религіозно-нравственное состояніе христіанскаго общества*; и теперь не выборное начало дастъ Церкви достойныхъ пастырей, а только сознаніе всѣхъ членовъ Церкви, т. е. клира и мірянъ, въ своей грѣховности, сознаніе, что религіозно-нравственное состояніе наше опустилось на самую низкую ступень. Только покаяніе можетъ послужить двигателемъ къ воскресенію перво-христіанской общины съ ея идеальною жизнію, слѣдствіемъ чего, какъ я и выше говорилъ, уже можетъ быть выборное начало; тогда достойные, по молитвѣ, будутъ избирать достойнѣйшаго или же по жребію. Это во первыхъ. А во вторыхъ, изъ исторіи намъ извѣстно, какъ безнравственное общество бываетъ въ высшей степени несправедливо, когда ему предоставляется право выбора. Когда Цилать спросилъ народъ еврейскій: „кого хотите, чтобы я отпустилъ вамъ: Варавву, или Иисуса, называемаго Христомъ?“ (Мате. XXVII, 17). „...Весь народъ сталъ кричать: смерть

Ему! а отпусти намъ Варавву“ (Лук. XXIII, 18). Пилать, чистою водою, которою омыль передъ народомъ руки, подписавшій кровавый приговоръ Спасителю міра, какъ извѣстно, желалъ и всѣ мѣры употреблялъ, чтобы не пролилась невиннѣйшая святѣйшаго человѣка, однако въ качествѣ судьи онъ совершилъ величайшее злодѣяніе потому только, что при рѣшеніи вопроса о жизни и смерти Учителя истины онъ побоялся воспользоваться властію, полученною имъ отъ римскаго императора, дабы не оказаться противникомъ „народнаго желанія“. Не пришлось бы и нашимъ Епископамъ, въ случаѣ выборнаго начала, умывать руки передъ приходами своихъ епархій, посвящая въ санъ священника „по желанію“ избранныхъ ими не совсѣмъ достойныхъ лицъ....

По нашему взгляду, пастырѣ ни въ коемъ случаѣ не долженъ быть избираемъ народомъ при современномъ религіозно-нравственномъ состояніи общества. Въ противномъ случаѣ священникъ теряетъ въ глазахъ общества значеніе человѣка призваннаго къ своему служенію Богомъ и въ таинствѣ священства получившаго отъ Него власть. Если я имѣю призваніе къ пастырскому служенію, если я желаю отказаться отъ міра и посвятить себя служенію Богу, то неужели мое желаніе не иначе можетъ быть осуществимо, какъ съ согласія общества, остающагося въ мірѣ, отъ котораго я добровольно отрекаюсь?! Ни пророки, ни Апостолы не были избранниками народными, а были призваны къ своему служенію Самимъ Богомъ. Интересенъ взглядъ на выборное начало деревенскаго прихода: „це буде не гоже; це буде такъ, якъ мы выбраемъ старостизъ: сегодня выберемъ, а завтра волосья обирвемъ“. Такъ сказали мнѣ прихожане мои въ декабрѣ мѣсяцѣ прошлаго 1905 года...

Неужели же потому только, что теперь дана свобода совѣсти, мы должны навязывать выборное начало сельскому приходу, который сознательно говоритъ: „це буде не гоже“... Какъ ни прекрасна Истина, она всегда будетъ ненавистна для грѣховнаго міра, а посему, я думаю, въ случаѣ выборнаго начала духовенства, при современномъ религіозно-нравственномъ состояніи общества, все, что любить Истину, что преданно Богу

и православной Церкви, можетъ быть затерто, отодвинуто на задній планъ и не попадаетъ не только въ число священниковъ, но даже и въ число псаломщиковъ...

Священникъ Леонидъ Оружинскій.

Слоб. Зелновка.

КЪ ВОПРОСУ О РЕФОРМѢ ДУХОВНО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ

(Нѣсколько словъ по поводу замѣтки П. Н. Б.—„Объ административно-воспитательномъ строѣ въ духовныхъ семинаріяхъ“. „Богосл. Вѣстн.“ 1907 г., февр. Стр. 315—331).

Вопросъ о реформѣ духовно-учебныхъ заведеній настолько злободневенъ, что нѣтъ кажется ни одного духовнаго журнала гдѣ бы этотъ вопросъ не обсуждался съ той или иной точки зрѣнія. Не мало страницъ обсужденію этого вопроса отводится и въ нѣкоторыхъ свѣтскихъ журналахъ (напримѣръ въ „Русской Школѣ“ и др.). Примѣчательно, что тогда какъ одни полагаютъ вполне достаточнымъ и цѣлесообразнымъ исправленіе только нѣкоторыхъ сторонъ въ строѣ дух.-учебныхъ заведеній и, въ частности, семинарій, другіе, наоборотъ, желаютъ „видѣть семинаріи наши не въ подчиненномъ только видѣ., а радикально преобразованными“. Авторы статей и замѣтокъ послѣдняго характера, какъ бы забывая о пользѣ упомянутыхъ школъ, какую онѣ приносили до сего времени и о томъ, что не однѣ же только отрицательныя стороны можно видѣть въ этихъ школахъ, стараются, „все переименовать“ и съ усердіемъ, достойнымъ лучшаго назначенія, сгущаютъ мрачныя краски въ отношеніи тѣхъ или иныхъ сторонъ строя духовно-учебныхъ заведеній. Къ числу такихъ авторовъ, порицающихъ современную духовную школу и чающихъ „видѣть семинаріи наши не въ подчиненномъ только видѣ“, можно отнести и П. Н. Б., помѣстившаго въ „Богосл. Вѣстн.“ вышеупомянутую замѣтку „Объ административно-воспитательномъ строѣ въ духовныхъ семинаріяхъ“.

Мы прошли бы эту замѣтку молчаніемъ, какъ не вносящую почти ничего новаго и полезнаго дѣлу реформы духовно-учебн. заведеній, но интересъ затропутаго вопроса, съ одной стороны

и имя автора, а также и журнала, гдѣ помѣщена названная работа, съ другой стороны, побуждаютъ насъ сказать по ея поводу нѣсколько словъ. Заранѣе считаемъ долгомъ замѣтить слѣдующее. Хотя авторъ упомянутой статьи и укрылся подъ инициалами П. Н. Б., но на обложкѣ журнала принадлежность работы помѣчена польностью: „прот. проф. Н. И. Боголюбскаго“. Такимъ образомъ, псевдонимъ раскрытъ редакціею „Богосл. Вѣстн.“... Забѣтка принадлежитъ перу прот. Никол. Иван. Боголюбскаго, нѣсколько лѣтъ тому назадъ освобожденнаго бывшаго ректоромъ въ одной изъ псковскихъ семинарій и нынѣ преподающаго въ Московскомъ Сельско-Хозяйственномъ Институтѣ.

Каковъ-же взглядъ этого бывшаго о. ректора на административно воспитательный строй въ духовныхъ семинаріяхъ? Чѣмъ онъ недоволенъ и что бы онъ желалъ видѣть въ „радикально“ реформировавшой семинаріи?

Прежде всего о. протоіерей Боголюбскій отмѣчаетъ „дуализмъ власти“ (курсивъ о. прот.) въ нашихъ семинаріяхъ, „въ силу котораго въ нихъ существуютъ два начальника: ректоръ и инспекторъ“. Этотъ „дуализмъ власти“ очень беспокоитъ о. прот. Боголюбскаго. Онъ („дуализмъ“) является сильнымъ тормозомъ къ тому, чтобы ректорамъ семинаріи „быть ближе къ воспитанникамъ“. Мало того, о. Боголюбскому кажется, что инспекторъ даже и не допуститъ ректора „приблизиться къ воспитанникамъ и короче познакомиться съ ними“. „Разъ самъ уставъ и всякіе циркуляры свыше усвоятъ, говоритъ прот. Б., инспектору, громадный авторитетъ въ воспитательномъ дѣлѣ, кто же можетъ быть ближе, къ воспитанникамъ, какъ не онъ? И что за инспекторъ, если онъ допуститъ, чтобы кто въбудь изъ сослуживцевъ (не исключая и ректора), помимо его могъ приблизиться къ воспитанникамъ и короче познакомиться съ ними? Вполнѣ естественно ему желать, продолжаетъ о. Б., чтобы всѣ и все въ семинаріи смотрѣло на семинаристовъ *его* глазами, по *его* мѣркѣ“. „Дѣятельному“ (?) „ректору вужны годы, поѣствуетъ далѣе прот. Б., чтобы только пройти чрезъ всѣ инспекторскія загражденія благополучно, и очень дорого стдитъ обыкновенно всякая попытка провести свое воспитательное воздѣйствіе въ среду семинаристовъ. Проще и

безопаснѣе для ректора, конечно, смотрѣть на все въ семинаріи чрезъ посредство инспектора, т. е. быть не тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ быть, сдѣлаться, въ концѣ концовъ, только послушнымъ органомъ инспекторскихъ усмотрѣній“. Такой „дуализмъ власти“ ведетъ, по мнѣнію о. прот., къ гласной или негласной борьбѣ ректора съ инспекторомъ, вредной „для дѣла воспитанія“.

„Дуализмъ власти“, далѣе, „дѣлаетъ невозможными и правильныя отношенія преподавателей къ ректору и инспектору“. Авторъ разбираемой замѣтки даже увѣренъ, что въ большей части семинарій существуютъ партіи: „ректорская и инспекторская“. Мало того, ему кажется, что „преподавателямъ приходится несравненно чаще считаться съ авторитетомъ инспектора, чѣмъ съ авторитетомъ ректора“.

Какихъ же однако ректоровъ и инспекторовъ рисуетъ себѣ о. прот. Боголюбскій?

Прежде всего онъ указываетъ на тотъ типъ ректоровъ, которые „не желая входить въ столкновенія съ инспекторомъ, избѣгая того, что можетъ разстроитъ мирныя отношенія, ставятъ себя въ положеніе начальника, и ни какъ не воспитателя и отца“. Воспитанники „прямо трепещутъ и боятся“ такихъ ректоровъ, преподаватели стараются также не попадаться на глаза такимъ начальникамъ. Такіе ректора, по мнѣнію прот. Б., вполне раздѣляютъ формальную рутину инспекціи и сами всячески поддерживаютъ ее—„чтобы не вывести семинаріи изъ равновѣсія“. Справедливо, о. прот., называетъ ректоровъ такого типа „помшадурами“.

Другіе о.о. ректора—типа начальниковъ „ничего не знающихъ и не желающихъ знать“. Проводя большую часть времени въ своихъ квартирахъ, кушая сытые пироги, заливныхъ осетровъ, „постоянно“ участвуя въ архіерейской службѣ, посѣщая старость и богачей и т. п., такіе ректора мало интересуются семинарскими дѣлами и даже не слѣдитъ за тѣмъ: исполняются или нѣтъ ихъ распоряженія. Отъ подобныхъ ректоровъ „никакого ощутительнаго слѣда для семинаріи... не оказывается“.

Указываетъ далѣе прот. Б. типъ ректоровъ—іезуитовъ. Имъ

„хочется все знать“, но пойти надлежащимъ путемъ они не могутъ, а вывѣдываютъ все чрезъ своихъ „любимцевъ“—шпіоновъ. Послѣдніе „разсказываютъ“ такимъ о.о ректорамъ и товарищамъ, и про инспектора и про преподавателей, словомъ— „все, что вздумается“... Конечно, „семинарія совершенно развращается такою системою“...

Отмѣчаетъ о. Б. и „рѣже“ встрѣчающійся типъ ректоровъ „болѣющихъ душой о ненормальности положенія вещей въ семинаріи“, о недостаткахъ, „царящихъ въ области воспитанія“. Но такимъ ректорамъ, по мнѣнію прот. Б., „не приходится жить подолгу въ семинаріи“. Будучи образцами воздержанія и молитвеннаго настроенія, безукоризненно чистыми и искренними, эти ректора встрѣчаютъ „противодѣйствіе“ опять-таки со стороны инспекторовъ и поэтому не могутъ развивать „свою пастырскую дѣятельность въ средѣ семинаристовъ“, видятъ „крушенія“ своихъ идеаловъ и „всюду—разочарованія“.

Другихъ типовъ о.о. ректоровъ семинарій въ замѣткахъ прот. Б. не приводится. Нарочито или не нарочито это дѣлается не знаемъ, но пока скажемъ слѣдующее. Указанными типами, какъ мы увидимъ далѣе, далеко не исчерпываются ректора семинарій, а затѣмъ—эти перечисленные типы—вовсе, какъ намъ кажется, не свидѣтельствуютъ тѣмъ, ради чего ихъ приводитъ о. прот. Б. Въ самомъ дѣлѣ, вообразимъ положеніе семинарій, управляемыхъ о.о. ректорами, „совсѣмъ не отвѣчающими идейнымъ требованіямъ своей должности“. Неужели при такомъ положеніи дѣлъ инспектора (разумѣется понимающіе административно-воспитательное дѣло) могутъ принести вредъ? Не думаемъ... Не справедливо и тѣмъ предположеніе прот. Б., что приводимые имъ типы ректоровъ обуславливались именно „дуализмомъ власти“, другими словами,—что власть, присущая инспекторамъ, задерживаетъ приведеніе въ исполненіе добрые порывы о.о ректоровъ.—Ректора „помпадуръ“ (стр. 323), ректора-иезуиты, ректора „ничего въ семинаріи не знающіе и не желающіе знать“ остались бы таковыми, конечно, и безъ всякаго „дуализма власти“... Позволимъ себѣ сильно усумниться, чтобы и ректора четвертаго типа не могли сдѣлать „ничего существеннаго въ измѣненіи воспитательнаго строя въ семинаріи“ только изъ за „дуализма вла-

сти“, изъ за „противодѣйствія инспектора“. Любопытно было бы знать, какіе именно идеалы этихъ безправныхъ ректоровъ потеряли крушеніе изъ за инспекторскаго противодѣйствія? Очень интересно бы знать, какія именно измѣненія „воспитательнаго строя въ семинаріи“ хотѣли бы произвести эти о.о. ректора, „дышавшіе ревностью о вѣрѣ и благочестіи своихъ питомцевъ“? Жаль, что ничего этого не сообщаетъ прот. Б.!. Во всякомъ случаѣ, если бы эти идеалы могли дѣйствительно содѣйствовать подъему воспитательнаго строя въ семинаріи, то едва ли бы они не встрѣтили поддержку со стороны епархіальныхъ Владыкъ. Не пришлось бы тогда этимъ „симпатичнымъ ректорамъ-аримандритамъ“ видѣть „всюду—разочарованія“ и скорбѣть и плакать...

Продолжимъ однако рѣчь. Посмотримъ, какихъ инспекторовъ имѣеть въ виду прот. Богод—ій и каковъ его взглядъ на „инспекторское дѣло въ нашихъ семинаріяхъ“ вообще? Инспекторовъ онъ рисуетъ себя въ образѣ Аримановъ (стр. 332. 326 и др.). „Семинарская рутинна, говоритъ онъ, утвердила десятками лѣтъ такое школьное міровоззрѣніе, по которому инспекторъ есть по существу своему Ариманъ, а ректоръ Ормуздъ. Перваго воспитанники отлично знаютъ и умѣютъ приспособляться къ его рутинѣ, хотя она сама по себѣ дышетъ злобой и местию“ (?)... „Семинаристы для своего инспектора являются въ большинствѣ случаевъ предметомъ злобы и вражды, какъ лица, препятствующія ихъ (Авторъ вѣроятно хотѣлъ сказать его) личному спокойствію“. „За ректоромъ же признаются только права на милость и прощеніе“. По словамъ о. Б., Ариманы простираютъ свою злобу однако же и не на однихъ воспитанниковъ. Вотъ послушаемъ, что повѣствуетъ онъ объ отношеніи инспектора къ преподавателямъ и о томъ, какъ Ариманъ ревниво охраняетъ „свою систему“ отъ всякаго вмѣшательства.—„Инспекторъ, говоритъ прот. Б., слѣдитъ за аккуратностью посѣщенія уроковъ преподавателями. Въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ есть даже особая книга, куда инспекторъ вноситъ всѣ просроченныя преподавателями минуты, а затѣмъ складываетъ ихъ по истеченіи мѣсяца и превращаетъ въ часы. Инспекторъ имѣетъ право входить въ преподаватель-

скую комнату и напоминать преподавателямъ о томъ, что пора идти въ классъ. Когда ему захочется поскорѣе выйти изъ корпуса и пройти по свѣжему воздуху, онъ прибавитъ при этомъ какую нибудь угрозу: „пора, господа! ученики очевь возбуждены“ и т. п.... Инспекторское дѣло въ нашихъ семинаріяхъ, продолжаетъ прот. Б., представляетъ какую то таинственную каморру, куда ничей взоръ не можетъ проникнуть. Инспекторъ обмѣнивается своими мыслями и планами только съ своими помощниками и, притомъ, только съ тѣми, коимъ особенно довѣряетъ. По временамъ инспекторъ созываетъ въ своемъ инспекторскомъ кабинетѣ всѣхъ своихъ товарищей по оружію, обсуждаетъ съ ними поступки воспитанниковъ и оцѣниваетъ ихъ поведеніе баллами. И на эти тайныя (?) засѣданія никто изъ преподавателей, ни самъ ректоръ не посылаетъ (!) придти: это—„постороннія лица“, по мнѣнію инспектора (?). Кабинетъ инспектора, помѣщающійся среди классныхъ комнатъ—самое запретное мѣсто (?) во всемъ семинарскомъ зданіи. Здѣсь совершается слѣдствіе и судъ. Здѣсь хранятся документы, вещественныя доказательства преступленій и проч. На эту комнату обычно дѣлаются ночныя вылазки семинаристовъ: подбираются ключи, отмычки, выламываются филенки у дверей и дѣлаются похищенія. Нѣкоторые инспекторы, наученные горькимъ опытомъ, ставятъ у своихъ кабинетовъ ночную стражу. Для ректора и преподавателей эта комната недоступна. Особенно ректоръ въ этой комнатѣ не желанный гость. Надобно при этомъ замѣтить, добавляетъ прот. Б., что ректору, главному начальнику заведенія, обыкновенно не отводится особеннаго спеціально-ректорскаго кабинета. Его арена—корридоръ, гдѣ онъ можетъ пройти, показаться, затѣмъ зайти въ преподавательскую комнату на нѣсколько минутъ, посѣтить урокъ изрѣдка pro forma,—и только“... Вотъ въ какихъ чертахъ представляетъ „инспекторское дѣло“ прот. Боголюбскій!... Если бы это описаніе исходило не изъ устъ бывшаго о. ректора, то мы бы невольно задались вопросами: „съ кого они портреты пишутъ, гдѣ разговоры эти слышатъ?“ Но о. прот. Б. мы можемъ вѣрить: во всякомъ случаѣ онъ былъ ректоромъ и ему приходилось наблюдать обрисованный

типъ инспекторовъ и представленный ходъ „инспекторскаго дѣла“... Но не исключительные ли это случаи? Мы рѣшительно отказываемся признать ихъ типичными...

Невысокаго мнѣнія прот. Боголюбовъ держится и относительно вообще „семинарской инспекціи“. Дѣятельность ея ограничивается только наблюденіемъ, чтобы воспитанники исполняли преподанную имъ инструкцію. Кромѣ полицейскихъ мѣръ воздѣйствія въ питомцевъ семинаріи со стороны инспекціи ничего или почти ничего не замѣчается. Нравственное воздѣйствіе отсутствуетъ, до души воспитанниковъ инспекціи нѣтъ дѣла... Но впрочемъ послушаемъ самого о. протоіерея. — „Инспекція въ нашихъ семинаріяхъ, говоритъ онъ, по своей постановкѣ совершенно не соответствуетъ своему назначенію. Въ общемъ она носитъ характеръ полицейски-бюрократической и съ элементомъ инквизиціи. Нравственнаго, воспитывающаго, облагораживающаго ничего нѣтъ въ инспекторской системѣ воспитанія въ нашихъ семинаріяхъ... Инспектору нужно исполненіе дисциплины... Какое ему дѣло до души воспитанниковъ? Душа-то ему именно и не нужна. Его вѣчно пугаетъ мысль о томъ, что „чужая душа потемки“ и чѣмъ для ней больше простора, тѣмъ болѣе она способна къ нарушенію дисциплины, къ бунту (?). Такъ ужъ лучше придавить ее формой. И нѣтъ ему дѣла до индивидуальности: пусть всѣ нивелируются по данному шаблону“. Инспекціонный надзоръ за воспитанниками прот. Б. рисуетъ въ такихъ краскахъ. — „Лишь бы не попался“, а тамъ какъ ему угодно: вотъ доуптъ семинарской инспекціи. Дальше „накрыванія“ и „уловленія“ лица инспекторскаго надзора обыкновенно не простираются. Предупредительныхъ мѣръ, по мнѣнію прот. Б., семинарская инспекція не признаетъ. Это ей и не по силамъ, и не по досугу. Воспитаніе по системѣ предупрежденій требуетъ любви къ питомцамъ, отеческаго покровительства“. А между тѣмъ „днемъ съ огнемъ надобно поискать по Россіи такихъ инспекторовъ, которые любили бы своихъ питомцевъ. Инспекція и любовь—это несогласуемыя силы“ (?!).. Не будемъ приводить другія выписки изъ замѣтки прот. Б. Полагаемъ, что приведенныхъ достаточно для ознакомленія съ его

взглядомъ на современную постановку воспитательнаго строя въ духовныхъ семинаріяхъ... Свой слишкомъ невысокій взглядъ на современныхъ семинарскихъ воспитателей о. прот. Б. старается впрочемъ вѣсколько сгладить, заявляя, что виноваты не только они одни, но и самый семинарскій строй. „Справедливость требуетъ сказать, говорить онъ, что и времени у инспектора, съ его однимъ или двумя помощниками, не хватитъ для того, чтобы воспитывать какъ должно... 300—400 учениковъ На инспектора семинаріи ввзвалена прямо-таки непосильная ноша по должности. Куда не взгляни, вездѣ инспекторъ, все онъ вѣдаетъ: и по воспитанію, и по ученію, и по хозяйству... Не справедливо, поэтому, и винить только инспекторовъ нашихъ семинарій въ томъ, что они превращаются въ холодныхъ, бездушныхъ фармалистовъ, губящихъ живыя души питомцевъ. Виноватъ... самый строй нашихъ семинарій“. Въ приведенныхъ заявленіяхъ есть кое что вѣрное, ибо справедливо указываетъ на трудности инспекторской службы, но позволимъ себѣ теперь же замѣтить, что вышеописанные прот. Б. типы ректоровъ, точно также, какъ и инспекторовъ, „помѣшанныхъ на формализмъ“ и не признающихъ „предупредительныхъ мѣръ“, при какомъ угодно „строѣ“, не принесутъ пользы воспитательному дѣлу семинарій и противорѣчатъ тому, что существуетъ въ дѣйствительности въ семинаріяхъ, по требованію семинарскихъ инструкцій и циркулярныхъ распоряженій Духовно Учебной власти.

И. С.

(Окончаніе будетъ).

МИССИОНЕРСКІЙ ЛИСТОКЪ.

РУССКІЕ КАРАИМЫ.

Въ настоящее время, судя по газетнымъ извѣстіямъ, Министерство Внутреннихъ Дѣлъ занято урегулированіемъ религіознаго быта русскихъ сектантовъ караимовъ. Его интересуютъ два вопроса: 1-й—о существѣ вѣроученіе секты „русскіе

караимы“ и 2-ой—могутъ ли послѣдователи этой секты считаться отщавшими отъ православія, а не отъ какого либо иного вѣроисповѣданія.

Извѣстно, что секта „русскіе караимы“—это небольшой отпрыскъ довольно распространенный въ Россіи секты русскихъ жидовствующихъ. Послѣдняя секта представляетъ собою возрожденіе старой на Руси секты жидовствующихъ XV—XVI вѣковъ. Принятыми тогда репрессивными мѣрами противъ сектантовъ секта жидовствующихъ—не была уничтожена, а только подавлена въ своихъ внѣшнихъ проявленіяхъ. Она на время стихла, притаилась и отхлынула изъ центра государственной жизни Россіи въ провинціальныя дебри, гдѣ небольшія группы ея послѣдователей продолжали существовать безъ шума. Во второй половинѣ 18-го столѣтія основатель русской секты молоканъ крестьянинъ села Уварова, Тамбовской губ., Семень Уклеинъ, насаждая молоканство въ Балашовскомъ уѣздѣ, Саратовской губ., столкнулся тамъ съ небольшою группою жидовствующихъ и совратилъ въ молоканство ея наставника Семена Далматова. Послѣдній въ свою очередь ставился отъ Уклеина на приютіе и введеніе въ жизнь молоканъ нѣкоторыхъ еврейскихъ правилъ, преимущественно относительно пищи. Эта уступка жидовствующимъ породила въ средѣ молоканъ жаркіе споры объ обязательности для христіанъ обрядоваго закона Моисеева. Споры кончились тѣмъ, что часть молоканъ, во главѣ съ крестьяниномъ села Дубовки, Саратовской губ., Сундуковымъ, открыто признали не только обязательность Моисеева закона, но и превосходство его предъ закономъ Христовымъ. Называя себя „новымъ израилемъ“, „пришельцами къ Израилю“ и „пришельцами къ закону“, Сундуковцы стали праздновать субботу, приняли обрѣзаніе и постепенно слились съ старыми русскими жидовствующими, которые, по наслѣдію отъ XV—XVI вѣковъ, продолжали держаться чистаго или библейскаго еврейства, чуждаго талмудистическихъ измышленій. Появившись среди молоканъ, ересь жидовствующихъ стала быстро расти почти исключительно за счетъ молоканства и съ теченіемъ времени крѣпко осѣла во многихъ молоканскихъ общинахъ. Въ настоящее время русскіе жидовствующіе гнѣ-

зятся въ губерніяхъ: Тамбовской, Саратовской, Воронежской, Оренбургской, Ставропольской, Астраханской. Области Войска Донскаго, Закавказья, Акмолинской области и др...

Такимъ образомъ, старая на Руси секта жидовствующихъ, образовавшаяся изъ отпавшихъ отъ православія русскихъ людей, снова возродилась и поглотила, а мѣстами и теперь поглощаетъ, преимущественно отпавшихъ отъ православія въ молоканство русскихъ людей. Кой гдѣ, впрочемъ, русскіе люди отпадаютъ въ жидовство и прямо изъ православія.

Но въ русскомъ жидовствѣ, какъ и во всякой другой сектѣ, появились свои подраздѣленія или толки. Болѣе многочисленный толкъ составляютъ русскіе жидовствующие — талмудисты, которые въ своемъ вѣрованіи, богослужебномъ культѣ и обрядахъ окончательно слились съ кореннымъ талмудическимъ или раввинистическимъ еврействомъ; менѣе многочисленный толкъ — это русскіе жидовствующие библеисты, оставшіеся вѣрными чистому, древнему или библейскому еврейству, отвергшему Талмудъ; и, наконецъ, незначительный толкъ — это русскіе жидовствующие библеисты, оставшіеся вѣрными чистому, древнему или библейскому еврейству, отвергшему Талмудъ; и, наконецъ, незначительный толкъ — это русскіе жидовствующие караимиты, или русскіе караимы, обосновавшіеся исключительно на Пятокижии Моисея и въ своемъ вѣроученіи, богослужебномъ культѣ и обрядахъ окончательно слившіеся съ коренными евреями — караимами.

Изъ даннаго очерка появленія въ Россіи секты русскихъ караимовъ, или, точнѣе сказать, секты жидовствующихъ караимовъ, изъ коренныхъ русскихъ людей видно, что послѣдователями этой секты являются лица, отпавшія въ нее *именно отъ православія*, а не отъ какого либо иного вѣроисповѣданія; что самое отпаденіе коренныхъ русскихъ людей отъ православія въ жидовствующее караимство происходило и происходитъ, главнымъ образомъ, чрезъ посредство русской секты молоканъ, а иногда и безъ такого посредства; что, наконецъ, русскіе караимы имѣются въ небольшомъ числѣ во многихъ общинахъ русскихъ сектантовъ жидовствующихъ, среди которыхъ они являются отдѣльнымъ толкомъ, живущимъ въ самой тѣсной

религіозной связи съ коренными евреями—караимами. Какъ составившаяся изъ коренныхъ русскихъ людей, которые сами или ихъ предки безспорно исповѣдывали православную вѣру и никогда не принадлежали къ тѣмъ религіознымъ группамъ, которыя образовались въ нѣдрахъ Православной Церкви изъ присоединившихся къ православію иновѣрцевъ и ихъ потомковъ, тяготящихся, однако, къ своей прежней нехристіанской вѣрѣ, къ которой принадлежали они сами или ихъ предки (напримѣръ: въ приволжскихъ губерніяхъ старокрещенные татары, въ Закавказьи абхазцыты, въ Забайкальи буряты и т. д...), секта „русскіе караимы“ должна трактоваться, по закону, какъ *нехристіанская секта, повреждающая православную христіанскую вѣру*, почему послѣдователи этой секты должны нести на себя всѣ законныя послѣдствія, связанныя съ отпаденіемъ православныхъ христіанъ въ вѣру нехристіанскую (см. Высочайшее утвержденныя 17 апрѣля 1905 года Положенія Комитета Министровъ объ укрѣпленіи началъ вѣротерпимости—Разд. I-й, ст. 3-я; Извлечение изъ Высочайше утвержденнаго 17 апрѣля 1905 г. журнала Комитета Министровъ 25 января, 1-го, 8-го и 15-го февраля 1905 г. о порядкѣ выполненія пункта шестого Именного Высочайшаго Указа 12 декабря 1904 года).

Собственныхъ вѣроизложеній или символическихъ книгъ, книгъ богослужебныхъ или обрядниковъ, откуда можно было бы почерпнуть свѣдѣнія объ ученіи, богослужебномъ культѣ и обрядахъ русскихъ караимовъ, у послѣднихъ нѣтъ. Все, что только можно имѣть по данному вопросу, заключается въ литературныхъ замѣткахъ православныхъ миссіонеровъ, которые, лично обращаясь съ русскими караимами, дѣлились добытыми свѣдѣніями съ другими путемъ печатнаго слова.

Подобно еврейскимъ караимамъ, караимы русскіе источникомъ своего вѣроученія признаютъ „письменный законъ Моисеевъ“, на который смотрятъ, какъ на единственное, вѣчное выраженіе воли Божіей, неподлежащее никакимъ измѣненіямъ или добавленіямъ. Обосновавшись исключительно на Пятикнижии Моисея, русскіе караимы отрицаютъ всѣ христіанскіе догматы, какъ и вообще все христіанство. Они не признаютъ Троичности Лицъ въ Богѣ, божескаго воплощенія Иисуса Хри-

ста, Который, по ихъ мнѣнію, былъ простымъ человѣкомъ, сыномъ Іосифа и Маріи. На православныхъ они смотрятъ, какъ на язычниковъ—человѣкообожателей и идолопоклонниковъ. Все небесное и земное, по ученію русскихъ караимовъ, сотворено Богомъ, Который Единъ и не сотворенъ. Богъ послалъ къ людямъ Своего служителя Моисея и чрезъ него воздѣлалъ имъ Свой совершеннѣйшій законъ. Въ судный день Господь воскреситъ мертвыхъ и воздастъ каждому по дѣламъ его. За несоблюденіе Моисеева закона Господь наказалъ Свой народъ плѣномъ, отъ котораго избавить ихъ чрезъ Своего посланника—Мессію, сына Давидова. Сливъ свою судьбу съ судьбою коренныхъ евреевъ-караимовъ, русскіе караимы считаютъ себя плѣнниками русскаго Царя, народомъ въ разсѣяніи, и мечтаютъ о пришеніи Мессіи Царя, который покоритъ всѣ народы и выведетъ избранный народъ Божій, т. е. караимовъ въ Палестину. Впрочемъ, есть среди русскихъ караимовъ и такіе, которые не ждутъ Мессіи, отвергаютъ всякія пророчества о Немъ и самое имя Мессіи считаютъ нарицательнымъ, приложимымъ ко всякому царствующему лицу, какъ помазаннику Божію. Придерживаясь обрядовыхъ предписаній Моисеева закона, русскіе караимы обрѣзываютъ младенцевъ, а также и взрослыхъ пришельцевъ, празднуютъ по еврейски субботу, Пасху и другіе Моисеевы праздники, соблюдаютъ посты евреевъ-караимовъ. Общественное богослуженіе совершается ими по субботамъ и праздникамъ, причемъ состоитъ преимущественно въ чтеніи Пятикнижія, молитвахъ и проповѣди. Русскіе караимы молятся, какъ и евреи, о скорѣйшемъ возсозданіи Іерусалима и храма, о наступленіи въ обѣтованной землѣ вѣчнаго царства съ царемъ—Мессіею во главѣ. Во время моленій они не одѣваютъ, подобно талмудистамъ, шапокъ или картузовъ, а также не носятъ талмудическихъ „тифилима“ и „дицица“. Въ употребленіи у нихъ караимскіе „сборники молитвъ“ разныхъ составителей, переведенныя на русскій языкъ. Пользуются русскіе караимы и обрядниками евреевъ-караимовъ, какъ равно прибѣгаютъ въ дѣлѣ удовлетворенія своихъ религіозныхъ потребностей къ услугамъ караимскихъ гахамовъ и особенно газзановъ.—Таковы главныя черты вѣроученія и религіознаго быта русскихъ караимовъ.

И. Айвазовъ.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ РОССИИ.

(Объявленіе *).

Въ числѣ многочисленныхъ проектовъ, вносимыхъ въ Государственную Думу, Министерствомъ Путей Сообщенія, признается долгомъ обратить вниманіе на настоятельную необходимость тѣхъ изъ нихъ, которые имѣютъ цѣлью развитіе и улучшеніе нашей рельсовой сѣти, разросшейся за послѣднія 10 лѣтъ съ 35300 верстъ до 61725 верстъ. Изъ предполагаемыхъ уже къ постройкѣ новыхъ дорогъ я считаю долгомъ указать на Амурскую дорогу, которую предполагается провести отъ одной изъ конечныхъ станцій Забайкальской желѣзной дороги до станціи „Хабаровскъ“, для созданія непрерывнаго пролегающаго по русской территоріи рельсоваго пути, соединяющаго Европейскую Россію съ дальневосточными окраинами. Этого требуютъ жизненные интересы Россіи. Кромѣ этого, вниманію Государственной Думы будетъ предложенъ цѣлый рядъ проектовъ о работахъ по развитію и улучшенію внутреннихъ путей и шоссейныхъ дорогъ, а также срочныхъ, имѣющихъ большую важность: проекты, касающіеся правовыхъ отношеній, какъ, на примѣръ, законъ о судоходствѣ и сплавѣ и новый законъ объ отчужденіи недвижимыхъ имуществъ для нуждъ государственныхъ и общественныхъ.

Сознавая необходимость приложенія величайшихъ усилій для поднятія экономическаго благосостоянія населенія, правительство ясно отдастъ себѣ отчетъ, что усилія эти будутъ безплодны, пока просвѣщеніе народныхъ массъ не будетъ поставлено на должную высоту и не будутъ устранены тѣ явленія, которыми постоянно нарушается правильное теченіе школьной жизни въ послѣднее время,—явленіе свидѣтельствующее о томъ, что безъ коренной реформы наши учебныя заведенія могутъ дойти до состоянія полнаго разложенія. Къ широкой реформѣ на всѣхъ степеняхъ образованія стремится Министерство Народнаго Просвѣщенія на началахъ непрерывной связи низшихъ, среднихъ и высшихъ школъ, но съ законченнымъ кругомъ знанія на каждой изъ школьныхъ ступеней. Особое вниманіе Министерства Народнаго Просвѣщенія будетъ направлено къ подготовкѣ преподавателей для всѣхъ ступеней школы и къ улучшенію ихъ матеріальнаго положенія.

*) См. № 7 ж. „В. и Р.“, отд. „Извѣстій“...

Затѣмъ, во-первыхъ, ближайшей задачей Министерство Народнаго Просвѣщенія ставитъ установленіе совмѣстными усиліями правительства и общества общедоступнаго, а впоследствии и обязательнаго начальнаго образованія для всего населенія имперіи; во-вторыхъ, въ области средней школы министерство будетъ озабочено созданіемъ разнообразныхъ типовъ учебныхъ заведеній съ широкимъ развитіемъ профессиональныхъ знаній, но съ обязательнымъ для всѣхъ типовъ минимумомъ общаго образованія, требуемаго въ государствѣ; въ-третьихъ, въ реформѣ высшей школы министерство ставитъ себѣ задачей укрѣпленіе тѣхъ началъ, которыя положены въ основу предположенныхъ преобразованій Высочайшимъ указомъ 28 августа 1905 года, и согласованіе ихъ съ интересами общегосударственными на основаніи опыта примѣненія дѣйствующихъ временныхъ правилъ. Проведеніе въ жизнь всѣхъ вышеизложенныхъ законодательныхъ предположеній находится въ зависимости отъ возможности ихъ осуществленія въ финансовомъ отношеніи. Съ этой стороны Государственной Думѣ и Государственному Совѣту предстоитъ задача первостепенной важности—на разсмотрѣніе ихъ вносится государственная роспись, затрагивающая самыя жизненные потребности государства. Правительство приглашаетъ Государственную Думу приступить къ немедленному ея разсмотрѣнію, такъ какъ вопросы бюджета настоятельно срочны и требуютъ величайшаго вниманія, тѣмъ болѣе, что положеніе Россіи вызываетъ необходимость строгой бережливости, тогда какъ новыя реформы требуютъ новыхъ затратъ. Настоящая минута тѣмъ болѣе трудна, что она совпала съ весьма крупнымъ сокращеніемъ дохода бюджета, образовавшимся вслѣдствіе отмѣны манифестомъ 3 ноября 1905 г. выкупныхъ платежей крестьянъ и увеличенія расходовъ на платежи процентовъ и погашеніе по займамъ, заключеннымъ для покрытія военныхъ расходовъ. Осложняется положеніе еще и тѣмъ, что искусственное задержаніе осуществленія государственныхъ потребностей на долгое время невозможно. Въ развитіи государства, какъ отдѣльнаго лица, бываютъ критическіе періоды усиленнаго роста.

Происшедшія въ октябрѣ 1905 года коренныя измѣненія въ нашемъ государственномъ устройствѣ открыли собой, какъ указано выше, эту эпоху и выдвинули на очередь цѣлый рядъ потребностей самыхъ различныхъ отраслей государственной жизни. Наконецъ неудачная для насъ война вызываетъ необходимость

крупныхъ затратъ на возрожденіе нашей арміи и флота. Какъ бы ни было велико стремленіе наше къ миру, какъ бы ни громадна была потребность страны въ успокоеніи, но если мы хотимъ сохранить наше военное могущество, ограждая вмѣстѣ съ тѣмъ самое достоинство нашей родины, и не согласны на утрату принадлежавшаго намъ по праву мѣста среди великихъ державъ, то намъ не придется отступать передъ необходимостью затратъ, къ которымъ насъ обязываетъ все великое будущее Россіи. Конечно, чрезвычайному характеру этихъ потребностей можетъ соотвѣтствовать только обращеніе къ чрезвычайнымъ ресурсамъ. Эти соображенія должны быть предпосланы къ разсмотрѣнію Государственной Думой внесенныхъ въ нее Министерствомъ Финансовъ законодательныхъ предположеній объ установленіи новыхъ налоговъ и преобразованіи нѣкоторыхъ существующихъ видовъ обложенія. Руководящею мыслью Министерства Финансовъ было достиженіе возможной равномерности обложенія и возможнаго освобожденія широкихъ массъ неимущаго населенія отъ дополнительнаго налогового бремени. Нѣкоторыя исправленія въ недостаточной уравнительности въ нашей податной системѣ внесетъ, по проекту Министерства Финансовъ, подоходный налогъ. Проектъ же обложенія нѣкоторыхъ предметовъ, доступныхъ лицамъ достаточнымъ, вызвали стремленія министерства избѣгать отягощенія малоимущихъ слоевъ населенія. Остальные проекты Министерства Финансовъ относятся къ осуществленію мысли о пересмотрѣ системы реального обложенія и о преобразованіи нѣкоторыхъ видовъ пошлинъ и, главнымъ образомъ, пошлинъ наслѣдственныхъ. Всѣ эти преобразованія не являются осуществленіемъ полной и стройной системы податного строя. При теперешнихъ обстоятельствахъ правительство надѣется достигнуть ими, лишь при наименьшихъ жертвахъ со стороны плательщиковъ, возможности не только проведенія настоятельной необходимости государственныхъ реформъ, но и оживленія дѣятельности органовъ общественнаго самоуправленія путемъ передачи имъ нѣкоторой части нынѣшнихъ государственныхъ доходовъ, такъ какъ, расширяя кругъ дѣйствій земствъ и городовъ, правительство обязано дать имъ возможность вышолнить возложенныя на нихъ обязанности.

Изложивъ передъ Государственной Думой программу законодательныхъ предположеній правительства, я бы не выполнилъ своей задачи, если бы не выразилъ увѣренности, что лишь об-

думанное и твердое проведеніе въ жизнь высшими законодательными учрежденіями новыхъ началъ государственнаго строя поведетъ къ возрожденію великой нашей родины. Правительство готово въ этомъ направленіи приложить величайшее усиліе. Его трудъ, добрая воля, накопленный опытъ предоставляются въ распоряженіе Государственной Думы, которая встрѣтитъ въ качествѣ сотрудника правительство, сознающее свой долгъ хранить историческіе завѣты Россіи и возстановитъ въ ней порядокъ и спокойствіе, т. е. правительство стойкое и чисто-русское, каковымъ должно быть и будетъ правительство Его Величества“.

Это заявленіе премьеръ-министра вызвало въ Государственной Думѣ рѣзкія рѣчи со стороны депутатовъ соціалъ-демократической партіи.

Членъ Государственной Думы Церетелли (с.-д.) произнесъ рѣчь, направленную противъ министерства и затѣмъ прочиталъ заявленіе соціалъ-демократической фракціи, въ которомъ содержится критика дѣятельности министерства и излагается программа дѣятельности соціалъ-демократической фракціи. Изъ числа другихъ говорившихъ членовъ Госуд. Думы Озолъ (с.-д.) остановилъ вниманіе присутствовавшихъ на положеніи рабочихъ, на локаутахъ и безработицѣ. Другіе ораторы лѣвыхъ партій предлагали прекратить пренія по поводу деклараціи и безъ мотивировки перейти къ очереднымъ дѣламъ. Но правые не соглашались. Изъ числа ихъ Преосвященный Платонъ, Епископъ Чигиринскій, депутатъ отъ г. Кіева, произнесъ слѣдующую рѣчь:

„Господа народные представители! Миѣ сказали, что сегодня послѣ деклараціи, мы перейдемъ прямо къ очереднымъ дѣламъ и я хотѣлъ обратиться къ вамъ лишь съ краткимъ словомъ, но теперь, выслушавъ нѣкоторыя рѣчи, возмутившія меня до глубины души ихъ неправдой, я отвѣчу на нихъ. Здѣсь, между прочимъ, въ рѣчахъ Церетелли и Озоля было употреблено слово „погромщикъ“. Это слово возмутило меня до глубины души. Рекомендую господа, посмотрѣть на погромщика. Погромщикъ— это я—по словамъ газеты „Товарищъ“. Меня, пріѣхавшаго изъ Кіева, удостоившагося довѣрія дорогого миѣ, родного Кіева, меня встрѣтили привѣтствіемъ: „погромщикъ“, меня, который, ваяясь въ грязи передъ погромщиками, умолялъ ихъ прекратить погромъ. И вотъ эта ложь продолжается здѣсь, въ этомъ святомъ мѣстѣ на фронтонѣ котораго должно быть написано: правда въ жизни дороже самой жизни.

Я слышалъ здѣсь возмутительныя неслыханныя вещи, но я прощаю этихъ господъ"... (Предсѣдатель останавливаетъ оратора).

Еп. Платонъ продолжаетъ: „Выслушавъ декларацію, я подумалъ, слава Богу работать съ правительствомъ совмѣстно возможно. Возможна именно та работа, для которой мы здѣсь собрались, ибо на мой взглядъ декларація вытекаетъ изъ началъ правды, права и свободы. Я увѣренъ былъ въ томъ, что настоящая Дума не послѣдуетъ примѣру первой Думы и ея своды не огласятся безпощадной критикой министерской деклараціи, какъ огласились своды Таврическаго дворца критикой деклараціи, прочитанной въ первой Думѣ. На мой взглядъ декларація дѣйствительно соотвѣтствуетъ истиннымъ нуждамъ и потребностямъ русскаго народа.

Мнѣ казалось, что Думѣ слѣдуетъ мирно и спокойно приступить къ разрѣшенію великой задачи, къ великой работѣ. Первая Дума хотѣла сразу взять въ свои руки инициативу въ работѣ, наша Дума могла бы работать совмѣстно съ правительствомъ, а потомъ уже современемъ инициатива могла перейти въ ея руки, такъ какъ безусловно вѣрно и несомнѣнно, что наша Дума въ ея цѣломъ могла бы реализовать не только то, что предложить ей правительство, но и то, что чаеетъ въ себѣ самъ народъ. Конечно, въ работѣ естественно не терпѣніе и Дума будетъ имѣть это не терпѣніе съ правительствомъ. Имѣю я въ виду и то безусловно полное трагизма явленіе—это отношенія между нашими думскими партіями.

Съ удовольствіемъ, однако, констатирую фактъ, что думской работѣ не можетъ служить препятствіемъ то общее положеніе массъ, въ силу котораго въ массѣ обычно находится больше Соломоновъ на шумѣ, чѣмъ на работу... но есть... безусловно великое препятствіе въ нашей работѣ, на которое я сейчасъ и укажу. Отъ Думы зависитъ употребить мѣры къ успокоенію страждущей, несчастной страны, и пусть наша Дума окажетъ свое могущественное слово въ осужденіе тѣхъ политическихъ убійствъ, грабежей, разбоевъ, которые совершаются теперь изъ-за политическихъ будто бы идей. Пусть Дума скажетъ свое слово осужденія, какія бы эти идеи ни были“. (Шумные аплодисменты справа).

Затѣмъ въ концѣ засѣданія была произнесена слѣдующая рѣчь премьеръ-министромъ:

„Господа, я не предполагалъ выступить вторично передъ Госу-

дарственной Думой, но тотъ оборотъ который приняли пренія, заставляеть меня просить вашего вниманія. Я хотѣлъ бы установить, что правительство во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, во всѣхъ своихъ заявленіяхъ Государственной Думѣ будетъ держаться исключительно строгой законности. Правительству желательно было бы отыскать ту почву, на которой возможна была бы совмѣстная работа, найти тотъ языкъ, который былъ бы одинаково намъ понятенъ.

„Я отдаю себѣ отчетъ, что такимъ языкомъ не можетъ быть языкъ ненависти и злобы. Я этимъ пользоваться не буду. Возвращаясь къ законности, я долженъ заявить, что о каждомъ нарушеніи ея, о каждомъ случаѣ, несоотвѣтствующемъ ей, правительство обязано будетъ громко заявлять. Это его долгъ передъ Думой и страной. Въ настоящее время я утверждаю, что Государственной Думѣ волею Монарха не дано права выражать правительству неодобреніе, порицаніе или недовѣріе. Это не значить, что правительство бѣжитъ отъ отвѣтственности. Безуміемъ было бы предполагать, что люди, которымъ была поручена власть во время великаго историческаго перелома, во время переустройства всего законодательнаго государственнаго устоя, чтобы люди, сознающіе всю тяжесть возложенныхъ на нихъ задачъ, не испробовали тяжести, взявъ на себя отвѣтственность. Но надо помнить, что въ то время, когда въ нѣсколькихъ верстахъ отъ столицы, отъ Царской резиденціи, волновался Кронштадтъ, когда измѣна ворвалась въ Свеаборгъ, когда пылалъ Прибалтійскій край, когда революціонная волна разлилась по Польшѣ и Кавказу, когда остановилась вся дѣятельность въ южномъ промышленномъ районѣ, когда распространились крестьянскіе беспорядки, когда начался ужасъ и терроръ, правительство должно было или отойти и дать дорогу революціи, забывъ, что власть есть хранительница государственности и цѣлости русскаго народа, или дѣйствовать и отскакивать то, что было ей ввѣрено. Но, господа, принимая второе рѣшеніе, правительство роковымъ образомъ навлекло на себя обвиненіе. Ударяя по революціи, правительство, несомнѣнно, не могло не задѣтъ частныхъ интересовъ. Въ то время правительство задалось одною цѣлью | сохранить тѣ завѣты, тѣ устои, начала которыхъ были положены въ основу реформъ Императора Николая II.

„Ворясь исключительными средствами въ исключительное время, правительство ввело и привело страну во вторую Думу

Я долженъ сказать—и желалъ бы, чтобы мое заявленіе было слышно далеко за стѣнами этого собранія,—что тутъ волею Монарха нѣтъ ни суда ни обвиняемыхъ, что эти скамьи (*показываетъ на скамью министровъ*)—не скамьи подсудимыхъ. Это мѣста правительства (*справа: „браво, браво“*). За наши дѣйствія въ эту историческую минуту,—дѣйствія, которыя должны вести не ко взаимной борьбѣ, а ко благу нашей родины, мы точно такъ же, какъ и вы, дадимъ отвѣтъ передъ исторіей. Я убѣжденъ что та часть Государственной Думы, которая желаетъ работать, которая желаетъ вести народъ къ просвѣщенію, желаетъ разрѣшить земельныя нужды крестьянъ, сумѣетъ провести тутъ свои взгляды, хотя бы они были противоположны взглядамъ правительства. Я скажу даже болѣе, я скажу, что правительство будетъ привѣтствовать всякое открытое разоблаченіе какого-либо нестройства, какихъ-либо злоупотребленій. Въ тѣхъ странахъ, гдѣ еще не выработано опредѣленныхъ правовыхъ нормъ, центр тяжести, центръ власти лежитъ не въ установленіи его въ людяхъ. Людямъ свойственно ошибаться и увлекаться и злоупотреблять властью. Пусть эти злоупотребленія будутъ разоблачены, пусть они будутъ судимы и осуждены, но иначе должно правительство относиться къ нападкамъ, ведущимъ къ созданію нестроенія, въ атмосферѣ котораго должно готовиться открытое выступленіе. Этими нападками рассчитываютъ на то, чтобы вызвать у правительства, у власти параличъ и воли и мысли, всё они сводятся къ двумъ словамъ, обращеннымъ къ власти: „руки вверхъ“. На эти два слова, господа, правительство съ полнымъ спокойствіемъ, съ сознаніемъ своей правоты, можетъ отвѣтить только два слова: „не запугаете“ (*бурные аплодисменты справа*).

Послѣ этой рѣчи П. А. Столыпина предѣдатель Государственной Думы приступилъ къ баллотировкѣ: желаетъ ли Дума простой переходъ или мотивированный? Большинствомъ, кромѣ правыхъ, принята формула о простомъ переходѣ.

Упомянутая рѣчь премьеръ-министра составляетъ цѣлое событіе и обратила на себя вниманіе не только нашей, но и заграничной печати. „Совершенно понятно, говор. „Церк. Гол.“ что мужественная рѣчь нашего премьеръ-министра вызвала самыя искреннія выраженія признательности со стороны всѣхъ здравомыслящихъ людей, желающихъ успокоенія Россіи. Вѣдь всѣ помнятъ, что этотъ человѣкъ пережилъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ весь ужасъ современной нашей революціонной смуты“

При крикѣ обезумѣвшихъ фанатиковъ „да здравствуетъ свобода!“ была брошена бомба въ его домъ, и въ одно мгновеніе двое изъ его дѣтей получили страшныя увѣчья, а самъ онъ и вся его семья какимъ-то чудомъ остались въ живыхъ, тогда какъ столько невинныхъ жертвъ пало вокругъ него... До сего времени его дочка еще не совсѣмъ поправилась послѣ тяжкихъ ушибовъ и пораненій и вынесла такія невыразимыя страданія!

И все это пережили этотъ русскій человекъ и, не покладая рукъ, продолжаетъ работать, чтобы исполнить предъ родиной свой долгъ до конца!“

Другая газета („Харьк. Вѣдом.“) совершенно справедливо заявляетъ по поводу правительственной деклараціи слѣдующее: „Могучая русская Имперія сложилась подъ вліяніемъ творческаго взаимодействія православія, самодержавія и русской народности. Эти великія созидательныя начала проявляли свое благотворное вліяніе во всѣхъ сферахъ исторической жизни нашего государства, но въ послѣдніе годы подверглись ожесточенному нападенію со стороны инородцевъ, выдвигающихъ слишкомъ много притязаній въ ущербъ священнымъ правамъ русскаго народа. Смута и крамола потрясаютъ нынѣ самыя устои нашего бытія, а потому необходимо съ особеннымъ вниманіемъ относиться къ заявленіямъ правительства, показывающимъ его отношеніе къ народнымъ святынямъ, къ нашимъ зиждущимъ историческимъ силамъ. Такъ называемая „декларация“, только что прочитанная г. предсѣдателемъ Совѣта Министровъ, даетъ вполне опредѣленный и ясный отвѣтъ на существенно важный вопросъ, разрываетъ ли правительство живую связь съ прошлымъ, или остается вѣрнымъ нашему прежнему пути, желая обновленія и возрожденія *святой Руси*, а не созданія какой то новой смеси племенъ и народовъ“.

Открытіе засѣданій Государственнаго Совѣта состоялось 20 го февраля, послѣ молебствія, совершеннаго Высокопреосвященнымъ Антоніемъ, митрополитомъ С-Петербургскимъ и Ладожскимъ, въ сослуженіи съ высокопреосвященными архіепископами Арсеніемъ и Николаемъ и Преосвященнымъ епископомъ Никономъ. По окончаніи молебствія и по прочтеніи Государственнымъ секретаремъ, барономъ Искуль-фонъ-Гильденбандтомъ Именнаго Высочайшаго Указа 10-го іюля 1906 года, Предсѣдатель Государственнаго Совѣта, статсъ-секретарь д. т. с. Фришъ, объявилъ засѣданіе Госу-

дарственного Совѣта открытымъ. Затѣмъ, Государственнымъ Секретаремъ были прочитаны Высочайшіе Указы о назначеніи Предсѣдателя и Вице-Предсѣдателя Государственного Совѣта, а также именной списокъ вновь назначенныхъ и избранныхъ членовъ Государственного Совѣта. Далѣе, по предложенію Предсѣдателя, была почтена воставаніемъ память скончавшихся членовъ Государственного Совѣта. По поводу же убійства членовъ Государственного Совѣта графа А. П. Игнатъева и барона О. Р. Будберга постановлено, по предложенію члена Государственного Совѣта гр. Д. А. Олсуфьева, особо выразить соболъзнованіе и негодованіе.

Большой интересъ засѣданія Государственного Совѣта сосредоточился на запросѣ 36 членовъ правой группы по поводу безпорядковъ въ высшей школѣ. Членъ Госуд. Совѣта Ф. Д. Самаринъ въ прекрасной рѣчи, въ засѣданіи 10-го марта, обрисовалъ нѣкоторые факты изъ исторіи студенческихъ безпорядковъ. Отмѣтивъ то обстоятельство, что „вышія учебныя заведенія дошли уже до крайней степени разложенія“, г. Самаринъ заявилъ, что „необходимо гласно и авторитетно установить права университетской администраціи принимать самыя рѣшительныя мѣры до тѣхъ поръ, пока не прекратятся безпорядки и университеты не выйдутъ на правильный путь. Все это мы можемъ заявить лишь путемъ запроса. Молчать дальше мы считаемъ преступнымъ“. Запросъ этотъ вызвалъ продолжительныя пренія. Тогда же была произнесена и прекрасная рѣчь профес.-прот. Т. Ив. Вуткевича, напечатанная въ нашемъ журналѣ, въ № VI за с. г. Запросъ былъ отвергнутъ незначительнымъ большинствомъ (79-ю голосами противъ 75-ти). Но очень важно то, онъ былъ именно затронуть Вѣримъ, что наступитъ время, и быть можетъ въ недалекомъ будущемъ, когда наша высшая школа не станетъ производить безпорядки и „угрожать общественному спокойствію“...

Архіерейскія богослуженія.

14-го апрѣля, въ субботу Лазареву, Преосвященнымъ Евгеніемъ, Епископомъ Сумскимъ, послѣ малой вечерни въ кафедральномъ

соборѣ, въ 4 часа, былъ совершенъ крестный ходъ съ вербами изъ собора въ Покровскій монастырь при участіи соборнаго и градскаго духовенства. По прибытіи въ Озерянскую церковь была произнесена проповѣдь священникомъ о. П. Скубачевскимъ и архіерейскимъ хоромъ исполненъ двухорный концертъ „Воспойте людіе“.

Въ 6 час. веч. были совершены всенощныя бдѣнія: въ кафедральномъ соборѣ—Высокопреосвященнымъ Архіепископомъ Арсеніемъ, въ монастырѣ—Преосвященнымъ Епископомъ Евгеніемъ.

— 15-го апрѣля, въ недѣлю Ваѣй, Высокопреосвященнѣйшій Архіепископъ Арсеній совершилъ литургію въ Озерянской церкви Покровскаго монастыря, а въ кафедральномъ соборѣ литургію совершалъ Преосвященный Епископъ Евгеній.

— 16-го апрѣля, въ в. понедѣльникъ, Его Высокопреосвященство благоволило совершать Преждеосвященную литургію въ церкви Харьковскаго института благородныхъ дѣвицъ; а Преосвященный Евгеній—въ Покровскомъ монастырѣ.

— 17-го апрѣля, въ в. вторникъ, Преждеосвященныя литургія совершала: Высокопреосвященный Арсеній—въ Покровскомъ монастырѣ, а Преосвященный Евгеній—въ кафедральномъ соборѣ.

18-го апрѣля, въ в. среду, Высокопреосвященный Архіепископъ Арсеній совершилъ Преждеосвященную литургію въ кафедральномъ соборѣ, а Преосвященный Епископъ Евгеній—въ Покровскомъ монастырѣ.

— 19-го апрѣля, въ в. четвертокъ, литургію въ кафедральномъ соборѣ совершалъ Преосвященный Епископъ Евгеній въ сослуженіи архимандритовъ Покровскаго монастыря—Аванасія и Аркадія, кафедральнаго протоіерей, о. С. Любцаго, ключаря протоіерей І. Гончаревскаго, священниковъ о. Г. Виноградова и о. Л. Твердохлѣбова.

Въ тотъ же день, въ 6 час. веч., службу св. страстей совершали: въ кафедральномъ соборѣ—Высокопреосвященный Архіепископъ Арсеній, въ сослуженіи архимандритовъ—Аванасія и Аркадія, кафедральнаго протоіерей о. С. Любцаго, ключаря протоіерей І. Гончаревскаго, и соборныхъ священниковъ—о. Г. Виноградова, о. Л. Твердохлѣбова и о. В. Яновскаго; въ Покровскомъ монастырѣ—Преосвященный Епископъ Евгеній въ сослуженіи архимандрита Іосифа и монашествующихъ.

— 20-го апрѣля, въ в. пяттокъ, въ 2 час. дня, Его Высокопреосвященствомъ въ кафедральномъ соборѣ была отслужена великая

вечерня и совершенно торжественное перенесеніе плащаницы изъ собора въ Покровскій монастырь при участіи архимандритовъ— Аѳанасія и Аркадія, соборнаго и градскаго духовенства. Преосвященный Епископъ Евгенийъ служилъ вечерню въ Озерянской церкви Покровскаго монастыря и съ монастырской братіей встрѣчалъ плащаницу при входѣ въ монастырь. По принесеніи плащаницы въ Озерянскую церковь была сказана проповѣдь законоучителемъ священникомъ о. І. Бурговымъ.

— 21 го апрѣля, въ в. субботу, въ 4 час. у. утреню служилъ въ Покровскомъ монастырѣ—Высокопреосвященный Архіепископъ Арсеній, а въ кафедральномъ соборѣ—Преосвященный Епископъ Евгенийъ.

Въ тотъ же день, въ 11 ч. 30 м. д., Преосвященный Епископъ Евгенийъ совершилъ литургію въ Покровскомъ монастырѣ.

— 22-го апрѣля, въ день Пасхи, Высокопреосвященный Архіепископъ Арсеній совершалъ утреню и, непосредственно послѣ нея, литургію въ кафедральномъ соборѣ—въ сослуженіи съ Преосвященнымъ Епископомъ Евгениемъ. Въ служеніи участвовали: архимандриты—Аѳанасій и Аркадій, кафедральный протоіерей о. С. Любицкій, ключарь протоіерей І. Гончаревскій, соборные священники: о. Г. Виноградовъ, о. Л. Твердохлѣбовъ, о. В. Яновскій и іеромонахи Іосифъ. Въ соборѣ на богослуженіи присутствовали Харьковскій генерал-губернаторъ и вице-губернаторъ, представители военнаго и гражданскихъ вѣдомствъ и высшаго общества.

Въ тотъ же день, въ 4 ч. пополудни, Преосвященный Евгенийъ служилъ вечерню въ Озерянской церкви Покровскаго монастыря.

— 23-го апрѣля, въ день тезоименитства Государыни Императрицы Александры Феодоровны, литургію въ кафедральномъ соборѣ совершалъ Высокопреосвященный Архіепископъ Арсеній въ сослуженіи съ Преосвященнымъ Евгениемъ. Въ служеніи участвовали: архимандриты—Аѳанасій и Аркадій, кафедральный протоіерей о. С. Любицкій, ректоръ семинаріи протоіерей о. А. Юшковъ, ключарь протоіерей І. Гончаревскій и священникъ о. Л. Твердохлѣбовъ. Послѣ литургіи былъ отслуженъ молебенъ св. мученицѣ царицѣ Александрѣ и совершенно освященіе новосооруженнаго знамени Харьковскаго Русскаго собранія; затѣмъ были произнесены многолѣтія Государю, Государынь и всему Царствующему Дому и богохранимой Россійской Державѣ.

На богослуженіи присутствовали: Харьковскій генерал-губернаторъ, представители военнаго и гражданскихъ вѣдомствъ и много молящихся.

Протоіерей І. Гончаревскій.

Перенесеніе иконы Озерянской Божіей Матери.

26-го апрѣля послѣ божественной лютургіи, совершенной архіерейскимъ служеніемъ, состоялось перенесеніе иконы Озерянской Божіей Матери изъ Харьковского Покровскаго монастыря въ Куряжскій. Стеченіе народа было громадное. Число прибывшихъ однихъ только селянъ исчисляется болѣе ста тысячъ; не менѣе того было и коренныхъ Харьковскихъ жителей.

Въ процессіи принимали участіе Высокопреосвященный Арсеній, Архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій, Преосвященный Евгеній, Епископъ Сумскій, Харьковское духовенство, Харьковскій временный генералъ-губернаторъ, ген.-лейтен. Н. Н. Пѣшковъ, замѣняющій городского голову К. А. Зворыкинъ, купеческій староста И. К. Величченко, генералитетъ, должностныя лица, представители городского общественнаго управленія и впервые патріотическія организаціи—Русскаго Собранія и Союза русскаго народа со своими хоругвями. Порядокъ былъ образцовый.

НЕКРОЛОГЪ.**Миссіонеръ-сотрудникъ Яковъ Θεоктистовичъ
Глаголевъ.**

(† 15-го декабря 1906 года).

15-го декабря 1906 г., въ слоб. Ольховаткѣ, Волчанскаго уѣзда, Харьковской губ., послѣ непродолжительной, но тяжелой болѣзни волею Божіею, на 22 году своей жизни, скончался миссіонеръ-сотрудникъ Яковъ Θεоктистовичъ Глаголевъ.

Покойный былъ сынъ священника Воронежской епархіи, поселка Брючнскаго, гдѣ отецъ его состоитъ приходскимъ священникомъ, исполняя въ тоже время много лѣтъ обязанности окружнаго противораскольническаго миссіонера. По окончаніи курса въ начальномъ училищѣ, для дальнѣйшаго образованія Глаголевъ поступалъ было въ Воронежскую мужскую прогимназію, но къ сожалѣнію, судьба судила иначе и онъ, не окончившись здѣсь и 2-хъ лѣтъ, случайно серьезно повредилъ себѣ одну ногу, почему и вынужденъ былъ оставить свое ученіе. Попытка вылѣчить ногу медицинскими средствами не привела ни къ какимъ результатамъ.

Сдѣлавшись калѣкою и лишившись по случаю этого формальнаго образованія, покойный рѣшилъ прибѣгнуть къ самообразованію: онъ сталъ усердно читать книги, преимущественно богословскаго и миссіонерскаго характера, а на противораскольническую литературу онъ обратилъ особенное вниманіе, почему въ скоромъ времени сдѣлался хорошимъ помощникомъ своему отцу въ „бесѣ-

дахъ съ раскольниками. Не рѣдко было, что онъ, какъ у себя въ поселкѣ, такъ и въ его окрестностяхъ провоздвѣялъ публичныя и частныя бесѣды съ пами, о чемъ скоро стало извѣстно Воронежскому епархіальному миссіонеру свящ. о. Михайлу Граціавскому, который, для убѣжденія въ миссіонерскія способности Глаголева дѣлялъ какъ бы репетицію послѣднему, выслушалъ одну, провозведенную имъ публичную бесѣду съ раскольниками, послѣ которой не разъ выражалъ покойному сердечную благодарность и въ знакъ признательности подарилъ ему книгу. Не смотря на то, что отецъ покойнаго любилъ его болѣе всѣхъ дѣтей, онъ, повидимому, стѣснялся жить въ домѣ родителя безъ всякой должности, какъ будто сознавая, по своей скромности, что онъ какъ калѣка служить семьѣ въ тягость, чего однако ни отецъ его, ни братья, какъ мыѣ извѣстно, даже и въ умѣ не держали. Чтобы найти себѣ по своей способности должность, покойный подавалъ чуть ли не 10 преосвященнымъ разныхъ епархій просьбы объ опредѣленіи его миссіонеромъ, но къ своему огорченію всѣ его просьбы оставались безъ послѣдствій на томъ основаніи, что онъ не имѣлъ образовательнаго ценза; были конечно и другія причины, сдѣлавшія помѣхою неудовлетворенія его просьбъ. Наконецъ, въ ноябрѣ 1904 г., онъ прибылъ въ Харьковъ и подалъ о томъ же просьбу, бывшему викарію Харьковской епархіи преосвященному Алексію (Дородницыну), который, какъ председатель мѣстнаго миссіонерскаго совѣта, принялъ его просьбу и послалъ на испытаніе ко мыѣ. Послѣ 2-хъ часоваго разговора съ покойнымъ о миссіонерскихъ вопросахъ, пререкаемыхъ раскольниками, я убѣдился, что онъ весьма пригоденъ къ миссіонерской дѣятельности, почему и сдѣлалъ докладъ преосвященному Алексію, чтобы просьбу Глаголева, объ опредѣленіи его миссіонеромъ удовлетворить. Будучи въ заведеніи миссіонерскаго совѣта 18 декабря того же года, я опять лично подтверждалъ свое мнѣніе о покойномъ, вслѣдствіе чего совѣтъ журнальнымъ постановленіемъ зачислилъ его миссіонеромъ съ наименованіемъ „миссіонеръ-сотрудникъ“. Жалованье покойному было назначено 300 руб. въ годъ съ разъѣзднымъ, а мѣстожительство ему указано слобода Ольховатка, Волчанскаго уѣзда, какъ центръ безноповицкаго раскола во всемъ уѣздѣ. Въ февралѣ 1905 г. онъ отправился на мѣсто своей службы, бывъ предварительно снабженъ необходимыми книгами. По пріѣздѣ въ Ольховатку, покойный усердно принялся обличать расколъ. Производилъ публичныя и частныя бесѣды, какъ въ самой Ольховаткѣ, такъ и

въ другихъ селахъ и прилегающихъ къ нимъ хуторахъ. Старообрядцы, во главѣ съ своимъ наставникомъ (С. Н. Орловымъ) сначала охотно вступали съ нами въ бесѣды, но потомъ, потерпѣвъ отъ него неоднократно поражение, стали уклоняться отъ бесѣдъ. Своєю вѣжливостію, мягкостію характера, рѣдкою безпорочною жизнію и начтываюшностію, онъ, за короткое время, снискалъ себѣ всеобщую любовь и уваженіе. Любило его духовенство, учителя школы и почти всѣ раскольники, для которыхъ двери его убогой квартиры всегда была открыты. Описываемые факты мною лично были проверены, когда въ маѣ 1905 г. по распоряженію миссіонерскаго совѣта, я по дѣламъ миссіи былъ посланъ въ Ольховатку. Будучи неутомимымъ въ устныхъ бесѣдахъ съ старообрядцами, покойный неоднократно помѣщалъ свои статьи миссіонерскаго характера, какъ въ мѣстномъ епархіальномъ органѣ, журналѣ „Вѣра и Разумъ“, такъ и миссіонерскихъ журналахъ „Православномъ путеводителѣ“, „Миссіонерскомъ сборникѣ“ и газетѣ „Колоколѣ“. Въ послѣднее время, покойный часто велъ со мною переписку, въ которой часто жаловался на жестокость и упорство старообрядцевъ. Когда ему приходилось бывать въ Харьковѣ, онъ почти всегда бывалъ за службою во звѣренной мѣтѣ единовѣрческой церкви, отъ души умилелся уставною службою и часто говаривалъ, что если бы въ Ольховаткѣ открыть единовѣріе, то многіе раскольники немедленно оставили бы расколъ. Послѣдній разъ, покойный былъ у меня въ 1-й половинѣ ноября 1906 г., когда онъ, почувствовавъ необыкновенную боль въ той ногѣ, которая у него недѣйствовала, пріѣзжалъ въ Харьковъ для совѣта съ врачами, которые причиною боли признали плохое питаніе, почему рекомендовали ему всегда употреблять скоромную пищу, чего онъ, живя между раскольниками, никакъ не могъ исполнять, затѣмъ у него оказался острый катаръ желудка, который и свелъ его въ могилу.

О похоронахъ покойнаго „Харьковскія Вѣдом.“ сообщили слѣдующее. „17-го декабря, послѣ утренн. послѣдовадъ выносъ изъ квартиры, а послѣ литургіи совершено и погребеніе миссіонера Я. Ѳ. Глаголева. Покойный—сынъ священника-миссіонера Воронежской епархіи, послѣдніе два года, по распоряженію начальства, проживалъ въ Ольховаткѣ, гдѣ много старообрядцевъ—безпоповцевъ, съ которыми онъ ежедневно велъ бесѣду, если не въ селѣ, или какомъ нибудь хуторѣ, то непременно въ своей квартирѣ, двери которой во всякое время открыты для каждаго, же-

лающего слушать его убѣдительную бесѣду. Не смотря на слабое здоровье, онъ такъ усердствовалъ дѣлу, что окончательно подорвалъ его, проболѣвъ не болѣе недѣли, умеръ такъ неожиданно для каждаго кто его звалъ, а знали его всѣ, какъ старообрядцы, такъ и православные, вбо покойный, въ такое сравнительно короткое время, своею общительностію успѣлъ расположить къ себѣ каждаго съ истиннымъ уваженіемъ къ нему; его всѣ, можно сказать, любили, даже дѣти, называя его „коммиссіонеромъ“, ставили себѣ въ непремѣнный долгъ, при встрѣчѣ, снять шапку, сдѣлать ему почтенный поклонъ. Покойный—человѣкъ повидному неказистый; роста маленькаго, ходилъ на костыляхъ, физически калѣка, но сила духа въ немъ, такъ поразительна, что, бесѣдуя съ нимъ, удивляешься, какъ это онъ, будучи молодымъ человѣкомъ, никогда не позволялъ высказать жалобу на судьбу, или въ чемъ-нибудь неудовольствіе,— всегда веселый, добродушный, строгій образомъ жизни къ себѣ, всегда представлялъ пріятнаго и полезнаго собесѣдника. Когда узнали о времени погребенія, собралось много молящихъ и отдать послѣдній долгъ усопшему доброму человѣку и во истину честному труженнику. Погребеніе совершено соборно. Во время погребенія были сказаны рѣчь, приличная случаю. Первую говорилъ настоятель о. Сергій Дмитріевъ, онъ охарактеризовалъ тяжелую жизнь покойнаго съ самаго дѣтства. Послѣ него сказалъ слово учитель Чугуновскаго народнаго училища К. В. Сергіевъ; интонаціей своего голоса и трогательнымъ выраженіемъ мысли привелъ многихъ въ слезы; онъ сравнивалъ покойнаго съ дикой, на видъ жалкой, какъ бы никуда негодной лѣсной вѣткой яблони, которая, будучи принесена садовникомъ изъ лѣса въ роскошный садъ, украсила его своими цвѣтами и дала красивыя и пріятныя плоды. Въ заключеніи было сказано послѣднее слово вторымъ священникомъ, о. Д. Лукашевымъ. Мяръ праху твоему, добрый и честный труженникъ, а могила твоя, далекая отъ родныхъ, да послужитъ памятникомъ о тебѣ дорогой в незабвенный Яковъ Θεоктистовичъ“. (Хар. Вѣд. № 288, 1906 г.).

Вѣчная гдѣ память, скажемъ и отъ себя, рабъ Божій Іаковъ! Потеря твоя для мисси Харьковской епархіи тяжелая. Если ты былъ обиженъ судьбою въ сей временной жизни, то я вѣрю, что въ небесныхъ чертогахъ Творца всея твари найдешь себѣ вѣчное упокоеніе въ нѣдрахъ Авраама, Исаака и Іакова!

Иноепархіальный отдѣлъ.

Воззваніе Преосвященнаго Таврическаго Алексія по поводу нападокъ на св. Церковь и ея служителей.

„Въ послѣднее время появилось много лицъ, которые желали бы устроить и церковную, и гражданскую жизнь по своему. Принявъ на себя личину ревнителей истины и правды, челоуѣколюбія и состраданія, но руководясь не свѣтомъ истины Христовой и закономъ правды Божіей, а внушеніями страстей и похотей своихъ грубыхъ и чувственныхъ сердець, они придумываютъ и провозглашаютъ ученія крайне живыя и гибельныя, устремляя свое вниманіе болѣе всего на тѣхъ, кого можно прельстить: на юношей, еще неокрѣвшихъ въ своихъ убѣжденіяхъ и легко увлекающихся, и на простой народъ, въ большинствѣ малограмотный или даже и вовсе неграмотный. И здѣсь то сбывается слово нашего Господа, сказанное Имъ о всѣхъ живыхъ учителяхъ, которые приходятъ во одеждахъ овчихъ, внутри же суть волцы хищницы. Отъ плодъ ихъ, говоритъ Господь, узнаете ихъ. Примѣчайте же, возлюбленные чада церкви, какъ эти ревнители мнимой правды, челоуѣколюбія и состраданія, нагло и грубо, или же тонко и прискорбно, но тѣмъ не менѣе жестоко и извѣтельно осмѣиваютъ всякаго, кто, оставаясь невзмѣнно вѣрнымъ ученію Христову, не хочетъ сообразоваться съ ихъ мнѣніями и ученіями,— какъ они, подъ видомъ просвѣщенія и образованія людей непросвѣщенныхъ, подъ видомъ искорененія суевѣрій и предрасудковъ, всоружаются противъ Божественной истины Евангелія, противъ ученія о правахъ челоуѣческихъ и его свободѣ; они проповѣдуютъ не свободу евангельскую и не истинно гражданскую свободу, а дерзкое своеволие и произволь, разнузданность всѣхъ страстей, неуваженіе къ существующему порядку, недовольство настоящимъ,— не то недовольство, которое желало бы путемъ правды, истины и добра, словомъ христіанской любви и убѣжденія исправить дѣйствительные недостатки жизни, а то, которое хотѣло бы путемъ насилія и убійства испровергнуть существующій порядокъ только потому, что онъ не даетъ возможности удовлетворить ихъ постыднымъ желаніямъ и страстямъ. Будучи оже-

сточевными врагами церкви и ее служителей и боясь въ лицѣ послѣднихъ найти грозныхъ своихъ обличителей, эти люди хотѣли отдѣлать церковь отъ государства, предоставить церковь самой себѣ такъ, чтобы ни государство не имѣло и не признавало надобности принимать участіе въ церкви, ни церковь не считала бы себя вправѣ требовать участія со стороны государства, а тѣмъ менѣе имѣла какое-нибудь основаніе и право входить такъ влпначе въ дѣла государства, т. е., хотѣли ливить церковь и ее служителей гражданскихъ правъ, какія предоставлялись ей и ее служителямъ христіанскими Государями всѣхъ временъ, начиная со времени Св. Равноапостольнаго Константина Великаго. Этотъ благочестивый Государь, даровавъ христіанамъ свободу вѣроисповѣданія, между прочимъ, приказалъ, чтобы и всѣ имуществва, сады, дома и др., принадлежащіе христіанскимъ церквамъ и отнятыя у нихъ во времена гоневій, были немедленно возвращены имъ. Видите, что естественнымъ правомъ пріобрѣтенія недвижимыхъ имуществъ церкви христіанскія пользовались и во времена гоневій на христіанъ, несмотря на постоянную опасность отнятія ихъ со стороны враждебно настроеннаго къ нимъ языческаго общества.

Вѣдь церковь Христова, хотя нѣсть отъ міра сего (Іоан. 18, 39), но существуетъ въ мірѣ (17, 18) и поэтому естественно должна входить съ нимъ въ необходимыя отношенія. Ученники Христовы, подобно ученію и пророчеству своего Учителя, раскрыли въ самихъ возвышенныхъ по духу чертахъ отношеній церкви въ государству. Несмотря на то, что современные имъ государства были всѣ равно чужды и враждебны возникающему христіанству, Апостолы ясно и положительно учили христіанъ: а) почитать Бога истиннаго,—читать и Царя (1 Петр. 2, 17), б) быть покорными всякому законному человѣческому учрежденію ради Господа (ст. 12—16), в) признавать всякую законную власть, какъ учрежденную отъ Бога, и противленіе ей—почитать противленіемъ Самому Богу; исполнять безпрекословно всѣ общественныя обязанности; отдавать всякому, что должно,—честь, дань и пр. (Рим. 13, 1 и 7), г) приносить молитвы Богу за Царя и за всѣхъ начальствующихъ: ибо такъ угодно Богу и такъ нужно для того, чтобы христіане въ обществѣ могли проводить жизнь тихую и безмятежную, въ благочестіи и чистотѣ нравовъ (Тим. 3, 1—3). Съ другой стороны, тѣ же Апостолы Христовы внушали общинамъ христіанскимъ содѣйствовать безбѣдному и благопріятному со-

держанію лицъ, служащихъ церкви (1 Кор. 9 глава). Если такъ они учили христіанъ среди обществъ, враждебныхъ христіанской церкви, то не можетъ быть инымъ это ученіе въ церкви теперь, когда христіанство уже господствуетъ повсюду въ просвѣщенныхъ государствахъ. И мы знаемъ, что въ продолженіи всей русской исторіи, начиная съ Владиміра святаго, водворившаго у насъ христіанство, служащія церкви лица, какъ отдавшія всецѣло себя на служеніе христіанскимъ общинамъ, всегда находили въ нихъ поддержку матеріальному своему благосостоянію.

Что же мы видимъ теперь? Именующіе себя чадами церкви православной, слѣдуя не слову провозвѣстниковъ Христовыхъ, а внушеніямъ мнимыхъ ревнителей истины и правды, постановляютъ одинъ за другимъ приговоры объ отобраніи церковныхъ земель, объ уменьшеніи или совершенномъ отнятіи жалованья у служащихъ церкви, и даже о лишеніи ихъ права на какое бы то ни было вознагражденіе за труды свои, забывая, что лица, служащія церкви, тѣ же люди, что они имѣютъ нужду наравнѣ со всѣми въ пищѣ, одеждѣ, жилищѣ и вообще въ средствахъ къ жизни и что лишеніе ихъ содержанія со стороны общества по необходимости должно повлечь за собою исканіе ими другихъ приходовъ и прекращеніе богослуженія въ мѣстахъ ихъ прежняго служенія. Такъ саянъ врагъ нашего спасенія: онъ воздвигаетъ уже говеніе на церковь Христову, не со стороны язычниковъ и иновѣрцевъ, а со стороны даже тѣхъ, которые именуютъ себя чадами ея. Внемлите отъ живыхъ пророковъ, говорятъ Господь нашъ, предостерегая насъ отъ такихъ и подобныхъ имъ учителей лжи и заблужденій, прикрытыхъ именемъ истины и правды. Внемлите—тщательно испытывайте и наблюдайте, каковы учителя, которыхъ вы слушаете, истинна ли говорить ихъ устами, а не ложь, желаніе ли общаго блага и пользы, а не своекорыстіе и другія низкія страсти руководятъ ихъ жизнію и поведеніемъ. Внемлите: ибо вѣрить всякому ученію, можетъ быть, только прикрывающемуся прекрасными именами науки, просвѣщенія, общественнаго благоустройства, свободы, уваженія къ естественнымъ правамъ и достоинству человѣка, вѣрить и слѣпо слѣдовать такому ученію, значитъ—стремиться къ разстройству и безпорядку въ дѣлахъ общественныхъ, къ разнузданности всѣхъ страстей—во всей вообще жизни человѣка. Внемлите же, остерегайтесь живыхъ пророковъ, вѣруйте всѣмъ сердцемъ и изучайтесь божественной и совершенной истинѣ и правдѣ, открытой намъ въ ученіи Евангелія и православно-вселевской церкви. Прислушивайтесь къ го-

досу пастырей вашихъ, стоящихъ на стражѣ этого ученія; ибо только это ученіе можетъ просвѣтить васъ тѣмъ небеснымъ свѣтомъ, который руководитъ человѣка къ жизни счастливой и благоустроенной, влести въ общество духъ вѣрнѣйшей свободы, внушая начальствующимъ челоуѣколюбивую заботливость о счастіи подчиненныхъ, а подчиненнымъ—довѣріе и уваженіе къ начальствующимъ, и привести васъ къ благоденствію въ жизни настоящей и безконечному блаженству—въ будущей.

Заключаемъ сіе смиренное воззваніе наше словами предсмертнаго завѣщанія всѣмъ вѣрнымъ святаго Апостола Петра: Итакъ, возлюбленные, будучи предварены о семъ, берегитесь, чтобъ не увлечься заблужденіемъ беззаконниковъ и не отпасть отъ своего утвержденія. Но возрастайте въ благодати и познаніи Господа нашего и Спасителя Іисуса Христа. Ему слава в державѣ во вѣки. Аминь". („Тавр. Ц.-О. Вѣстн.“).

Всемирный христіанскій студенческій союзъ.

Въ „Русск. Гол.“ читаемъ: кто изъ насъ, русскихъ, растрепавшихъ нравственно въ наши лихіе дни, въ этомъ ужасномъ кровавомъ туманѣ текущихъ печальныхъ событій, знаетъ, что на Божьемъ свѣтѣ существуетъ „всемирный христіанскій студенческій союзъ“, состоящій болѣе, чѣмъ изъ 105.000 студентовъ и профессоровъ, объединенныхъ единой живой вѣрой во Христа, въ цѣляхъ „евангелизаціи міра“ и „христіанизациіи студенчества“? А это несомнѣнный фактъ, ибо въ составъ этого „всемирнаго христіанскаго студенческаго союза“ входятъ цѣлыхъ 11 союзовъ, а именно: 1) с.-американскій и канадскій; 2) англійскій; 3) австралійскій; 4) индійскій и цейлонскій; 5) общій союзъ Квѣта, Кореи и Гонконга; 6) общій союзъ Франціи, Бельгіи, Швейцаріи и Голандіи; 7) Германскій; 8) Японскій; 9) Скандинавскій; 10) Южной Африки; 11) союзъ странъ, не имѣющихъ еще національныхъ союзовъ (Греція, Болгарія, Турція, Сербія, Палестина, Египетъ, Персія, Португалія, Зап. Африка и Южная Америка). При этомъ замѣчательно то, что даже въ Японіи студенскій союзъ, куда впрочемъ входятъ и взрослые гимназисты, обнимаетъ собою

58 мѣстныхъ союзовъ съ 3643 членами (въ томъ числѣ 850 женщинъ). Въ Америкѣ-же, этой демократической странѣ богатствъ и культурнаго прогресса, въ настоящее время христіанскій студенческий союзъ обнимаетъ собою 722 мужскихъ и 533 женскихъ,— всего 1255 мѣстныхъ союзовъ, съ количествомъ членовъ около 90000, что составляетъ половину всѣхъ студентовъ. С. Америки и Канады. Въ Англии такихъ мѣстныхъ студенческихъ союзовъ имѣется: 41 богословскій, 56 свѣтскихъ мужскихъ и 56 женскихъ, съ числомъ членовъ около 5000 человекъ. Въ Германіи Deutsche Christliche Studenten-Vereinigung“ имѣетъ библейскіе кружки въ 15 университетахъ и 8 политическихъ институтахъ, съ общимъ числомъ болѣе 400 членовъ. Главное руководство всемірнымъ союзомъ сосредоточено въ рукахъ генеральнаго комитета; въ составъ котораго входятъ по два делегата отъ каждой страны, собирающіеся въ два года разъ на созываемой для этой цѣли конференціи. Текущій дѣла вѣдаются управленіемъ, исполнительнымъ органомъ котораго является генеральный секретарь въ Нью-Йоркѣ. Составъ правленія въ настоящее время слѣдующій: председатель—Dr Karl Xris (шведъ), вице-председатель—Yoitsu Honda (японецъ), казначей—Arthur W. Davies (англичанинъ), генеральный секретарь—John R. Mott (американецъ). Особый отдѣлъ при генеральномъ комитетѣ вѣдаетъ дѣла женскихъ студенческихъ союзовъ; при немъ состоитъ генеральный секретарь—miss Ruth Rouse (англичанка). Вступая въ составъ всемірнаго союза отдѣльной страны не отказывается отъ своей національной или церковной самостоятельности, и генеральный комитетъ не вмешивается во внутреннія дѣла союзовъ, но заботится лишь о сохраненіи „единства духа въ союзѣ мира“. Такимъ образомъ всемірный союзъ студентовъ является и международнымъ и междуцерковнымъ неконфессіональнымъ христіанскимъ союзомъ на федеративныхъ началахъ. Разумѣется, нельзя не признать великаго и благодѣтельнаго значенія „всемірнаго христіанскаго студенческаго союза“ для цѣлыхъ народовъ и для университета въ частности. И если въ Америкѣ цѣлая половина всего студенчества примынула къ христіанскому союзу, то это очень много говорить за лучшее будущее Америки. Въ самомъ дѣлѣ, тамъ студенчество въ религіозно-нравственномъ отношеніи стоитъ гораздо выше, чѣмъ во всѣхъ странахъ міра. Объединяя и сплачивая между собою самые нравственные элементы въ студенческой средѣ, союзъ значительно усиливаетъ ихъ вліяніе. Значеніе христіанскаго студенческаго движенія велико и

для будущности развивающагося по всемірному женскаго высшаго образованія. Фактъ, что уже 40000 студентокъ участвуютъ во всемірномъ христіанскомъ союзѣ, служатъ доказательствомъ ихъ отзывчивости и отрадному залогомъ будущаго. Значеніе движенія велико и для церкви. Въ самомъ дѣлѣ, въ теченіе 25 лѣтъ изъ среды студенческаго союза въ Америкѣ 6000 человекъ посвятили, себя, по внутреннему убѣжденію в призванію, духовному званію. Для миссіонерской работы среди язычниковъ союзъ въ теченіи 20 лѣтъ поставилъ изъ своей среды болѣе 3500 развитыхъ тружениковъ. Немаловажно значеніе всемірнаго союза и въ смыслѣ международномъ. Онъ фактически сблизаетъ между собою интеллигенцію самыхъ различныхъ странъ, лучше всякихъ дипломатическихъ трактатовъ облегчаетъ сношенія и обмѣнъ добрыхъ услугъ, расширяетъ симпатіи, нисколько не затрогивая самобытности культурнаго развитія отдѣльныхъ націй. Фактъ, что болѣе 105000 студентовъ изъ 40 различныхъ народовъ участвуютъ въ союзѣ, самъ говоритъ за себя. Въ особенности цѣнно благотворное вліяніе христіанскаго студенческаго движенія на отдѣльныхъ лицъ въ студенческой средѣ. Христіанскій союзъ поддерживаетъ ихъ въ нравственной борьбѣ въ самый критическій періодъ ихъ жизни, вырабатываетъ изъ нихъ типъ мужественнаго, предприимчиваго, интеллигентнаго христіанина, будущаго полезнаго христіанскаго дѣятеля въ обществѣ. Наконецъ, всемірное христіанское студенческое движеніе является могущественною апологіей христіанства, доказывая всему міру, что оно не утратило своей силы среди самаго культурнаго класса современнаго общества, в что десятки тысячъ студентовъ и профессоровъ, по всему лицу земли, в въ наше время „вѣруютъ во Иисуса Христа, какъ своего Бога и Спасителя“.

Вопросъ о сборахъ съ церковей на духовно-учебныя заведенія.

Поднимался этотъ вопросъ между прочимъ и на Самарскомъ епархіальномъ съѣздѣ духовенства. Ближайшимъ поводомъ къ постановкѣ этого вопроса былъ тотъ фактъ, что нѣкоторыя церква и даже причты не сдѣлали соответствующихъ взносовъ на нужды духовно-учебныхъ заведеній за послѣдній годъ. При всестороннемъ обсужденіи даннаго вопроса, къ прискорбію съѣзда выяснилось, что не только церковныя старосты, прихожане, но и причты не всегда ясно сознаютъ необходимость таковыхъ взносовъ, не представляютъ того

тяжкаго положенія, къ какому должны придти наши учебныя заведенія, а чрезъ то—в вся наша православная паства, оставшись безъ подготовленныхъ пастырей. Дабы предотвратить могущее быть затрудненіе содержанія духовныхъ училищъ отъ неаккуратнаго вступленія ассигновокъ, основанныхъ на точномъ основаніи закона в самой строгой справедливости, съѣздъ высказалъ нѣскольکو соображеній, кои могутъ пособить, уяснить и можетъ быть предотвратить надвигающійся кризисъ въ содержаніи учебнаго заведенія. 1) Необходимо духовенству, состоявшему въ одну дружную семью, уяснить себѣ и всемъ прихожанамъ цѣль и смыслъ сборовъ съ церкви на духовно-учебныя заведенія. 2) Просить, по надлежащему, Св. Синоду принять болѣе близкое участие въ содержаніи не только духовныхъ семинаріѣ, но и духовныхъ училищъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

КЪ ВЕСЕННЕМУ СЕЗОНУ.

**ПОЛУЧЕНЫ ГРОМАДНЫЯ ПАРТІИ НОВѢЙШИХЪ
ТКАНЕЙ:**

Шерстяныя матерія 2-й шир. отъ 40 к. до 2 руб.

Драпы черныя и цвѣтныя отъ 2 р. 50 к. до 8 руб.

Сукно и сатинъ всѣхъ цвѣтовъ отъ 1 р. 20 к. до 8 р.

Шелковыя ткани модныя для платья и рубашечекъ отъ 50 к. до 3 р. 50 к.

Полотна чистого льна, салфетки, скатерти, ковры, гардинныя тюль, батисты модныя російскихъ и заграничныхъ фабрикъ отъ 20 к. до 1 р. 50 к.

Рубашечки и платья заграничныя, цвѣтныя и бѣлыя отъ 3 р. 25 к. до 12 руб.

Магазинъ И. П. Развалинова

ПОДЪ СОБОРОМЪ №№ 1, 2, 3.

ХАРЬКОВЪ.

Открыта подписка на 1907 г. на большую политическую, общественную и литературную газету

Русскій Голосъ

(бывшій Русскій Листокъ). (XIX девятнадцатый годъ изданія).

Изъ всѣхъ большихъ столичныхъ ежедневныхъ газетъ Русскій Голосъ съ 1907 г. будетъ по своей подписной цѣнѣ самая дешевая, а по условіямъ подписки самая доступная газета

Русскій Голосъ, будучи чуть-ли не единственнымъ столичнымъ органомъ печати прогрессивнаго (умѣренно-передового) направленія остается въ то же время органомъ вѣд. партійнымъ. Уже въ теченіе 10 лѣтъ онъ ставитъ одной изъ главныхъ задачъ объективность и полнѣйшее безпристрастіе какъ въ изложеніи фактовъ, такъ и въ освѣщеніи текущихъ событій, не уклоняясь ни вправо ни, влѣво. Пользуясь достаточно широкой распространенностью, газета считаетъ всякую тенденциозность и односторонность сужденій безусловно вредной и недопустимой въ періодической печати. Широкая осведомленность, свѣжесть извѣстій, краткость и ясность изложенія, чуткость и отзывчивость на событій составляютъ отличительную черту насней газеты. Русскій Голосъ заявилъ себя предъ читателямъ и въ дни забастовокъ и вооруженнаго восстанія, когда наша газета изъ всѣхъ столичныхъ изданій выходила только одна. Въ истекшему году Русскій Голосъ въ числѣ весьма не многихъ русскихъ ежедневныхъ газетъ выполнилъ свои обязанности предъ подписчиками, выходя по понедѣльникамъ и въ нѣкоторые послѣдпраздничные дни. Но такъ какъ и въ наступающемъ году газеты не будутъ выходить въ послѣдпраздничные дни, то в Русскій Голосъ по этой-же причинѣ въ означенные дни выходить не будетъ, поэтому мы считаемъ своимъ правственнымъ долгомъ уменьшить съ 1907 г. подписную годовую плату на газету на 2 руб. и назначаемъ за годъ вѣсто 8 руб. ВСЕГО 6 руб. Если въ теченіе наступающаго 1907 г. другія ежедневныя газеты будутъ выходить по понедѣльникамъ и въ послѣдпраздничныя дни то и Русскій Голосъ будетъ выходить въ эти дни. При Русскомъ Голосѣ по прежнему еженедѣльно будетъ выходить иллюстрированный журналъ для семейнаго чтенія

годъ II изданія. **ДѢЛО И ОТДЫХЪ** 50 номеровъ въ годъ.

Въ журналѣ будетъ дано въ теченіе года болѣе 800 страницъ, около 1000 разныхъ рисунковъ картинъ фотографическихъ снимковъ текущихъ событій и проч. Въ каждомъ почти нумбрѣ помѣщаются каррикатуры на злобы дня, новѣйшія моды узоры и рисунки для рукоделия и ручныхъ работъ. Въ настоящемъ году будетъ обращено особенное вниманіе на увеличеніе и улучшеніе литературнаго матеріала для чтенія, и для печатанія въ журналѣ редакціей пріобрѣтено нѣсколько оригинальныхъ и переводныхъ романовъ и повѣстей.

Подписная цѣна, отдѣльно на журналъ Дѣло и Отдыхъ за годъ 4 р. Подписчики Русскаго Голоса получаютъ журналъ Дѣло и Отдыхъ за 2 р. въ годъ.

Подписная цѣна съ достав. и перес. на одну газету Русскій Голосъ на годъ 6 р., на 6 мѣсяцъ 8 р. 50 к., на 3 мѣс. 2 р., на 1 мѣс. 75 коп. На газету съ журналомъ Дѣло и Отдыхъ на годъ 8 руб., на 6 мѣсяцъ 4 руб. 50 коп. На 3 мѣс. 2 руб. 50 коп. на 1 мѣс. 90 коп.

Допускается разсрочка годовой подписной платы какъ при подпискѣ на одну газету, такъ и на газету съ журналомъ: 1) при подпискѣ 5 р. и къ 1-му іюля 8 р.; 2) при подпискѣ 3 р. и къ 1-му іюня 8 р., а съ журналомъ въ 1 апрѣля 8 р. и къ 1-му іюля 2 р.; 3) при подпискѣ 1 р. въ первые пять мѣсяцъ по 1 р., а съ журналомъ первые семь мѣсяцевъ по 1 р.

Адресъ главной конторы газеты „Русскій Голосъ“. Москва, Мясницкая, д. 20.

Журналъ „ВѢРА и РАЗУМЪ“ издается съ 1884 года; за первые двадцать лѣтъ въ журналѣ помѣщены были, между прочимъ, слѣдующія статьи:

Произведенія Высокопреосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: „Живое Слово“, „О причинахъ отчужденія отъ Церкви нашего образованнаго общества“, „О религіозномъ сектанствѣ въ нашемъ образованномъ обществѣ“; кромѣ того пастырскія воззванія и увѣщанія православнымъ христіанамъ Харьковской епархіи, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: бесѣды, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія другихъ писателей, какъ-то: „Петербургскій періодъ проповѣднической дѣятельности Филарета, митроп. Московскаго“, „Московскій періодъ проповѣднической дѣятельности его же“. Профес. И. Корсунскаго.—„Религіозно-нравственное развитіе Императора Александра I-го и идея священнаго союза“. Профес. В. Надлера.—„Архіепископъ Иннокентій Борисовъ“. Біографическій очеркъ. Свящ. Т. Буткевича.—„Протестантская мысль о свободномъ и независимомъ пониманіи Слова Божія“. Т. Стоянова (К. Истомина).—Многія статьи о Владиміра Гетте въ переводѣ съ французскаго языка на русскій, въ числѣ коихъ помѣщено „Изложеніе ученія каволической православной Церкви, съ указаніемъ разностей, которыя усматриваются въ другихъ церквахъ христіанскихъ“.—„Графъ Левъ Николаевичъ Толстой“. Критическій разборъ Проф. М. Остроумова.—„Образованные евреи въ своихъ отношеніяхъ къ христіанству“. Т. Стоянова (К. Истомина).—„Западная средне-вѣковая мистика и отношеніе ея къ католичеству“. Историческое изслѣдованіе А. Вертеловскаго.—„Имѣютъ-ли каноническія или общеправовыя основанія притязанія мірянъ на управленіе церковными имуществами? В. Ковалевскаго.—„Основные задачи нашей народной школы“. К. Истомина.—„Принципы государственнаго и церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Современная апологія талмуда и талмудистовъ“. Т. Стоянова (К. Истомина).—„Теософическое общество и современная теософія“. Н. Глубоковскаго.—„Очеркъ православнаго церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Художественный натурализмъ въ области библейскихъ повѣствованій“. Т. Стоянова (К. Истомина).—„Нагорная проповѣдь“. Свящ. Т. Буткевича.—„О славянскомъ Богослуженіи на Западѣ“. К. Истомина.—„О православной и протестантской проповѣднической импровизаціи“. К. Истомина.—„Ультрамонтанское движеніе въ XIX столѣтіи до Ватиканскаго собора (1869—70 г.г.) вклучительно“. Свящ. І. Арсеньева.—„Историческій очеркъ единовѣрія“. П. Смирнова.—„Зло, его сущность и происхожденіе“. Профес.—прот. Т. И. Буткевича.—„Обращеніе Савла и „Евангеліе“ св. Апостола Павла“. Профес. Н. Глубоковскаго.—„Основное или Апологетическое Богословіе“. Профес.—прот. Т. И. Буткевича.—Статьи объ антихристѣ. Профес. А. Д. Бѣляева.—„Книга Руоѣ“. Преосвященнаго Иннокентія, епископа Сумскаго (нынѣ Тамбовскаго).—„Религія, ея сущность и происхожденіе“. Проф.—прот. Т. И. Буткевича.—„Естественное Богопознаніе“. Профес. С. С. Глаголева.—„Философія монизма“. Профес.—прот. Т. Буткевича.—„Матерія, духъ и энергія, какъ начала объективнаго бытія“. Проф. Г. Струве.—„Краткій очеркъ основныхъ началъ философіи“. Профес. П. И. Ляницкаго.—„Законъ причинности“. Профес. А. И. Введенскаго.—„Ученіе о Святой Троицѣ въ новѣйшей идеалистической философіи“. Профес. П. П. Соколова.—„Очеркъ современной французской философіи“. Профес. А. И. Введенскаго.—„Очеркъ исторіи философіи“. Н. Н. Страхова.—„Этика и религія въ средѣ нашей интеллигенціи и учащейся молодежи“. Профес. А. Шилтова.—„Психологическіе очерки“. Профес. В. А. Снегирева.—Чтенія по космологіи Профес. В. Л. Кудрявцева.—„Законъ жизни“. Профес. Мечникова. Д-ра М. Глубоковскаго.

А также въ журналѣ помѣщаемы были переводы философскихъ произведеній: Сенеки, Лейбница, Канта, Каро, Жаве, Фулье и многихъ другихъ философовъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію «Вѣра и Разумъ», свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою. Жалобу на неполученіе какой-либо книжки журнала просимъ заявлять редакціи не позже, какъ по истеченіи мѣсяца со времени выхода книжки въ свѣтъ.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 3-хъ часовъ по полудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

 Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца каждой четверти года не переплавали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи каждой четверти, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особыя заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 30 к., за два раза 40 к., за три раза 50 к.

Редакторы: { Рectorъ Семинаріи, Протоіерей Алексѣй ЮШКОВЪ.
Дѣйств. Статск. Совѣт. Константинъ ИСТОМИНЪ.